

Дмитрий Добродеев

роман КАИРСКИЙ
СИНДРОМ

SHOUT
SHARE **IT**

- Дмитрий Добродеев
 -
 - Сергей Юрьенен
 - Каирский синдром
 - ПРОЛОГ
 - КОМАНДИРОВКА
 - ИМПЕРИЯ НА ПОДЪЕМЕ
 - И СНОВА КАИР
 - ВСЕ ДЕЛО — В АНТРОПОЛОГИИ
 - «СИТИ-СТАРС»
 - ПРОБЛЕСКИ ПАМЯТИ
 - СТРАННАЯ ЖИЗНЬ НОВОГО КАИРА
 - МОЙ ДРУГ САША
 - ЕЩЕ О САШЕ
 - ОФИС
 - ВИЛЛА НАСЕРА
 - КАИР — ПЕРВЫЕ ДНИ
 - БАССЕЙНЫ И ХАБИРЫ
 - ЕГИПЕТСКАЯ НОЧЬ
 - СЛЕДЫ САДДАМА
 - ДРАНГ НАХ АСУАН
 - ДЕЛА БРИГАДНЫЕ
 - КОМАНДНЫЙ ПУНКТ ПВО
 - ЖЕРТВЫ СОДОМИИ
 - СМОТРЯЩИЙ НА 6 ЧАСОВ
 - ЗАЩИЩАЯ РОДИНУ
 - ТРОЙНОЙ ПРЫЖОК
 - И СНОВА АСУАН
 - ПРОФЕССОР ФУКЕ
 - КАИР МИСТИЧЕСКИЙ
 - МУКАТТАМ
 - МЫСЛИ О ПОБЕГЕ
 - ВО ВЛАСТИ СОВЕТСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О
ПРЕКРАСНОМ
 - ВИВА АС-САДАТ!
 - АТРИБУТЫ 71-го
 - ЗВУКИ ВРЕМЕНИ
 - ЖАКЛИН
 - МУЗЫКА И ГАШИШ
 - КАИР: СЛЕДЫ БЫЛОЙ РОСКОШИ
 - ЕГИПЕТСКИЕ МОМЕНТЫ-71
 - ЕГИПЕТ: ОБРЫВКИ КАДРОВ
 - ПОЛКОВНИК БАРДИЗИ И ИСХОД ХАБИРОВ

- АЛЕКСАНДРИЯ — ЭЛЬ-АЛАМЕЙН
- ЭЛЬ-АЛАМЕЙН
- ИЗ ДНЕВНИКА РЯДОВОГО ШУЛЬЦЕ
- ВОЗВРАЩЕНИЕ В «ДАХАБИ»
- ПЕРВАЯ ПТАШКА
- СЕКС-ТУРИЗМ В КАИРЕ
- «ЗАУАГ АЛЬ-УРФИ»
- ДОМОГАТЕЛЬНОСТЬ ПО-ЕГИПЕТСКИ
- ПЕРВЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ ПО ТЕМЕ
- А МОЖЕТ — ЖЕНИТЬСЯ И ПРИНЯТЬ ИСЛАМ?
- О СМЯГЧЕНИИ ЗЛЫХ СЕРДЕЦ
- ГОРОД РАЗВРАТА
- МАДАМ КУЭЙИС
- ИСТОРИЯ ЛЕЙТЕНАНТА ХОБСОНА
- МЕРТВЫЙ ГОРОД
- ЧЬЯ ВЕРА СИЛЬНЕЕ?
- О МНОГОЖЕНСТВЕ
- АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ
- ЗАЛОЖНИКИ СИТУАЦИЙ
- ЯЗЫК И НРАВЫ
- ЕЩЕ МОМЕНТЫ
- КУДА ИДЕТ ЕГИПЕТ?
- ПРОЩАНИЕ С ГЕЛИОПОЛИСОМ
- ТЕРМАЛЬНЫЙ СИНДРОМ
- ПРОЩАНИЕ С КАИРОМ
- ЕЩЕ О КАИРЕ
- В МОСКВЕ
- МАРИНА
- БОТКИНСКАЯ БОЛЬНИЦА
- НЕВЬЕЗДНОЙ
- САША — ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ
- САША — ЗАВЕРШЕНИЕ ИСТОРИИ
- ПОСЛЕДНИЕ ВСТРЕЧИ
- Дмитрий Добродеев
- Другие авторы издательства

Дмитрий Добродеев Каирский синдром

Роман

Дмитрий Добродеев. 2010

Сергей Юрьенен

ДАЛИ ДОБРОДЕЕВА

Лаконизм предлагаемого вашему вниманию подтверждает результативность принципа *less is more*.

«В момент захода солнца понял: важен только момент. Только момент, только состояние: „Сидели, свертывали цыгарки“, „рвануло над пятым бастионом“, „обдала теплая волна“. Was noch?»

Как, то есть, что? Дмитрий Борисович?

Фиксация, конечно.

Но момент, невероятно сложную структуру «здесь-и-сейчас» Добродеев умеет явить как мало кто.

Прозаиков, исповедующих аристократизм understatement'a, вообще сегодня в мире наперечет, а особенно в ареале русскопишущем, самодовольно «растекающемся» и недосказанности не одобряющем столь же традиционно: «Повести Пушкина голы как-то». Но в англоязычной культуре «раздетость» — *stripped down* — скорее, добродетель (а если мне скажут про Камю и Сартра, то я напому, что оба находились под влиянием эстетики «хардбоилд» настолько, что «Посторонний» был вдохновлен «Почтальоном...» Джеймса М. Кейна).

Впрочем, здесь Добродеев скажет сам о том, кому обязан и кто наставлял «художника в юности» на путь, приведший к работе по ту сторону даже и наготы — к письму «нулевому», где вопиют пустотами с пробелами.

А как прикажете, дамы и господа, транслировать вам про Отсутствие?

Собрание пробелов, однако, вмещает всю нами прожитую жизнь. Начинаясь не с вечно-ницшеанской темы *revisited*, что по-русски значит *вновь я посетил* где было хорошо, или, что равнозначно, совершенно губительно, но юно и отчаянно (Рах Sovetica, наш общий uterus), и не с вылета двадцатилетнего счастливца в столицу арабского мира, а с первой встречи друзей-протагонистов в день 1 сентября 1967 года на Ленгорах, где «ивяшников» для начала «заряжают» на подмосковную картошку.

Филологам на первом курсе пофартило больше. Завтра податель сего отправится хоронить космополита Эренбурга, а в упомянутую пятницу в той же альма-матер, но только downtown, на Манежной, выбежав из Комаудитории, я делаю вот что: припадаю к гранитному постаменту, чтобы начертать в записной книжке железный план на предстоящий год и всю оставшуюся.

Но книга умудрено констатирует: *«Жизнь пошла совсем по другой колее»...*

Конечно, читатель я пристрастный. Как им не быть? Если я обрел ту же «Тошноту» — пусть не в Каире, а выиграв в покер у профессионального революционера Карлоса в 5-м корпусе на Ломоносовском, — но тоже в оригинале и, быть может, в том же самом издании ливр де пош...

«Синдром», он ведь и назван так, чтоб быть сплетением чего угодно, помимо заявленного вида на басурманский мир. Меня захватывает мастерство, с которым выложена мозаика фрагментов-симптомов прекрасной болезни (она же — высшая мука на уровне ином). Но главное тут — пространство параллельных траекторий с эксцессами, пересечениями и взаимоотражениями в невероятных точках, закулисах и зазеркальях. Чтение очень личное — напомнившее на заре туманной юности в Союзе читаный «Праздник, который всегда с тобой» (Movable Feast). Там, правда, имела место перспектива невозможного предвосхищения, а здесь, когда все невозможное сбылось, оно поворачивает на круги своя и гнет в ретро.

Тем более не ожидаешь протуберанца лирики и романтизма. Столь интенсивного, что, будь он писатель традиционных ап-эн-даунов, я бы смело сказал — перед вами лучшее, самое проникновенное произведение Дмитрия Добродеева. Вот только совокупность созданного, body of work (а он за это назван нашим, «Серебряной пулей» наделенным, «Франтирём-2012»), — бежит синусоиды с ее перепадами между хорошим и лучшим. Словно бы сам «путь» подчинился исходному тайному знанию, и написанные книги, от первой до той, которую вы открыли, пребывают за пределами любых осей координат, а все писательское становление-развитие подобно той антисоветской радиоантенне, которую наматывали на карандаш, — образ подсказанный русским метафизиком, учившем автора через помехи экзистанса слушать Вечность.

Темпоральные открытия этой прозы объясняют, почему Добродеева — несчастый случай — хочется перечитывать. Он, так сказать, не теряет актуальности. Экзистенциальные 70-е, когда юный полиглот и ранний эзотерик формулировал свой идеал, сменяются фрагментарно-клиповыми 80-ми, преступно-активная декада съезжает в новую стагнацию, но проза Добродеева ничуть не размагничивает своей «интересности». Это ведь особенность категориальная, а в случае выходящих в метрополии книг зарубежного русского писателя сквозь зубы цедят: «Занятно...» даже критики, далекие от доброжелательства по причинам внелитературным.

Издавая его прозу в Америке малыми, но всецело независимыми силами, в свое время я как штатный культуртрегер предавал ее огласке всеми доступными мощностями антенн, «направленных на Восток», поскольку открыл его литературу не где-нибудь, а в мюнхенском «осином гнезде», которое пополнил ее создатель, отрешенно-дистанционный с виду. Владимир Матусевич сказал мне: «Арабист!» Интеллектуал в директорах и сам скандинавовед, он знал не по Бахтину, что самое интересное возникает на стыке рубежей. Я был не настолько «в теме», чтобы почувствовать уроки суфиев, но западные источники, разумеется, ощутил, ибо арабист оказался носителем еще и франкофонной культуры (см. «Добродеев о себе» в конце этой книги). Столь же внятен ему и сумрачный германский гений (столь почитаемый арабским миром в его милитарном воплощении и деяниях Afrika-Korps). Но раньше, и прежде даже французов, — гений американский, конституционно-образующий, в три слова скототивший все, что нужно знать прозаику, претендующему на внимание современников: *Show, don't tell*.

Не повествуй — показывай.

Новый русский минимализм *signé* Добродеев стал для меня одним из самых значительных побочных эффектов «главной катастрофы XX столетия». Я мгновенно возвел «пишущего пробелами» автора к дорогим мне американским именам: Буковски, Карвер, Тобайес Вольф, Тим О'Брайен, Бэрри Ханна и прочим, еще более «минимальным» мастерам, перечислять которых не вижу смысла, — ряд в смысле toughness-крутизны не менее маскулинный, хотя уступающий нашему автору в смысле культуры, и не той, что «мульти», а общей — мировой.

При всем респекте к центробежным «почвенникам» мне всегда были дороже экспансионисты — беглецы из монокультур, взломщики границ, пионеры и открыватели миров. *«Тревожная ночь в Наср-сити, 6. Дует, завывая, ветер с пустыни. Песчинки проникают сквозь ставни и рамы, скрипят на зубах. У военного переводчика назревает религиозное состояние. Хочется молиться. Скажите, ночные призраки! Скажите, ангелы-хранители, души атлантов и первых схимников пустыни! Почто мы суеتمدся в северных широтах?»*

Уместно вспомнить, что одним из первых энтузиастов его прозы был Андрей Битов, прошедший свой крестный путь и по периметрам Большой зоны. Выражая обложечные восторги, чувствовал ли автор «Уроков Армении» метафизическую природу нового нарушителя? В этом смысле «Каирский синдром» еще более «урок»: там, в Зоне, все же было среди своих, христиан не только отпавших, но и восходящих.

Здесь — опыт трансгрессии межконфессиональной. Сокрушительной, хотя не безнадежной для гяура. «Как сказал Рембо, поклонения богам больше нет. Оно ушло, оставив нас наедине с собой. Но там, в египетской пустыне, я слышал отголоски ушедшей веры.

Эхо эха».

Но главное — берущей прямо за сердце.

«Будь осторожен в Египте, сынок! Не пей воду из Нила, не ешь рыбу из Нила. И, главное, не ходи по местным блядам — шармутам. Получишь триппер, сынок. *Tu auras le chaude-pisse, mon fils*».

Вот кто внутри себя услышал французский голос старого грека-аптекаря, тот прошел экзамен на дальнейшее погружение в эту многослойную, но на всех своих уровнях щепетильно-честную книгу, где ни разу не прозвучат слова из тех, что я себе позволил.

Хотя чем неблагозвучно «сущностное» существительное *Богооставленность*?

Добродеев писатель экстремальный во всех смыслах эпитета. Запредельность манит нас с вами тоже. Но здесь есть сила и кураж, чтобы, пардон май Френч, *passer à l'acte*.

Каирский синдром

*Кто испробовал воду из
Нила,
Будет вечно стремиться в
Каир.*

Н. Гумилев

ПРОЛОГ

(Мюнхен, 28 февраля 2010 г.)

— Переводчик, ты влип!

— Кто, я, почему?

— Ты сейчас же покинешь расположение части!

Я вижу страшные глаза подполковника Мордовина и молю его:

«Пожалуйста, не высылайте меня из Египта»!

В ответ громкий хохот офицеров:

— Ну Жора, ну дает! Пытается разжалобить.

Понимая, что все бесполезно, я собираю чемоданчик и покидаю командный пункт ПВО. В душе отчаяние: «За что высылают? Я так люблю Египет! Это солнце, эту пустыню, этот обжигающий кофе „масбут“. Я не хочу назад, под тусклое московское небо»!

Советский газик-«козел» увозит меня из части, вокруг пустыня, мальчишка-араб на ослике машет мне рукой.

Прощай, Египет!

Какой сейчас год?

1971-й? 1972-й?

Есть СССР? Нет СССР?

Кадры скачут.

Отчаянным усилием открываю глаза: что это, сон?

Понимая, что больше не засну, подхожу к окну.

Мюнхен застыл в утреннем морозном тумане. Вдали виден силуэт Мариенкирхи. Немцы начинают заводить машины и разъезжаются кто куда. Тротуары чистят унылые турки. В воздухе запах кофе и свежих булочек.

Этот город засыпает в 10 вечера, а в 6 утра уже на ногах.

Здесь все нормально, размеренно, аккуратно.

Я в Германии уже 20 лет.

Люблю ли я свою новую жизнь? Не знаю. От Советского Союза меня отделяют горы времени.

Где я? Что я? Почему я здесь?

Хочется ущипнуть себя за ухо. Хочется вернуться к истокам, чтобы понять, почему вышло так.

Это непросто. Слишком длинная история. А в ее исходной точке — Египет.

Я вижу: Москва, 71-й год.

Но лучше сначала.

КОМАНДИРОВКА

(Москва, 28 февраля 1971 г.)

Хмурая, холодная столица СССР. У здания Главпура на Гоголевском бульваре топчется группа людей в кургуzych пальтишках и шапках-ушанках. Курят «Яву», «Приму», «Север». Это советские военспецы. С ними я — 20-летний переводчик-арабист.

Нас грузят в автобус, везут в «Шереметьево», сажают на спецборт «Ил-18». Сопровождающий офицер пересчитывает всех по головам, дает отмашку:

— Команда в сборе, поехали!

Курс — Каир.

Ночное пространство вдоль Кавказа, Малой Азии, Средиземного моря — безлюдное и темное. Прощупываемое радарам дальнего слежения. Изломанная линия холодной войны. Где-то под крылом проплывают Турция, Кипр.

Я думаю, как все же надоела монотонная советская жизнь, водка с салатом оливье и бесконечные разговоры о духовном. Как хочется вырваться на древнюю землю Востока, о которой я знал лишь по книгам. Уж лучше слушать по утрам рев ишака, чем гимн Советского Союза...

А теперь помолчите, товарищи!

Приглушенно шумят турбины, самолет идет на снижение, в иллюминаторе возникают огни гигантского города.

Здравствуй, Каир!

Сходим с трапа. Все непривычно: аромат ночных трав, гортанные крики носильщиков, теплый ветер. Прямо на поле — короткая переключка, погрузка в автобус и размещение в общежитии для советских специалистов — хаби́ров.

Многоэтажный дом в Наср-сити, на самой окраине Каира.

Обшарпанные чемоданы, пакеты. Все достают кипятильники. Фронтовой юмор, сто грамм и спартанские койки в в большой полупустой квартире.

Какого хрена занесло меня сюда? Их, спецов, манили сертификаты с желтой полосой, возможность пить спирт с мужиками вдали от опостылевших кастрюль. А я, двадцатилетний студент, чего ищу? Только экзотику Востока? А может, в душе я настоящий комсомолец и клюнул на уговоры пропагандистов из Главпура и «Десятки»?

Грузный, задубевший полковник Мосоликов отечески похлопал по плечу:

— Лети, сынок!

Я вытянулся:

— Служу Советскому Союзу!

И полетел.

Наутро яркое солнце ослепило, ошеломило. Я ходил по Насрсити, забыв про своих спутников, про Главпур, про «Десятку» и про полковника Мосоликова, наблюдал за шумной арабской жизнью. Чувство жизни и, как ни странно, чувство свободы — после Москвы.

ИМПЕРИЯ НА ПОДЪЕМЕ

В 71-м мы были горды, охренительно горды, несмотря ни на что. Пик наивысшей гордости советских людей был именно тогда, в 71-м. Империя раправляла крылья, втягивала в орбиту далекие страны: Египет и Сирия, Вьетнам и Куба — все новые флажки на карте мира втыкал премудрый бровастый генерал в Генштабе, что на Гоголевском бульваре.

Арабистов стало — как нерезанных собак: особенно их много готовят в ВИИЯКА — Военном институте иностранных языков Красной армии. И все они должны нести благую весть арабским народам. Хабир — по-арабски — специалист, и все мы, включая переводчиков, были русскими хабирами — хобара рус.

Когда я учился в Институте восточных языков (ИВЯ) при МГУ, то не сомневался, что советская страна будет жить вечно. Что она при всей своей дубовости и архаичности будет прочно удерживать свое место в мире. Я мог планировать свою жизнь вплоть до глубокой старости — на подмосковной даче, с внуками на коленях и парткнижечкой в пронафталиненном пиджаке.

Но жизнь пошла совсем по другой колее.

Бедный, бедный Робин Крузо! Где ты был, как ты сюда попал? Долбанный хабир!

И СНОВА КАИР

(6 марта 2010 г.)

С того времени минуло почти 40 лет.

Снова лечу в Каир. Сейчас, в марте 2010-го, мои попутчики — пожилые немцы — в основном пенсионеры-полицейские.

Самолет вылетел из Франкфурта. Стоимость двухнедельного тура Karnak Travel немалая — две с половиной тысячи евро. Но мне поездку оплатила кафедра антропологии Мюнхенского университета. Я должен написать исследование. О чем — скажу позже.

Я не заметил большой разницы между «Боингом-737» и тогдашним «Ил-18». Разве что выдвижной экран, на котором показывали последний голливудский фильм.

Фляжка коньяка погрузила в состояние легкое и приятное, и я без раздражения отвечал на тупые вопросы соседей-немцев. Время прошло незаметно.

В каирском аэропорту встречающие из Karnak Travel провели нас без досмотра.

Полицейские начинают пить в автобусе.

Их целая группа — любителей Египта. Каждый год они катаются по одному и тому же маршруту, наслаждаются солнцем и общением. Под вой муэдзинов разливают «Егермайстер». И, одинокие в немецкой жизни, ощущают локоть друга в поездке по Египту.

Они здесь все знают наизусть: «Сейчас будет поворот на Каир», «Скоро будет старая мечеть», «А здесь должна быть стоянка верблюдов». Быть может, в душах отставных служителей закона происходит странная метаморфоза и пыльная, бедная земля дает им первозданную энергию, которой давно нет в немецких кнайпах и биргартенах?

Поездку организовал человек по имени Мохи эд-Дин аш-Шамс — семидесятилетний египтянин, давно живущий в Кельне и промышляющий турами на историческую родину. Для простоты немцы зовут его Шамс. Толстый, надменный и чрезвычайно неприятный тип. Когда я увидел его, все понял: на лбу, как у Садата, синела шишка, набитая многолетними молениями на ковре.

Биография его такова: в 60-е Шамс приехал в Германию на учебу, но учиться не стал. Женился на немке, завел детей и никогда не работал. Пользовался всеми благами немецкой социальной системы.

Поездки в Египет — его хобби. Он приезжает как барин, ему кланяются и даже целуют руки.

Шамс купил две квартиры в центре Каира и сдает их. Мало того, он — исламист. Живя в растленной Германии, как и миллионы других арабов в Европе, он отвратился от западной цивилизации и стал приверженцем фундаментального ислама.

Последние годы Шамс организует поездки в Египет. Он зарабатывает на этом, а также подкармливает родственников в Karnak Travel и заодно проверяет свои квартиры в центре Каира.

Он ходит в мечеть и, я почти уверен, подолгу беседует с муллами и богословами в кофейнях и на рынках. Естественно, все эти шамсы-исламисты и им сочувствующие комфортно чувствуют себя в Европе. Немцам и англичанам на них начхать, а им самим приятно ощущать собственную исключительность в мире гяуров.

ВСЕ ДЕЛО — В АНТРОПОЛОГИИ

Как я уже сказал, моя поездка оплачена. Да, у меня здесь есть свой, кровный интерес, есть ностальгия по Каиру. Но есть и дело. Я должен провести исследование.

Эту тему мне поручил Гюнтер К. — завкафедрой антропологии Мюнхенского университета. Мы познакомились в 90-е, когда я читал лекцию на тему социальных последствий распада СССР — о кризисе семейных институтов и личности в России.

Гюнтер сказал, что я как арабист могу провести для них полевое исследование. Условное название — «Исламизация общества и кризис нравов в современном Египте». Тема необычная, но ставшая актуальной в свете последних мировых событий. Тема, можно сказать, закрытая — ввиду ее щекотливости, что ли. У факультета есть гранты на эти цели, сказал Гюнтер, и мне оплатят поездку в Египет. Я также получу небольшой гонорар. После поездки я должен написать аналитический обзор и представить отчет о расходах.

Мы выпили с Гюнтером по кружке пива в Английском парке, он сказал:

— Да, это тема важная. Но ты же знаешь, что мы, немцы, погрязли в политкорректности. Мы — уже не мы. Можешь представить, что здесь, в Мюнхене, работал Шпенглер, творили Хаусхофер и Макс Вебер? Теперь же мы стали политкорректны до тошноты, мы так изменились после войны, мы просто боимся правды, боимся говорить, что люди — разные. А ты — русский эмигрант. Ты сможешь.

Он продолжил:

— Дмитрий, ты историк, значит, кое-что понимаешь в антропологии. А ведь только антропологи и, может быть, историки могут объяснить современный мир. Никакие не политологи, не экономисты и не философы. Только те, кто знает место человека в его культурной и семейной среде, способны понять поведение людей, обществ, стран. Политики ни хрена не смыслят. Возьмем прогнозы Эмманюэля Тодда. Он понял неизбежность распада СССР как антрополог. Он увидел разложение семьи и человеческого социума. И тот же неминуемый конец он предсказал Соединенным Штатам.

Гюнтер сделал многозначительную паузу, крепко приложившись к кружке с пивом:

— Так вот — исследование арабо-мусульманской морали в области секса и брака — один из важных ключей для понимания

так называемой исламской угрозы. А может, ее и нет? Но это надо выяснить, и выяснить предельно беспристрастно. В Париже ученые занимаются этим давно, там много пишут о скрытых механизмах цивилизаций. Из этих исследований становится ясно, что нынешний конфликт в мире — не политический, не религиозный, но антропологический. Вот, я прочту, что говорит об этом конфликте Эмманюэль Тодд:

«Американцы инстинктивно считают арабо-мусульманский мир враждебным. Враждебность эта — нутряного, примитивного, антропологического характера. Она выходит далеко за рамки религиозного конфликта цивилизаций, о котором писал Хантингтон. Для антрополога абсолютно ясно, что англосаксонские и арабские системы семейных ценностей диаметрально противоположны. Американская семья — нуклеарная, индивидуалистическая, где женщина имеет высокий статус, а мужчина подчинен. Арабская семья — разветвленная, патриархальная, в ней женщина знает свое истинное место. Америка, где феминизм становится все более догматичным и агрессивным, а непримиримость к многообразию мира все жестче, была просто запрограммирована, чтобы войти в конфликт с арабо-мусульманским миром.

Это — глубинный конфликт между системами ценностей, которые априорно несовместимы. Сопоставление само по себе гротескно. С одной стороны — Америка, страна доминирующих женщин, где даже президент должен доказывать комиссии, что он не спал с практиканткой. С другой стороны — бен Ладен, террорист-многоженец, с бесчисленными кровными узами, член мусульманской уммы.

Что любопытно: американка (American woman), несущая угрозу оскотительница, внушает тревогу даже европейским мужчинам. И в то же время арабские самцы легко сношаются с европейками и американками. У них нет страха перед женщиной».

Гюнтер допил пиво:

— Тодд абсолютно прав: недаром принцесса Диана имела дело с мусульманскими самцами. Они сохранили еще силу эрекции и, самое главное, они не боятся женщин. Так давай же узнаем, что может позволить себе арабо-мусульманский мужчина в быту! Тогда мы сможем распознать мотивы его поведения, увидеть, что нас ждет.

— А вообще, — понизил голос мой собеседник, — я веду это исследование в экспериментальном порядке. Ты же знаешь, в каких условиях мы, немцы, живем. Мы все еще не полностью свободны и нам навязаны совсем другие ценности. Мы

рассуждаем в рамках дозволенного, наши мысли блокированы страхом. А это ничего хорошего не даст. Политкорректность убила живую мысль.

Знаю, что скажет твоя русская душа. Знаю, что скажет моя немецкая душа. А что может дать мультикультурный подход? Нет, общечеловеческих ценностей тут быть не может.

Мне иногда сдается, что разговор об исламской угрозе есть отвлекающий маневр, чтобы закрыть глаза на разрушительные процессы, что происходят в наших, европейских обществах.

Тут Гюнтер подмигнул и в его голосе прозвучал апломб немецкого профессора:

— К тому же, мой дорогой Димитрий, твоя историческая родина — Россия — находится в стадии антропологического коллапса. Подобно Египту эпохи мамлюков. Вам, русским, было бы полезно взглянуть на нынешний Египет с этой точки зрения. Заглянуть в историю. Египет в XVIII веке был подобен нынешней России. Ненасытные мамлюки выпивали последние соки из своего народа, который находился в состоянии демографического спада и моральной деградации. И знаешь, что их спасло? Ха-ха! Их спасла иностранная оккупация. Их спасли чужеземцы, их спас Наполеон. Он всего лишь установил просвещенный порядок в стране. Он сверг власть мамлюков, дал египтянам твердый закон, открыл доступ к современной науке и технологии. С этой самой экспедиции Бонапарта и началось их национальное возрождение. С каких-то полутора миллионов человек население Египта увеличилось до нынешних восьмидесяти. Национальная жизнь пошла на подъем. Вот так-то, сравни это с вашей муттерхен Руссланд. Любые политические реформы там бесполезны, ибо каста мамлюков никогда не пойдет на ущемление собственных интересов. Вам нужна просвещенная диктатура, нужны варяги, нужна оккупация или что-то в этом роде, чтобы спасти русский народ от своих хозяев...

Гюнтер остановился, почувствовав, что сболтнул лишнее, пожал мне руку и ушел из Английского парка.

А я поехал в Египет — посланник мельчающей европейской мысли.

И бывший советский переводчик.

«СИТИ-СТАРС»

(6 марта 2010 г.)

На окраине Каира нас высадили в гостиничном комплексе «Сити-Старс». Этот монстр характеризуется как «первый интегрированный гостинично-торгово-жилой комплекс на Ближнем Востоке». В центре квартала — супермолл, вокруг — гостиницы и резиденции. Великолепный холл в псевдодревнеегипетском стиле: мраморные колонны, цветные Клеопатры и Сфинксы. В этом вместилище комфорта прохаживаются шейхи с выводами жен и детей, а также кучкуются некрасивые западные туристы в шортах и майках.

Разве так тут было?

Разве так тут было?

Разве так тут было в 71-м?

Здесь была бескрайняя пустыня. Она начиналась под окнами моего дома в Наср-сити и уходила к горизонту. Здесь, на барханах, разворачивался газик-«козел» и рвался по пустынной дороге к Суэцкому каналу, где проходила линия фронта.

Сегодня Гелиополис и Наср-сити слились с аэропортом. Древний город превратился в бескрайний спальный район. Населенный модифицированными египтянами XXI века.

Приняв душ, я пошел на ужин. Сел подальше от немцев, набрав на шведском столе арабскую снедь: бабагануш, тахину, кофту с кебабом, шаурму, таамию (она же фалафель), лепешки, и, под конец, пахлаву. Умял, запил красным вином «Обелиск». Довольно дорогое вино — качество французского столового, а стоит двадцать восемь евро бутылка.

Живот вспучило — как обычно от арабской пищи: много баклажанов, бобов и масла.

С сигариллой вышел к бассейну: он извивался змеей внутри гостиничного комплекса, подсвечивался и подогревался, а в нем плескались два пьяных англичанина.

Над подсвеченными пальмами, над высоченными корпусами «Сити-Старс» — вечное ближневосточное небо, равнодушно взирающее на древних и новых египтян, на феллахов, гуруров, хабиоров, пашей и заезжих туристов.

Я ощутил себя вне времени. Успенский говорил, что мы — не двурукие и двуногие создания, какими видим себя на фотографии. Если посмотреть на нас в четвертом измерении — временном, — мы превращаемся в гусеницу длиной в годы, вращающую бесчисленными руками и ногами. И это наша

перетекающая сущность.

ПРОБЛЕСКИ ПАМЯТИ

Навязчивое ощущение времени меня томило. Оно мучало всю ночь, терзало бесконечными вспышками бреда, пока я, наконец, не выпил стакан JB и не вырубился. Виски подействовало: живот перестал бурлить, темная южная ночь потекла плавно.

И я вспомнил: Каир 1971-го. Когда я здесь жил, на месте «Сити-Старс» ничего не было. Сразу за стадионом, где потом застрелили Садата, начинался комплекс домов Наср-сити, мой дом был последним, а за ним шла пустыня — вплоть до Суэцкого канала. Здесь же заканчивалась линия «метро» — замусоленного трамвайчика, бегающего с колониальных времен. У остановки сидели на корточках и курили местные работяги.

Иногда к трамваю подходила грудастая нищенка в галабие и протягивала могучую руку:

— Мистер, иддини фулюс, баба кассура, мама кассура (Мистер, дай денег, папа болен, мама болен).

И я под настроение давал ей пару кыршей — пиастров.

В 71-м пиастр (и фунт) стоили дорого. Египтяне жили на зарплату в 13–15 фунтов, а я, имея 69, считался обеспеченным иностранцем.

Смешно, египетский фунт был равен тогда британскому. А за 23 фунта я мог купить на выбор: «Сейко» последней модели, золотую цепочку, перстень с агатом или кожаный пиджак — мечту советского студента. Матерые советские полковники покупали на фунты метровые отрезы гипюра и везли в Россию — чтобы продать через комиссионку.

Итак, 71-й, последняя остановка у Наср-сити, 6.

Садится солнце на другом конце Каира — за Гизой, и зажигаются огни в арабских лавчонках. Для русских хабиров торговцы держат хамсатар — чекушки с недорогим местным бренди. Полковник Котиков — тот круче: он покупает в аптеке медицинский спирт и смешивает с колой: получается спиртокола. После двух стаканов нервы успокаиваются, и Египет становится для Котикова родным.

Вот он сидит у окна в Наср-сити, пьет спиртоколу. Зрение проясняется. Он видит: дачу под Владимиром, огород и новенькую «Волгу», привезенную из Египта...

Резкий вопль муэдзина выводит полковника из дремы, и он, ругаясь, ложится спать.

Наутро — тяжелое пробуждение. Полковник спускается десяток этажей (лифт не работает), садится в «козлик».

Косоглазый солдат Махмуд везет его пустынной дорогой на канал, в Исмаилию, где целый день русские хабиры репетируют с египтянами штурм линии Бар-Лева. Пыхтят. Потеют. И после обеда возвращаются в Каир. Пить хамсаташар.

Дома Наср-сити, 3 и 6, высятся одиннадцатизэтажными махинами на окраине города. Внизу — лавка «Люис» — самое оживленное место в русском ареале. «Люис» — результат опечатки: лавка называлась «Люкс», однако египтянин спутал букву. Теперь и хозяина зовут Люис. Хабиры поговаривают, что он израильский шпион.

Люис — толстый человек, он ловко нарезает свиную колбасу, заворачивает продукты в бумагу, ставит на прилавок флажки с бренди и выдает кредит спустившим все фунты советским военспецам и переводчикам. Выдавая продукт, целует собственную руку.

Свинина и алкоголь, запретные для мусульман, производятся на христианских фермах под Джанаклисом.

Много позже пьяный египетский полковник объяснил мне, что алкоголь — допустимый грех для мусульманина, а вот свинина — прощению не подлежит. Потребляющий свинину пойдет напрямик в ад, но пьющий виски способен замолить грехи.

...Египет-71. Флакончик бренди «Дюжарден», тонко нарезанная докторская колбаса и торши — засоленная овощная смесь. Мат советских хабиров и веселое чувство, будто коммунизм не за горами. Это чувство исчезло скоро — году в 74-м, после очередного инсульта Брежнева. Начался застой, и все мы, гомо советикусы, погрузились в историческую спячку. А точнее, стали проваливаться в Никуда.

СТРАННАЯ ЖИЗНЬ НОВОГО КАИРА

(7 марта 2010 г.)

Я проснулся свежий как огурчик. Никакого похмелья. Ближневосточный воздух быстро выдувает алкогольные пары.

Сложными переходами, сквозь металлоискатели, прошел из отеля в гигантский молл «Сити-Старс»: он находился в том же комплексе, где я жил. Главное — успеть в тэкс-фри шоп, пока не истекло двое суток. После которых иностранец теряет право на покупку спиртного. Отдел этот почти засекречен, все продается по предъявлении паспорта, как некогда у нас в «Березке».

Попросил у девчонок-продавиц пять бутылок виски, но они не дали, так как иностранец имеет право на три. Обозвав их простыми солдатскими словами, взял положенные три бутылки и пошел по галереям.

Молл «Сити-Старс»: сюда стекается новый средний класс Египта. Тот, что выиграл от глобализации, торговли, туризма и спекулятивных операций. Сверкают лавки — как в любом европейском или американском торговом центре. Электроника, часы, одежда. От мирового ширпотреба отличается лишь египетский текстиль — высококачественный длиноволокнистый хлопок. Египетская пижама, купленная в 71-м, прослужила мне двадцать лет.

Показался любопытным книжный магазин. Наряду с устаревшим набором чтива в глянцевах обложках, разными Крайтонами и Гришэмами, много антисионистской и антизападной литературы, изданной на Западе же. Есть и книги ревизионистов Холокоста. Однако в целом — разрозненный набор заморских книг, ничего не говорящий душе араба.

Для кого это выставлено? Для туристов?

Почему я ругаю этот ассортимент? Наверное, старею. А в 71-м глаз радовал любой станок «Жилетт», одеколонишко «Олд спайс», открытка-«стерео». После серого, безликого совка даже жвачка Wrigley's казалась откровением.

Я увидел их в «Сити-Старс». Они шли, взявшись за руки, тридцатилетние. В джинсах, с мобильниками, модными прическами. В ней настоящую египтянку можно было признать по широким бедрам, гордой осанке и шлейфу очень крепких духов.

Останавливались у витрин, шептались.

Материальный мир чрезвычайно привлекает арабов. Основа здешнего образа жизни — купля-продажа. Трансцендентная мысль об Аллахе удивительным образом проникает в этот быт, не

разрушая его.

Но кое-что меняется. Для молодежи стала ближе мечта о труднодостижимом западном комфорте. Женятся нынче поздно, а начинают жить вдвоем до брака — вопреки мусульманским правилам.

Этой каирской парочке, судя по возрасту, удалось скопить деньги на квартиру только сейчас. До этого — лобзания в автомобиле, все виды ласк, «кроме».

Так продолжается годами. И наконец...

Припарковав маленький «Пежо», они поднимаются в свою квартиру-двушку в Наср-сити. Дрожит раздолбанный лифт. Который помнит еще русских хабиров 70-х.

Типичное арабское жилье: аляповатая кровать во всю спальню, во второй комнате — ковер и телевизор. В кухоньке на столе — кока-кола и макароны. В холодильнике немного бабагануш.

Она стягивает тугие джинсы с бедер: пирсинг на пупке, гладко выбритое бледное тело. Он, полный, одутловатый.

Ложатся в постель. Он целует ее. Потом ставит порнокассету.

Ночь над Наср-сити. Луна. Не слышно муэдзина. На старом мусульманском кладбище воют собаки. Приглушенно стонут парочки в порнофильме.

А в жизни — неловкая попытка совокупления. Он дрожит, быстро завершает нехитрое дело. Она недовольна. Глядит в потолок. Закуривает сигарету. Потом уходит на омовение. А он засыпает с включенным телевизором.

Современные драмы на земле фараонов. Ублажать женщину они так и не научились.

МОЙ ДРУГ САША

(февраль 71-го)

В первый же вечер по приезде в Каир я нашел однокурсника Сашу в корпусах Наср-сити, 3. Он отсыпался после тяжелого дня на Суэцком канале и резко проснулся, когда я стал его тормошить.

Глаза его радостно вспыхнули, и он поднес к моему лицу запястье, на котором болталась металлическая «Сейка»:

— Смотри, батянь, накопил всего за месяц!

Мы тут же пошли в лавку Люиса за выпивкой и закуской. Нам очень нравится машина для резки колбас, каких нет в Советском Союзе. Крутящееся металлическое лезвие нарезает «докторскую» тончайшими слоями. Люис аккуратно взвешивает, заворачивает и, как всегда, целует собственную руку. В нашем пакете — фляжка бренди, пачка «Клеопатры», которую местные называют «Килубатра», и 200 граммов «докторской» колбаски, которую местные упрямо зовут мортаделлой.

Заплатив пару фунтов за этот стандартный набор, поднимаемся на крышу дома — плоскую и длинную, как вертолетная площадка. Под нами — корпуса Наср-сити. На нас — авероль — египетская полевая форма без знаков различия.

Раскладываем на газете закуску и выпиваем по глотку. Отмечаем встречу.

Тогда, на крыше, никто из нас не знал, как сложится судьба — наша и страны, в которой мы жили. Впрочем, Саша не исключал краха СССР и начала смутного времени.

Он сказал просто:

— Пятьдесят лет для страны — это очень мало. Все еще впереди. Roll Over Leonid Ilyich and tell Tschaikowsky the news.

Саша мечтательно говорит:

— Вернусь в Москву и сделаю Тане предложение!

Мы доедаем колбасу и запеваем песенку: то ли Битлов, то ли Брассанса. В окне напротив стоит молодая египтянка, наблюдает за нами.

Саша делает ей неприличный знак, она дерзко отвечает. Здесь, в Каире, кипит тайная эротическая жизнь — наперекор всем запретам.

Саша затынулся «Килубатрой»:

— Представляешь, каждый вечер, как только приезжаю с канала, опрокидываю хамсаташар и подхожу к окну. А она — тут как тут, напротив. Египетская юная красавица. Я начинаю гладить

себе соски. А она в ответ раскрывает халатик, показывает груди.

— И как, надеешься ее трахнуть, старик?

— Ну, трахнуть в мусульманской стране непросто, но и тут умудряются. У них же главное — чтоб вышла замуж нетронутый, все остальное — дело техники. Они в автомобилях и на кладбищах позволяют себе и анал, и орал, но главное — не трогать целку — бикар.

Позднее нам довелось видеть, как это происходит на всех просторах арабо-мусульманского мира — от Атлантики до Залива. И это зрелище не для слабонервных. В парках Алжира и Бейрута, в переулках Каира и Касабланки прячутся влюбленные парочки, практикуя «все, кроме». В Ливии еще экстремальней: молодые амазонки выезжают ночью на охоту. Курсируя в дорогих машинах, увлекают парней, отвозят на пляж и там насилуют, перетягивая бечевкой член. Страсти бушуют... Впрочем, это отдельная история.

Допив флажку бренди, пошли к Люису за другой.

ЕЩЕ О САШЕ

Саши уже нет в живых. В июне 2002-го, чуть не дотянув до 51 года, он умер от остановки сердца. Его жизненная линия причудливой спиралью взвилась стремительно вверх и еще быстрее — вниз.

Алкоголь начал сказываться уже на первом курсе ИВЯ. Саша мог сесть верхом на лавку и засосать из горла, не отрываясь, бутылку красного. Глаза его загорались магическим блеском, и он принимался декламировать стихи либо пел песни Битлов и других кумиров поп-музыки.

Саша успел стать одним из лучших арабистов Страны Советов и незаметно соскользнуть в небытие. В конце короткого жизненного пути он уже не хотел ни работать, ни путешествовать. Его единственным хобби в последние годы жизни стал компьютер. Он садился за него с батареей крепленого голландского пива «Навигатор» и поглощал одну банку за другой, сочиняя стихи на английском и переписываясь в чате с группой единомышленников под ником ЗаМ.

Саша обладал гениальной памятью: в Каир прилетел лишь на месяц раньше меня и успел освоить египетский диалект.

Он ржал над моими неловкими фразами, которые я с трудом артикулировал на книжном арабском, типа:

— О продавец, не найдется ли у тебя пачка сигарет?

Своим смехом Саша поставил меня в невозможное положение. Это был вызов. И теперь, после трех лет ленивого изучения языка в институте, я рьяно взялся за арабский разговорный.

Через месяц-полтора я лопотал почти так же бегло, как Саша. Продавцы удивленно раскрывали рты, советские генералы брали на переговоры, а египетские офицеры засыпали прибаутками.

Египетская народная мова стала для меня родной и до сих пор звучит в ушах, хотя я лет тридцать не говорю на ней.

Нет случайных встреч. И наша встреча в юности не была случайной. Студенческая дружба продолжалась пять лет, потом мы с Сашей виделись редко. Но я всегда чувствовал его присутствие — и при его жизни, и после его смерти.

В чем секрет его магнетизма и влияния на других? Почему человек пьющий и безответственный так притягивал? Наверное, потому, что он был сделан из иного, более легкого и воспламеняющегося материала. Наша тяжелая земная атмосфера была не для него.

Он был, конечно же, ленив. И не мудрено, ведь ему так

просто все давалось. Много позже, когда он работал в «Росвооружении», его неоднократно хотели уволить — за прогулы и пьянство, но в последний момент вспоминали, что такого арабиста им не найти. Он производил магическое впечатление на арабских генералов, и каждые переговоры с его участием заканчивались подписанием контракта.

Человек стремился к высшему, но в него крепко вцепилась система. Он сделал карьеру не потому, что хотел, а потому, что так получилось.

В Каире я написал один из своих первых рассказов — о молодежной попойке конца 60-х. Там были выражения типа: «Никита вошел в комнату, тяжело передвигая слоновьи ноги, медленно достал из кармана ратинового пальто бутылку и начал наливать по стаканам, стараясь не пролить ни капли...»

Саша тут же сказал категорически:

— Отставить, это никуда не годится. Чистый соцреализм!

И я послушался: убрал текст подальше и больше никогда не давал тягучих физиологических описаний.

Я впервые увидел Сашу 1 сентября 67-го. Площадка перед главным зданием МГУ на Ленинских горах: ребята и девчонки с рюкзаками и гитарами.

Всех поступивших в Институт восточных языков при МГУ отправляют на картошку. Среди ребят выделяется один. Ему 16 лет, живые карие глаза, прядь темных волос, сигарета во рту. Он поет песни Битлов, абсолютно точно имитируя Пола, Джона и Джорджа. Его зовут Саша. Он — центр притяжения для этих попоходному одетых советских ребят и с ним самая красивая девушка факультета — Таня.

Детство и юность Саши прошли в районе Смоленской, в большом сталинском доме, в типовой двухкомнатной квартире. Отец — мелкий служащий, мать — учительница. Советская скудость жизни, вечная нехватка денег.

Когда я приходил к ним домой, они всегда приглашали за стол. Ели тогда даже по советским меркам перенасыщенную холестерином пищу. На стол ставили громадную миску пельменей, в которую заливали две банки майонеза, обильно перчили и солили.

Мать Саши была полной, нервной женщиной. Отец Саши женился на ней, несмотря на то что она была дочь политзаключенного, и это поломало ему карьеру. Его, фронтовика, не взяли на хорошую работу и направили в жалкую маленькую контору, где он угас как личность.

Я помню фотографии в комнате Саши, в которых отразилось убогое советское детство 50-х годов: стоят дети послевоенных лет

— в белых панамках, чулочках на резинках, сандалиях и с флажками в руках. Такие же стандартные фото — из его школьно-пионерской жизни.

Битлы вошли в его жизнь, выражаясь словами Добролюбова, как луч света в темное царство. Он услышал у местного фарцовщика на Смоленской Love me do. И тут же подхватил песню на английском, без акцента.

Фантазия у Саши была исключительной во всем: он расстелил в своей маленькой комнате шкуру медведя, ввинтил красную лампу из домашней фотолаборатории, развесил портреты Битлов по стенам и поставил магнитофонную приставку «Нота-2».

На стенах покачивались красноватые тени, на полу лежал, оскалив клыки, бурый медведь, а он целовался с девушками, курил сигарету за сигаретой и как бы растворялся в своих мирах.

Весь 71-й год, не считая моей командировки в Асуан, мы жили в соседних домах для хабилов: Саша — в Наср-сити, 3, а я — в Наср-сити, 6. Он ездил каждый день с майором Зябловым на Суэцкий канал, а я — в штаб ПВО «Гюши», что на горе Мукаттам.

По вечерам он декламировал стихи на английском и мечтал о Тане, которая осталась главной любовью его жизни.

Мы как-то решили — больше о Советском Союзе не говорить. Эта тема была неинтересна. Говорили только о личном и об искусстве.

Советская система находилась в другом измерении, с комсомольцами, генсеками и пятилетними планами. Свобода была внутри нас.

Саше было наплевать, кто правит нами — Брежнев, Устинов или Гришин. Он глядел на все это каким-то буддийским, нереальным взглядом. Для него главное было — музыка Битлов, девушка Таня с серыми глазами и маленькой грудью, стакан портвейна, после которого он мог глубоко затянуться сигаретой, выпустить кольцо дыма и сказать:

— Я всем доволен!

Когда Саша вернулся в Москву в январе 72-го, его невеста Таня уже была с другим. Она выбрала однокурсника — осетина Казика. Казик оказался неплохим мужем, что еще сильнее угнетало Сашу. Он стал больше пить. В пьяном виде фантазировал, вспоминал Таню и входил в состояние транса. Это его свойство — под воздействием алкоголя проявлять сверхчувственные способности — было отмечено многими.

Прошли годы, десятилетия. Женитьба, развод, еще женитьба. Что не мешало его карьере: он рос по службе, работал с арабскими генералами, продавал оружие. Но внутри него

нарастали пустота и невозможность выразить себя. Я уже сказал, дорогой читатель, что в 90-е, с началом компьютерного бума, Саша весь ушел в виртуал и стал ЗаМом. Внешний мир перестал существовать. Он стал равнодушен к семье и работе, а настоящие друзья были у него в чате «Кроватька».

ЗаМ умер внезапно. Прилег под утро после бессонной ночи за компьютером, а утром лежал уже холодный, с улыбкой на губах.

ОФИС

(февраль 71-го)

Утром новоприбывших советских спецов доставили в офис. Это большая база за бетонным забором на северо-западе Каира. Официально именуется — Штаб главного военного советника СССР в Маншиет аль-Бакри. Много корпусов — все одноэтажные.

Здесь бегали в египетской полевой форме без погон пузатые полковники, поджарые переводчики, проспиртованные техники и прочие лица из состава советской группы военспецов, которая на тот момент превысила двенадцать тысяч человек.

Мне полагалось отметиться в бюро старшего переводчика — полковника Квасюка.

Велели ждать.

Я зашел в буфет, где за прилавком стояли пышные русские бабы — как в каком-нибудь сельпо.

Набор небольшой: египетские бисквиты по голландскому патенту, баночки соков и прохладительных напитков, пиво «Стелла», сигареты «Клеопатра». Еще — сок гуавы, малоизвестный в России и не очень приятный на вкус, но любимый египтянами, а также вечные бутылочки кока-колы — старомодные, матового стекла — как в начале 50-х

Появился полковник Квасюк — высокий, надменный старший преподаватель ВИИЯ. У него были списки всех переводчиков — мутаргимов.

Я остался в резерве офиса — до поры до времени, и лишь 19 марта был без предупреждения этапирован с новоприбывшей ракетной бригадой ПВО в Асуан.

В первый же день Квасюк послал меня сопровождать генерала Н. и его жену — на базар за покупками. Мы забрались в газик. Араб-шофер повез нас по узким улицам, кишашим местным людом.

Генерал сидел рядом с шофером, курил и давал указания, как ехать.

— Сауак хумар (шофер — ишак), — сказал он, когда мы чуть не столкнулись с местным «Фиатом». И громко заржал.

Генеральша — дородная баба с гидроленными волосами, в ситцевом платье, источала пряный запах подмышек. Долго покупала в лавке гипюр, до изнеможения торговалась, а когда я пытался отойти, притягивала могучей рукой.

Впоследствии я всячески избегал таких поездок.

ВИЛЛА НАСЕРА

(февраль 71-го)

На второй день в офисе меня заставили отдежурить ночную смену вместе с офицером, на случай нужды в переводчике.

Первый раз в жизни я просидел у телефона до утра. Должен был брать трубку, представляться дежурным и записывать донесения.

К счастью, никто не позвонил.

Офицер был с перепоею и проспал всю ночь, положив голову на стол.

Незаметно протекла эта ночь.

К пяти стало светлеть над Каиром, в небе поплыли грифы, потом из-за далеких барханов брызнуло солнце.

В офис ввалилась орава советских хабиров.

Я был свободен.

Выйдя из офиса, прошел метров сто. На главной улице, ведущей в Гелиополис, заметил небольшую виллу за бетонным забором.

В распахнутые ворота было видно, как женщины в черных платьях садились в автомобиль, а люди в военной форме загружали багаж. Еще несколько накачанных детей в европейских костюмах стояли по периметру.

Мальчишка, продающий жареные арахисы — фуль судани, — сказал мне:

— Мистер, здесь жил великий раис!

Неужто Насер? Показалось, я увидел его грустную усмешку в небе. Насер умер всего полгода назад, но пустота быстро затягивается.

Насер, ты паришь в небе, в синем безоблачном небе, с грифами — над Гелиополисом, пока твоя семья спокойно пакует багаж, а накачанные охранники стоят у входа.

Эй, Насер, ты больше не лидер арабского единства!

Садат пришел тебе на смену.

А все ли египтяне любят Насера? Начитавшись советской прессы, я не сомневался в том, что любят.

О Насере я спросил шофера каирского такси.

Он нажал на газ и выругался:

— Яхраб бейтак! Да этот негодяй, собакин сын Абдель Насер! При короле Фаруке десяток яиц стоил два пиастра, сейчас — в десять раз больше. Все эти президенты — собакины дети. Вот монархи — хорошие, они всюду хорошие! Посмотри на страны

Залива, на Иорданию. А президенты-социалисты разрушают нашу жизнь!

Народные представления о справедливости повсюду одинаковы. Ушедшая эпоха кажется хорошей или плохой, сообразуясь с бытовыми деталями. А что до идеологий, то они для шибко продвинутых.

Старик-немец сказал мне как-то:

— При Гитлере мы жили очень хорошо. Цены на пиво и колбасу не поднимались.

То же в России: при Сталине поезда ходили по расписанию. Во времена Брежнева колбаса стоила 2,20, а при царе-батюшке за 10 рублей можно было корову купить.

It's the economy, stupid!

КАИР — ПЕРВЫЕ ДНИ (февраль-март 71-го)

Квасюк поселил меня в пансионе «Дахаби», что в Гелиополисе. Это хороший район, как Арбат в Москве. Старая покосившаяся вилла со следами колониальной роскоши затерялась в переулке рядом с площадью Рокси. Грузный бауаб (консьерж) провел меня в квартиру на первом этаже.

Там было темно, деревянные ставни закрыты, как принято в Египте.

Поставил чемоданчик. Распахнул окна. Осмотрелся: яркие лучи солнца затопили комнату, осветили колониальную мебель — этажерки, столики для чая, кресло. На книжной полке — романы на английском 30-х — 40-х годов. Запомнил тисненый золотом корешок на английском: Перл Бак: «Земля».

Испытал чувство давно забытого и вновь узнаваемого. Это чувство не раз посещало меня в Египте.

В том же пансионе «Дахаби» мне явился во сне британский солдатик, который жил в Каире в 42-м и погиб в пьяной драке на улице Пирамид.

С грохотом ворвался сосед по квартире, лейтенант Женя Крахмалев:

— Ты кто? Ты почему? Ты здесь?

И тут же, не дожидаясь объяснений, предложил купить у него фотоаппарат «Зенит» — всего за 20 фунтов.

— Он новый! Здесь на базаре стоит 40!

— Зачем он мне?

— Каир будешь снимать.

Но я засомневался. И был прав. За 20 фунтов с небольшим я купил вскоре часы «Ориент». А Каир пару раз снял допотопной «Сменой».

Женя достал фотографию невесты — стюардессы на теплоходе «Шота Руставели» и застонал:

— И этого человечка, такого близкого, такого родного, хочется прижать!

Обычный казарменный бред, коему свидетелем я был не единожды: советские военные — как дети.

Женя действительно женился на стюардессе, но через пару лет развелся: его переманила корректорша по прозвищу Белка в «Воентехиниздате» на Красносельской улице.

Судьба Жени, как и многих виияковцев, оказалась незавидной: распад СССР сделал профессию военного

переводчика ненужной. Многие из них пошли челночить по Ближнему Востоку, разбрелись по далеким странам и регионам. Самый известный — Виктор Бут — попал в американскую тюрьму.

Первая ночь в пансионе «Дахаби»: я лег, долго не мог заснуть, наконец забылся туманным, тяжелым сном.

Что-то заставило меня проснуться. Открыл глаза и истошно закричал не своим голосом: на плече сидела большая черная крыса и терла лапками мордочку.

Вскочил, но крыса, опередив меня, была уже в коридоре. Я гонялся за ней по всей квартире, пока она не забежала в ванную. Я закрыл дверь ванной, схватил швабру и начал колотить по стенам. Крыса вертелась, как мотоциклист по вертикальной стене. Так продолжалось минут двадцать. Я почти добил крысу, когда она ускользнула в вентиляционную трубу.

После этого я заметил многое: и громадных рыжих тараканов, которые сидели по углам, и трещины на стенах.

Стало страшно: куда я попал?

Но утром яркое солнце пробилось сквозь ставни. Я вышел на улицу и вдохнул ароматный теплый воздух, хотя на дворе было начало марта.

Гелиополис сохранял беззаботность и легкость жизни, как в добрые колониальные времена. Сидели шейхи в галабиях, разложив газеты. Рядом — стопки подержанных западных журналов: «Пари-матч», «Тайм», «Ньюсуик». На глянцевого обложках — портреты Солженицына, советские бомбардировщики «Ту-16» над Каиром, Том Джонс и Брежнев. «Тайм» месячной давности стоил 25 кыршей (пиастров).

С удовольствием прочел статью про СССР на крыльце гостиницы: грубые антисоветские выпады тронули комсомольскую душу.

Чашка крепкого кофе «масбут» с кардамоном и дым «Килубатры» окончательно вернули меня в хорошее расположение духа.

В 71-м жизнь в Каире все еще была комфортной для иностранца: местные аксакалы в галабиях кланялись и говорили «мистер». Тут же за углом была прачечная. Я сдавал им сразу охапку рубашек, а вечером получал их выстиранными и выглаженными, уложенными в красивые стопочки. Мальчишка был готов донести мне их до дома за пять пиастров-кыршей.

Днем пришла убирать служанка-хадима, крупная тридцатилетняя баба в черном балахоне, которая смахивала пыль страусиным пером. Я, как советский юноша, тогда ничего не знал про особую роль служанок в тайной жизни Каира. Но бауаб мне постоянно подмигивал и бормотал какие-то египетские поговорки

с сексуальным подтекстом типа: «У кого поутру хорошо стоит, тот весь день удачно мастерит». Я же был молод и наивен: секс с такой служанкой мне представлялся невозможным.

В первые же дни я пристрастился к апельсинам «навелинас». Обычно у уличного торговца я набирал два-три кило в свой студенческий портфель-баул и лопал дома.

Неделю спустя я не мог смотреть на апельсины. Не мог на них смотреть еще лет 20, а то и 30. Лишь недавно любовь к апельсинам вернулась.

На улицах Гелиополиса попробовал еду простых феллахов — фуль. Продавец размешивал черпаком кашу из черных бобов и шлепал в разрезанную лепешку — эйш балади. Вкусно. Стоило пять кыршей. Попробовал сладкий картофель батат — не понравилось, больше не брал. Но весьма понравились бутерброды с жареными ягнячьими колбасками.

На улицах у местных лавок висели бараньи туши. Они все были как бы покрыты карминовой краской, и я не понимал — может, для дезинфекции? Как мне потом объяснили, баранье мясо в контакте с воздухом само покрывается защитной карминовой пленкой, которая спасает от порчи.

На одной из соседних улиц обнаружил французский книжный магазинчик — Librairie Hachette. Увидел россыпи недоступных в Москве «карманных книг» и свежие номера «Пари-матча». С ходу купил «Раковый корпус» Солженицына на французском. Потом долго недоумевал — что находят в этом скучнейшем тексте?

БАССЕЙНЫ И ХАБИРЫ

(март 71-го)

В Каире по-летнему тепло, мы с Сашей идем в бассейн. Он расположен в офицерском клубе Гелиополиса. При бассейне бар, у которого сгрудились советские советники и переводчики.

Тяпнув бренди, мы прыгаем в воду, проплываем две дорожки.

Вокруг изрядно выпившие хабиры плавают в часах. Вылезают, опрокидывают стаканчик и снова прыгают в воду. Они обычно носят большие будильники «Сейко» либо «Ориент» и устраивают гонки в бассейне. Выходят из воды и сравнивают, у кого будильник не дал течь.

Капли сверкали на металлических «Сейках», при каждом погружении руки думалось: «Действительно — водостойкие?» На самом деле — устояли. Да здравствует японская техника!

Потом садимся в шезлонги, потягивая ледяную «Фанту». На вспаренной коже с шипением выходят оранжевые разводы.

Напротив сидит с бутылкой «Стеллы» уже веселый Володя П., переводчик главного военного советника Катушкина. Тут же Гена Г. и вся переводческая братия, часть — наших из ИВЯ, однако больше виияковцы. Это сумасшедшие казарменные ребята, свихнувшиеся на сексуальных фантазиях и звучных американских словечках, таких как «Паркер», «Ронсон» и Бронсон. Виияковцы сидят, пьют пиво и соревнуются, у кого «Ронсон» даст выше струю пламени. Их мечта — сорвать генеральскую дочь и закатиться резидентом ГРУ в какую-нибудь долбаную Индонезию или Йемен.

Выпускники ИВЯ выбирают карьеру академичней. Судьба Володи П. чем-то похожа на судьбу моего друга Саши. Он стал суперарабистом, переводил арабскую поэзию. Но начал спиваться. А в конце жизни, уже хроническим алкоголиком, написал биографию ливанского политика Камиля Шамуна. В Бейруте упал пьяный в камин. Его успели вытащить. Гасили огонь, сбивали язычки пламени: их сбивали, а они не падали. И все-таки он умер. Кажется, в 2003-м.

Мы с Сашей закуриваем «Килубатру», оглядываемся. Рядом с нами в шезлонгах возлежат две молодые каиротки. Здоровые сиськи, лоснящаяся смуглая кожа, темные очки. Смело раздвинуты ноги, распущена грива черных волос.

Садимся рядом и начинаем напевать Битлз — The Penny Lane.

Девчонки снимают очки и смотрят удивленно на русских медведей.

Угощаем их кока-колой, беседуем о погоде и хит-параде,

который ведет по местному радио болтливый диктор Мунир Маккар.

Девчонки — Мона и Китти — из коптской буржуазии: на смуглых грудях поблескивают золотые крестики. Учатся во французском коллеже, как большинство приличных барышень их сословия.

Предлагаю Моне купнуться.

Прыгаем. Под водой начинаю тискать ее плотное гладкое тело. Мы даже захлебываемся.

Выныриваем. Она невозмутима. Наверное, привыкла к таким играм.

Повторяем это раза три. Мне уже сдается, что Мона доступна. Я предлагаю встретиться в городе.

Она спокойно отвечает:

— Вы мне нравитесь, но мы не можем встретиться. Таковы наши законы: я ничего не могу изменить.

Мне очень обидно. Ломит в плавках. Понимаю, что с местными девчонками каши не сваришь.

Снова садимся за столик, заказываем «Стеллу». Расслабляемся на солнце.

Саша дотрагивается до моего плеча: за зеленой изгородью погонщик, задрав галабию, трахает мохнатую ослицу, которая невозмутимо жует пучок травы. Завершив короткую акцию, погонщик садится на тележку с овощами и хлещет бедную скотину прутиком.

ЕГИПЕТСКАЯ НОЧЬ

(7 марта 2010 г.)

В 70-е на весь Ближний Восток гремела слава Auberge des Pyramides. Однако в 2010-м никто не мог сказать, где это кабаре находится. Не упоминалось ни в одном справочнике, нигде. Смутно я помнил, что сие заведение находилось в Гизе, на улице, ведущей к пирамидам.

Так где же кабаре?

Взял карту на рецепции — ничего не понял. Особенность Египта и других арабских стран — хреновые карты. Улицы указаны нечетко, названий почти нет. Я бы назвал это топографическим кретинизмом.

Однако найти Auberge я должен был. Это память о том, полузабытом Каире.

Взял такси у «Сити-Старс». Веселый мальчишка повез меня на поиск Auberge.

Пробившись сквозь бесконечные, гудящие клаксонами ряды машин, мы выехали из Гелиополиса и подъехали к горе Мукаттам — посмотреть на ночной Каир.

Мукаттам — место для меня памятное, здесь я когда-то служил в штабе ПВО.

Было 11 вечера, но нам с таксистом не дали подъехать к смотровой площадке.

Мы поехали дальше, сквозь старый Каир — район Хан-халили — к Нилу и в сторону Гизы.

Шофер исправно и бесполезно прочесывал фарами названия найт-клубов на улице Пирамид. Блин, зря я не остановил его на набережной, где светились огнями отели «Семирамис», «Хилтон» и «Марриотт» и где, как потом выяснилось, закрепились последние бастионы древней традиции — танца живота, которую исламисты и патриоты изгоняют с обычных улиц. Нет, никакого следа Auberge.

Доехали до пирамид. Они стояли черными стенами на фоне звездного неба. Пугающее зрелище.

Несмотря на оцепление, шустрый погонщик предложил мне подъехать на ишаке к ночным пирамидам. За небольшой бакшиш я мог бы пройти сквозь полицейский кордон и остаться наедине с главным чудом света. Однако, зная египетские сюрпризы, я отказался.

Вошел в ближайший отель «Оберой» и там, за резным баром эпохи хедива Исмаила, выпил бокал красного «Обелиска». В том

самом «Оберое» старик-портье поведал мне, что Auberge больше не существует, что в конце 70-х этот найт-клуб спалили толпы местных исламистов.

Прощай, Auberge! Я застал его в 71-м: это было великолепное заведение, сочетавшее шарм колониального Египта с европейской кабаретной традицией. В нем выступали Эдит Пиаф, Далида и даже Жильбер Беко. И там были настоящие танцы живота, которые исполняла Зухейр Заки. Перед возвращением в Москву меня возил туда хороший знакомый — советский чиновник ООН. Мы сидели в красных бархатных ложах, пили виски, а на сцене трясли блестками танцовщицы.

Таким досугом славился старый Каир. А что предложит Каир новый?

Пришлось искать другое кабаре. Мальчишка-шофер повез меня по улице Пирамид в обратном направлении.

Внимание привлек «Аль-Лейл». Он был поближе к берегу Нила — аляповатый фасад с бездарными плакатами.

Привратник — противный косоглазый тип — слупил с меня 300 фунтов и проводил в громадный пустой зал.

За моей спиной выстроился пяток официантов. От виски за астрономическую сумму пришлось отказаться. Заказал пиво «Хайнекен».

На сцене — для разогрева — дергались девчонки в джинсах и сапогах, пели какие-то залихватские песни, попсу в восточном стиле. Странное зрелище для арабского зала. Как будто все это происходило в русской провинции.

Собрался уходить, когда внезапно, ближе к полуночи, стал подтягиваться народ. Все столики заполнились: мужские компании по пять-шесть человек, все больше саудиты и прочие выходцы из Персидского залива — халигин. Однако были и египтяне с семьями. И где-то за столиком у эстрады — местные ребята с девчонками, а с ними — телохранители. Поближе ко мне — седой саудовец с женой, секретаршей и тещей.

Провинциалки ушли со сцены. Появилась дама, похожая на Далиду, с большим бюстом и в платье до пят, с блестками. Она принялась трясти грудями и животом и петь про своего хабиба в Дельте. Напротив сорокалетние арабские матроны курили шишу (кальян), а кое у кого из арабов на столике появился черный «Джонни Уокер».

Народ завелся. Какая-то девчонка поднялась на эстраду и стала извиваться вокруг Далиды. К ней присоединились две-три ночные бабочки. Их называют в Египте мутахаррира — свободные, в народе же они почитаются за проституток, поскольку имеют бой-френдов и ходят с ними в ночные клубы.

Вместо того чтобы сидеть дома, варить бобы и развешивать белье на балконе. По-нашему — обычные центровые девчонки.

На сцену вылез парнишка, явно сын местного олигарха, и осыпал Далиду долларами. Бумажки крутились и плавно оседали, а ловкий конферансье хватательными движениями собирал их.

Затем объявили, что Далида по заказу товарищей из Залива исполнит танец живота. Заиграл оркестр из двенадцати мужиков — скучных отцов семейств, с пищалками, зурнами, мандолинами и в европейских костюмах — вместо привычной тройки феллахов в галабие.

Далида затрясла телесами. Это был ошеломительный успех. Саудовец в белоснежной дишдаше поднялся на сцену и стал засовывать ей долларовые купюры за лифчик и сыпать на голову.

В половине третьего я пошел к выходу. Было ясно, что настоящего танца живота здесь не дождешься.

Все тот же мерзкий привратник с растопыренными зубами стал что-то шептать, таинственно подмигивая. Он очень настойчиво предлагал — то ли наркотики, то ли девочек, — но был шепеляв и невразумителен. Вцепился в мою руку, я еле вырвался.

Таксист помчал через Нил, по эстакаде над площадью Рамсеса — на северо-запад — в Гелиополис.

Мы мчались в потоке беспрерывно гудящих машин, высоко над городом. В три ночи было светло, как днем, внизу шла бойкая торговля, работали кафе и лавки.

Видеоряд: Каир, три часа ночи, март 2010-го.

Мост над площадью Рамсеса. Машины резко встали.

Там, впереди, столкнулись два стареньких «Фиата». Два парня. Один бежит вдоль парапета, над Каиром, держась за голову — он в шоке. Другой сидит в машине, уткнувшись носом в руль, и что-то жалостно бормочет.

Кого мне напомнил бегущий? Солдата у Верещагина, который бежит, несмотря на смертельную рану.

И тут же — мигалка полиции. Их скрутили. Шофер мотнул башкой — опять нажрались — сакранин. Водитель тоже пьян: сауак каман сакран. Все ясно: дешевый спирт, на виски денег нет, гашиш уже не действует.

В черном небе месяц лежит по-южному — на спине.

Едем дальше.

Под нами промелькнул вокзал Рамсеса, дорога пошла на Гелиополис.

Подумалось: упадок ночной культуры Египта потрясающ. Ни тебе нормальных танцев живота, ни эстрадных шоу, ни приглашенных зарубежных артистов. Лишь темень крестьянской

массы, понабежавшей из Дельты, и бескультурие «новых» египтян вкупе с гостями из Залива. Что, впрочем, весьма напоминает Россию, где тот же упадок эстрады и дешевая попса. Бездарная тусовка, пустота.

О, блаженные времена короля Фарука! И даже диктатура Насера еще сохраняла черты космополитизма. И эта странная новая публика — обкуренные, подозрительные, нахальные. Нет прежних культурных египтян, говорящих по-французски, одетых в светлые европейские костюмы.

Я сказал уважаемому Шамсу, что Auberge des Pyramides закрыли.

Меня неприятно поразила его радостная реакция:

— Так им и надо!

Про себя я подумал: «Как он может, сидя в Германии, поддерживать исламистов? Откуда это неприятие свободной культуры? Откуда эта нетерпимость?»

СЛЕДЫ САДДАМА

(8 марта 2010 г.)

Я оставил немецкую группу вместе с придурком Шамсом в Национальном музее, пересек мост через Нил, углубился в Докки. Это фешенебельный район на левом берегу Нила. Здесь находятся советское, ныне российское, посольство и консульство.

В 71-м я часто здесь бывал на вилле «Совэкспортфильма». Двухэтажная вилла где-то неподалеку, в густом саду, у входа — извечный бауаб. Но сейчас я не нахожу ее. Может быть, продали, как и сотни других объектов, принадлежавших СССР? А может, мой внутренний навигатор дает сбой?

Флешбэк: вижу Жусупа Жусуповича, 71-й год. Жусуп — киргиз, представитель «Совэкспортфильма», приятель моих родителей. Мы сидим на террасе, уплетаем бешбармак, который приготовила его жена Азиза. Жусуп в хорошем настроении: они с женой уже начали покупать золото в приданое дочери. Готовятся к большой киргизской свадьбе. Поездка на «Хан-халили» за золотом прошла, судя по всему, успешно.

Прихлебывая «Стеллу», он вспоминает Айтматова.

И приговаривает:

— Чингиз — гений, Чингиз — гений, Чингиз — гений.

Поглаживает искалеченную левую руку — след боев под Москвой. Потом рассказывает, как он зарезал немца под Наро-Фоминском, в конце 41-го.

Он был в Панфиловской дивизии, набранной в Средней Азии. Сидел раненый в промерзшем блиндаже. Тут приволокли пленного немца. Они остались одни. Жусуп истекал кровью, и его ненависть к врагу была настолько сильна, что он достал киргизский охотничий нож и зарезал немца.

Жусуп продает мне две бутылки «Баллантайна», по номиналу. Здорово. В посольском магазине виски стоит два с половиной фунта, а своему лавочнику в Наср-сити я продаю штуку по пять с половиной фунтов и на двух бутылках зарабатываю шесть фунтов. Хорошие деньги.

Жусуп только приходит в себя, приехав на эту должность из далекого Фрунзе. До него здесь был Данилин, резидент КГБ. Он разорил контору, спустил все казенные и оперативные деньги, распродал мебель. Данилин ездил по разным точкам, встречался с агентами. Раздавал липовые поручения, проводил ночи в бардаках. Я коротко видел его: необычайно хитрые, тревожные глаза, надменность и испуг. Что было с ним дальше, не знаю. В

брежневской России такие не горели. Говорят, он привозил хорошие подарки начальству на Лубянке.

Не найдя виллы «Совэкспортфильма», закулив «Килубатру», иду к берегу реки. 39 лет спустя эти сигареты мне положительно не нравятся — какая-то трава. А тогда казались нектаром — после советской махры.

Прохожу улицу Ас-Сарай. Дом номер 16. Отель «Индиана». Здесь в 60-63-м годах жил Саддам. Поганое местечко, надо сказать, но памятное. В маленьком кафе при отеле он просиживал за нардами и кальяном долгие вечера. Квартирку оплачивали ему египетские спецслужбы — Мухабарат, а может быть, и цээрушники. За Саддамом наблюдали — скорее из осторожности. Он слыл у кураторов диким зверем, хотя в быту был, наверное, спокойным человеком. Денег на «служанку» у него не было. С кем он спал — неизвестно. Бывший сотрудник посольства США написал в отчете: «Саддам был беден. Ему был заказан путь в престижные места вроде кондитерской „Гроппи“. Поэтому он околачивался в кафе отеля „Индиана“». По его словам, Саддам частенько заходил в американское посольство, где им занимались резидент ЦРУ Джим Айхельбергер и специалист по Ближнему Востоку Майлс Коуплэнд.

Самое забавное, американские наставники Саддама добились от Мухабарат, чтобы ему подняли содержание. Но многие в египетских спецслужбах смотрели на это косо, так как терпеть не могли американцев.

Что с ним произошло потом? 40 лет спустя его повесили бывшие патроны. Наивный деспот! Меня преследует образ пожилого Саддама, униженного узника, которого осматривают на вшивость американские врачи. Поражает, как спокойно он принял смерть с Кораном в руке.

ДРАНГ НАХ АСУАН

(март 71-го)

В середине месяца полковник Квасюк сообщил пренеприятнейшее известие: меня направляют в Асуан с бригадой ПВО, которая только что прибыла из Мукачева. Сборы были недолги: советский чемоданчик — и на поезд Каир — Асуан, который курсировал по этой трассе с колониальных времен.

Сел на поезд в египетской солдатской форме и занял место в вагоне первого класса, вместе с группой канадских туристов. Они болтали по-французски, но когда я вставил шутливую реплику, испуганно съезжились и замолчали до самого Луксора. Смущенно моргали, глядя на бесконечную ленту реки. Тогда я почувствовал, как велик страх перед русскими среди обывателей Запада.

Русские всегда будут чужими для них — и коммунизм здесь ни при чем: видимо, у нас разный психический тип.

Наш поезд лениво катился в Асуан: в лучах заходящего солнца проплывали берега Нила, где вкалывали согбенные феллахи, а надсмотрщик с мушкетом горделиво восседал на гряде кукурузных початков.

Следующим спецэшелоном в Асуан за нами следовала бригада ПВО: на прицепных платформах тряслась зачехленная техника Страны Советов. Ракетные дивизионы ПВО: шесть батарей зенитно-ракетных комплексов С-75, пять радиолокационных станций раннего обнаружения и еще невесть что. Со временем ракетчики набрались опыта: они умудрились сбить два израильских «Фантома» и семь египетских «МиГов» — своих. А может, это были зенитно-ракетные комплексы ЗРК «Квадрат» и ПЗРК «Стрела-2»? Сейчас затрудняюсь сказать.

По прибытии в Асуан нас разместили в Сахари-сити. Это был городок, наспех сооруженный для строителей Асуанской плотины в 60-е годы. Общежития казарменного типа, блочные домишки, магазинчики. Были там даже бассейн, кинотеатр, госпиталь.

Я вышел из поезда: на перроне валялся британский журналчик, на обложке было написано: «Что может Том Джонс, и чего не может Энгельберт Хампердинк?» Ответа не нахожу по сей день.

Прошелся по городку: когда стемнело, в кинотеатре под открытым небом начали крутить фильм «Лев зимой». Звуковой резонанс шел по всему Сахари-сити: уже немолодой король — Питер О'Тул собачился с так же немолодой королевой — Кэтрин Хелберн. В кинотеатре сидели советские строители, курили, пили

пиво. Их жены обсуждали незатейливый местный шопинг.

ДЕЛА БРИГАДНЫЕ

(март-май 71-го)

Алё, пытаюсь вспомнить.

База. Бригада. Под Асуаном. Нечипоренко. Апрель 71-го. Люля-кебаб. Лекарства...

Зашевелился центр длинной памяти и неизживаемых воспоминаний, что находится под гипоталамусом.

Ну все блин, вспомнил!

Завхоз Нечипоренко едет закупать лекарства. Садимся в «козлик», за рулем — лопоухий солдатик Гена. Египетского шофера не берем — опасный свидетель.

Нечипоренко закуривает и важно говорит:

— Нам нужен военный госпиталь.

— Чо-чо?

— Через плечо! Лекарство надо забрать!

У местных патрулей я узнаю, где расположен военный госпиталь. Едем в Асуан.

По пути на склад заезжаем в отель «Новый Катаракт». С ним рядом — «Старый Катаракт». Британский колониальный отель. Агата Кристи писала там «Смерть на Ниле». За это на входе взимают дополнительную мзду. Оно нам надо?

Садимся за стойкой в «Новом Катаракте». Под нами — остров Элефантин, фелюки на Ниле, прекрасный вид! Неизменный с фараоновских времен.

Нам приносят «Стеллу», а к пиву — наструганную морковку. Советскому человеку это очень непривычно. Не вобла, а морковка.

Сидим в песочной защитной форме, в прохладе кондиционера, закуриваем «Килубатру». И чувствуем себя Джеймсами Бондами.

Едем дальше. На дороге пробка. У въезда в Асуан — на обочине — в крови лежит египетский солдатик. В чем дело? Да под машину попал. Советский гигантский самосвал перевозил гравий для Асуанской плотины. Солдатика просто не заметили. Тут таких случаев не счесть. Даже не заводят дело: «Похороните быстро и сообщите семье». Проблемы нет, ма фиш мушкиля. Кормильца быстро забудут.

Особых проблем с жизнью и смертью нет под небом Востока.

А по дороге грохочут русские грузовики. Они везут на Асуанскую плотину щебенку и арматуру — там дорабатывают последние блоки.

Многим русская техника не нравится.

На КПП гнусный антисоветчик капитан Хильми шепнул мне на ухо:

— Ваши турбины — очень плохие. Лучше бы мы заказали у немцев.

Но вот и больничка. Большой бетонный корпус.

Показываем накладные. Солдатик ведет меня и Нечипоренко на склад. Там нас встречает маленький пузатенький майор Фаузи.

Нечипоренко входит на склад, присвистывает. Здесь громоздятся на полках медикаменты с западными этикетками. Египет строит социализм, но все лекарства традиционно — английские либо сделанные по западным патентам. Советский пирамидон здесь не увидишь.

Нечипоренко достает бумажку: антибиотики, лекарства от простуды, антисептики, спирт, бинты и — витамины! Уже тогда, в 71-м, я узнал, что западные специалисты два раза в год делают себе инъекции мультивитаминов: местные фрукты не компенсируют их нехватки.

Список велик, и майор Фаузи насторожен. Он внимательно изучает накладные, ставит галочки, но медлит ставить печать.

Египетский майор: глаза ворюги. Нечипоренко: глаза ворюги. Они смотрят друг на друга. Всё понимают.

Египтянин говорит:

— Я дам вам это количество, но вы поставьте мне подпись вот здесь!

Нечипоренко согласно кивает, и Фаузи дает добро.

Египетский солдатик грузит медикаменты на тележку. Неловко снимает коробку, склянки катятся по полу.

Майор Фаузи подходит и резко бьет его в скулу:

— Яхраб бейтак!(Раздолбай твой дом!)

Глаза солдата испуганно распахнуты, струйкой стекает кровь.

Нечипоренко тянет меня за рукав: «Не суйся!»

Всё! Загрузка в «газик» завершена, мы жмем друг другу руки, клянемся в вечной египетско-советской дружбе и покидаем госпиталь.

— Вот какой здесь, брат, феодализм! — вздыхает Нечипоренко.

Совсем как боцман в «Максимке». Мы сразу ощущаем преимущество нашего, советского строя. У нас солдат по морде пока не бьют.

Переезжаем плотину. На въезде в Сахари-сити палатка. В окошке — башка продавца, замотана в чалму, кривые зубы врасстопырку, курносый, щелки глаз. Разбойник Хаджадж, ему

шестнадцать лет. Он промышляет для всей своей большой нубийской семьи.

Нечипоренко подходит вразвалку и просит меня перевести:

— Хаджадж, почему сегодня ты берешь блок «Килубатры»?

Хаджадж изображает пальцами: два фунта — блок.

Реально он стоит три. А шоколад? Хаджадж называет цену. Затем торгуются консервы, пенициллин, спирт. Короче, выходит сумма за триста фунтов.

Нечипоренко бьет меня в бок: «Торгуйся, Жора!»

Я робко говорю:

— Лязим зияда (добавь еще)!

Хаджадж мотает головой, он не согласен.

Торг идет на пальцах. Так, в анонимности и тайне, происходит транзакция: Нечипоренко получает фунты, их много. Эти общаковые фунты будут незамедлительно переведены в сертификаты с желтой полосой и положены в бухгалтерию офиса в Каире.

Довольный, Нечипоренко садится в «козла», и мы уносимся, взметая тучи пыли.

И снова хозчасть. Массивный бетонный забор. Ряды колючей проволоки. Царство советской армейской коррупции. Здесь же — Первый отдел и все хозяйство бригады ПВО, скрытое от посторонних глаз.

Палящее солнце. Парит гриф. В центре плаца натянута парусина, и под ней установлен длинный стол — подобно тем, что в фильмах про колхозы. Здесь накрывают обед.

Я осторожно сажусь с краю. В центре — командир бригады подполковник Мордовин, замполит майор Свиблис, завхоз Нечипоренко, особисты Агапов и Шацкий и еще пара офицеров.

Несут обед: люля-кебаб, помидоры с луком, борщ, макароны.

Нечипоренко подмигнул, и всем разлили спирт.

Мордовин встал, в руке алюминиевая кружка:

— Ну что, товарищи, обустройстваемся? Доложим в центр, что к боевому дежурству приступили!

Мы выпиваем залпом спирт и уминаем люля-кебабы. Затем закуриваем «Килубатру».

Над нами — все так же висит, раскрывши крылья, гриф, похожий на тех, что на египетских наскальных изображениях.

Нечипоренко хлопает меня по плечу:

— Ну, Жора, ты молодец!

— Эх, египтянку бы, — молвил пожилой низкорослый сержант, отупев от спиртоколы и докуривая сигарету до самого фильтра. — Когда вошли мы в Европу в 45-м, то раком поставили всех. Независимо от национальной принадлежности. Была у нас

чапушка: «Хочешь — польку, хочешь — чешку. Хочешь — сзади, хочешь — сверху». Победителей не судят!

Начинается разговор о бабах. Он длится долго.

Потом мы с Нечипоренко едем в пустыню, на батарею ПВО. Нечипоренко привез солдатам плов — вязкий рис, в котором попадались кусочки курдючного сала. Сигареты и шоколад он предусмотрительно оставил на складе.

Солдаты ковыряли ложками в мисках, ругались:

— Мясо, гады, где?

— Погодь трошки, будет тебе мясо! — ухмылялся Нечипоренко.

Солдаты на позиции сидят, зарывшись в блиндажи у РЛС, и жрут жирный плов, не получая сигарет и шоколада. Они находят выход — торгуют вещами и собой и проклинают командиров.

КОМАНДНЫЙ ПУНКТ ПВО

(март-май 71-го)

Египетский денщик разрезал багет и положил туда плотную, соленую брынзу (гибна бейда). Потом дал мне старенькую бутылку кока-колы. Сочетание хрустящего багета, соленой брынзы и сладко-ароматной колы антисоветски восхитительно. Попросил еще.

Пока жевал багет, в наш КП налетели мухи. Они донимают всех и садятся на планшет.

Вызывают денщика Саида. Он входит с устройством типа примус, модель 20-х годов. Быстро-быстро гоняет ручку распылителя, из него вылетают облака отравы — сладковатой, с бензиновым душком. Сотни мух ложатся у наших полевых ботинок. Не шевелят лапками. Денщик быстро выметает мух.

Египетский дежурный офицер — капитан Хильми — невозмутимо листает «Плейбой». Ему плевать на местную мораль, он из коптской аристократии. На запястье матово поблескивает «Ролекс», спокойное лицо, и скоро — поездка в Лондон. Брахицефальный череп — ведь он потомок древних египтян. На лице — презрение к советским варварам, что переругиваются матом, торгуются из-за каждого пиастра, не верят ни в Бога, ни в черта.

Станция машет лопастями. А на командном пункте за планшетом русские солдатики в наушниках и фломастерами наносят стрелки. Могучие РЛС — радары дальнего слежения — охватывают воздушное пространство от Нубии до южных предгорьев Кавказа. Солдатики в наушниках наносят пунктиры на экран.

Наверное, из района Мертвого моря вылетел израильский «Фантом»: желтенькая ниточка на экране поползла к Эйлату, оттуда вдоль Красного моря — через Гардаку (Хургаду) — к Асуану.

«Ба-бах!» — и еще пять стрелок оторвались от Израиля и полетели через Средиземное море к Александрии. Еще сигнал в наушниках — и еще три стрелки поползли южнее Синай и дальше — через Красное море.

Все нервно зашевелились: «Фантомы!»

Главное — не дать израильтянам взорвать Асуанскую плотину — символ советско-египетской дружбы. Это пахнет мировой войной. Плотину может сковырнуть разве что атомная бомба.

Но кто их, израильтян, поймет?

Пока на планшете чертят стрелки, ко мне подходит виияковец Сергей и шепчет: — Послушай, старик, ты читал Фрейда?

Я отвечаю удивленно:

— Нет!

— Ну ты отсталый! — и он впаривает мне про подсознательные инстинкты, про комплексы Эдипа и прочую половую дребедень.

Слушаю, забыв о воздушной тревоге.

Тем временем «Фантомы» пролетели над Средиземным и Красным морями, совершили вираж над Гардакой (Хургадой), Бени-Суэйфом, Мансурой, Комомбо и направились к Асуану.

— Да где же наши?! — бьет кулаком от злобы советский хабир-полковник.

Однако стрелки неудержимо (а сзади — еще три такие же) ползут к суданской границе, все ближе к Асуану. На бреющем (как нам доложат позже) полете проносятся над ГЭС и с той же скоростью уходят назад к Синаю.

Над нашими головами лопаются звуковые барьеры.

Смертельная опасность миновала.

Отбой!

Все дружно принялись курить и пить крепчайший бедуинский кофе.

Я беспощадно ругался матом в прокуренном КП. Майор Денисов, дежурный советский офицер, слушал-слушал, моргал прозрачными глазами, крутил рыжий ус, а потом закашлялся. Видимо, он охренел от такого мата.

Странно, после армии я утратил способность так хорошо ругаться. Для любого вдохновения нужно время и место.

Настала душная ночь. В комнате отдыха арабские офицеры легли спать, натянув на головы одеяла. Торчали их босые пятки. Вентилятор на потолке равнодушно месил спертый воздух.

Почему они кутают голову и не утепляют ноги? Какая-то инверсия национальных привычек, подумал советский переводчик и вышел прогуляться. Их босые пятки и густой храп совсем достали.

Громадная луна на небосводе. Черные лопасти РЛС, жуткое зрелище. Светлое небо. Не такое ли небо видел Флобер на юге Египта, когда вышел из шатра, в котором провел ночь с куртизанкой Кучук-ханем?

Не выдержав света луны, пошел назад.

Из темноты возник египтосик-часовой.

Что-то гаркнул, я не понял.

Его штык уперся в мой живот: «Пароль»?

Я не помнил пароль, сказал:

— Садык, русский, друг!

Он поколебался и опустил автомат.

ЖЕРТВЫ СОДОМИИ

(май 71-го)

Глубокой ночью, когда я спал в общежитии «Сахари-сити», в дверь постучали особыты Агапов и Шацкий:

— Вызывает командир!

Натянул авероль, шатаясь вышел на крыльцо: там уже тарахтел «козлик».

Впереди с каменной рожей сидел командир бригады Мордовин. За ним, поджав губы, замполит Свиблис.

Нас повезли в военную часть, на выезде из города.

Войдя в казарму, увидел следы ночного разбирательства: солдаты сгрудились в углу, две постели были растерзаны, чемоданы распахнуты, лежали убогие солдатские вещи: открытки, вырезки, письма.

Агапов приступил к описи.

Потом в соседней комнате политучебы, под Лениным и красным знаменем, начался допрос.

Это были два мелких, наголо бритых пацана девятнадцати лет. Татыкин и Шамилев. Лица распухли от слез. Ребят совсем недавно перекинули из Чебоксар.

В результате длительного перекрестного допроса выяснилась страшная истина: их поимел капитан Хильми. Коварный египетский офицер с «Ролексом» на запястье.

Он поимел их обоих, всего за фунт. Бурной ночью, когда дул пустынный ветер хамсин.

На этот фунт они купили несколько открыток «моргаешь» — японских стереоскопических карточек с девушками, которые были хитом весны 71-го. Чтобы послать маме в Чебоксары. Солдатики признались во всем.

Факт содомии стал шоком для командиров. Они ходили, курили, чертыхались, но выходить на связь с Каиром и главным советником не решались.

— Что будем делать, товарищи? — спросил подполковник Мордовин.

Поднялся Свиблис:

— Убил бы их гадов, как последних гнид!

Раздались голоса:

— В Каир, под трибунал!

Кричащих остановил властным жестом мудрый командир.

Вздохнув, сказал:

— Товарищи, случилось мерзейшее и пакостнейшее из всех

возможных преступлений. Имя ему — гомосекс. Но если про это узнают в Каире — нашу бригаду расформируют, отнимут красный стяг и возвратят с позором в Закарпатье.

На самом деле он имел в виду другое:

— Братва, все, что мы здесь ворует и продаем арабским торговцам, — от сигарет и мяса до медикаментов — накроется панамой, и мы не выполним поставленной задачи — привезти домой по «Волге», чтоб нами любовался родной край. Поэтому постановляю — вот этих двух отправить завтра утром первым самолетом в Союз — как заболевших тропической дизентерией... Ты слышишь, Птичкин?

Врач понимающе кивнул.

На этом мы разошлись.

Наутро самолет унес их спецрейсом — на родину.

Я вернулся к себе на рассвете, невыспавшийся. Рухнул на постель и забылся тяжелым сном. В котором солдатиков под бюстом Ленина по очереди секли командир Мордовин и замполит Свиблис.

Со временем выяснилось, откуда о случившемся узнало начальство. Стукнули свои же ребята: они не могли понять, откуда у однополчан взялись открытки «моргаешь». Закон советской, а может, и всемирной зависти.

Я удивился изворотливости армейских командиров: в случае дальнейшего разбирательства они теряли все. Мордовин, Свиблис и оба особиста. Все прозевав идейно и политически.

Только не понял, зачем они взяли на разборку меня — простого полевого переводчика. Наверное, на случай опроса свидетелей.

Но главный виновник всего этого был маленький соблазнитель Хаджадж, или, по-нубийски, Хажжаж. Он продавал стереооткрытки и делал это так увлекательно, так расхваливал товар, что солдатикам без открыток уйти было невозможно. Это был тот самый Хаджадж, что скупал у офицеров сигареты «Клеопатра», медикаменты и шоколад, тем самым способствуя внедрению товарно-денежных отношений в ряды советской армии.

СМОТРЯЩИЙ НА 6 ЧАСОВ

(май 71-го)

Асуан, скамейка у казармы.

Капитан Чудихин сплевывает.

Слюна заворачивается в песок и скользит ртутным шариком по дорожке:

— Писец, белокровие... Лохматый смотрит на шесть часов.

— Чо-чо? — не понимаю, о чем он.

Чудихин выдерживает паузу:

— Если ты находишься в зоне активного облучения РЛС, то тебе писец.

И он поведал свою незатейливую историю:

— Прихожу домой, а он не стоит.

— Что, лохматый?

Чудихин взглянул на меня блеклыми глазами:

— Вот-вот, лохматый не стоит!

Подрагивала черная ниточка усов. Мне стало его жаль.

Все началось в Мукачеве. Офицеры баловались и в шутку направили РЛС мощным потоком ему на плешку. У него жутко заболела голова, он слег с мигренью. Потом за неделю облысел. Через год работы на станции резко снизилась потенция. Жена напрасно ждала ласки. Ничто не помогало. Блеклые глаза Чудихина еще более бледнели. Он испробовал: водку, чистый спирт, что вымывает белые кровяные тельца. Все напрасно.

Сидел, приговаривал:

— Ты не жопа, ты не хер, ты советский офицер!

Давно было выявлено опасное воздействие электромагнитного излучения на человека. Даже слабые волны могут серьезно повлиять на нервную систему и вызвать клеточные мутации.

Работающая РЛС создает в окружающем пространстве сильные электромагнитные поля. Это излучение снижает либидо, уничтожает красные кровяные тельца. Нарушаются нервная, иммунная, репродуктивная системы.

Но как провести замер облучения? Никто этим не занимался. Неужто здоровье личного состава никому на хрен не нужно? Не только лохматый смотрит у них на шесть, стало фактом и массовое облысение.

А они, блин, шутили:

— Лейтенант Фоменко, почему хер не стоит?

— Виноват, исправлюсь! У нас тут, — Фоменко по-воровски

заозирался, — ни у кого не стоит. Проклятое радиоэлектронное излучение, СВЧ или как его там. Еще в Союзе у личного состава возникли проблемы с эрекцией. Единственное, что спасает — костюмчик, прошитый медной проволокой. Она снимает токи и заземляет на хрен все это. — Хочу такой костюмчик!

— Хрен тебе, а не костюмчик.

Я мысленно надел комбинезон и радостно воскликнул:

— Вот это, блин, вещь: она спасает тело от внешней среды. От мощнейших излучений солнца, от космической радиации и, может быть, от страшного воздействия советских РЛС, что машут винтами в пустыне!

Потом я подошел к завхозу Нечипоренко и сказал серьезно:

— Товарищ завхоз, мне нужен защитный комбинезон!

Он выслушал, ответил тоже серьезно:

— Будет, сынку, тебе комбинезон. Погодь трошки!

Офицеры дружно заржали.

Проходило время, но комбинезон не выдавали. Офицеры перешептывались, подмигивали, шутили.

Но мне было не до смеха.

Проклятый Асуан! Наступил конец мая, сезон невыносимой жары. Из нор выползали скорпионы и вереницей двигались к бассейну, где мы сидели, положив ноги на стулья и потягивая спиртоколу. Зашевелились фаланги. Вся эта нечисть стремилась нам доказать, что милостей от природы ждать нечего.

Каждый боролся по-своему: майор Слепцов выпил стакан спиртоколы, потом бросил двух фаланг в банку и, улыбаясь, стал наблюдать за их смертельными играми.

Подвожу черту. Меня достал Асуан и все, что с ним связано: невыносимые политпроповеди Свиблиса, тупые призывы командира Мордовина... облучение, фаланги, скорпионы, а также шпионские игры Агапова и Шацкого, искавших вражеских агентов вокруг РЛС.

РЛС неумоимо махала лопастями над головой. Она не давала спать: ее присутствие стало навязчивым. Я слышал многое: вороны камнем падают, пролетая мимо. Буйволы и ишаки чахнут и погибают, растительность желтеет и стелется по земле, а люди... Забудьте о людях! Лучше выдайте нам комбинезон с медной проволокой!

Не хочу загнаться членом в двадцать один год и начинаю подготовку бегства из Асуана.

Я подошел в столовой к начальству и заявил:

— Не можете мне дать защитный комбинезон, тогда я уезжаю в Каир!

— Да как ты смеешь!

Они поднялись, поперли на меня стеной. Но я стоял на своем. Проблема облучения придавала решимости.

Подполковник Мордовин, комиссар Свиблис. Их лица озарились злобными улыбками:

— Ты не уедешь, молодой подонок! Ты не уедешь отсюда никогда. И защитного комбинезона тоже не получишь.

В этот критический момент меня выручил тройной прыжок.

ЗАЩИЩАЯ РОДИНУ

(май 71-го)

У бассейна ко мне подходят особисты Агапов и Шацкий:

— Пойдем, Жора, научим родину защищать!

Агапов похож на мальчика: с тонкой шеей и рыбьими глазками. Шацкий — с бабьим, чуть рябым лицом, рыжая щеточка волос.

Сажает в «козлика». Через барханы мы пробираемся к станции.

Вокруг — Ливийская пустыня. Ослепительное солнце, сухой ветер и далекие карстовые пещеры у берега Нила. Полузарытая в песок, машет лопастями одинокая РЛС. Солдаты сидят в окопе и, матерясь, уминают «шрапнель» с курдючным салом.

Солнце в зените.

Агапов и Шацкий беспокойны. Они осматривают местность в бинокль. Чувствуют присутствие врага. Враг — патрульная машина египтян.

Агапов выруливает к египетскому «козлику», откуда, как он уверен, ведется наблюдение за РЛС.

Египтяне в панике смываются.

Начинается гонка.

Мчимся по пустыне, пыль столбом.

На ухабах больно бьет в копчик. Я ниже надвинул кепку и вцепился в дверную ручку.

Агапов и Шацкий матерятся.

Гонка продолжается час.

Египтосы ускользают от преследования.

Без сил останавливаемся на пустынной дороге.

Агапов хлопает меня по плечу:

— Вот так, сынок, учись родину защищать!

ТРОЙНОЙ ПРЫЖОК

(май 71-го)

На следующий день я сижу с офицерами у бассейна. Бассейн — один на Сахари-сити. В нем можно встретить советских офицеров, строителей Асуанской ГЭС, а также иностранцев, живущих под Асуаном.

Припекает. Скорпионы и фаланги, как всегда в мае, вылезают из нор, ползут к воде. Мы пьем маслянистую «Стеллу», положив ноги на стулья.

Рядом — немецкая семья. Говорят, что пожилые немцы — из бывших эсэсовцев. Насер принял их в Египте и расселил в Асуане, где они ведут бизнес и налаживают производство пива. Интересное соседство!

Белокожая молодая немка прыгает с вышки. Брызги долетают до нас.

Подходит Агапов, демонстрируя шрам на спине (бандитская пуля), затем небрежно кидает:

— Пойдем Жора, я научу тебя тройному прыжку!

После короткого колебания соглашаюсь.

На маленькой площадке у бассейна Агапов показывает, как надо разбегаться, скакать, прыгать и приземляться. Разбегаться, скакать, прыгать и приземляться. Разбегаться, скакать, прыгать и приземляться.

С трудом осваиваю эту технику.

Вначале выполняется первый элемент — скачок, первое касание происходит той же ногой, затем — шаг и касание другой ногой и заключительный элемент — прыжок. Вздывая кучу пыли, мы приземляемся на красноватый нубийский грунт.

— Ничего, сынок! Будешь прыгать, как Виктор Санеев, — шепчет Агапов и заставляет прыгать раз пять.

Прыгать, как Санеев?

Странная настойчивость, я не могу сказать «нет» под прицелом его неподвижных рыбьих глаз.

Разбег — и удар пришелся на левую (хруст), потом на правую (хруст), и так по новой.

Прыжки аукнулись на следующий день.

Раннее утро. Звенит будильник. Не могу подняться — так болят колени. Ноги не держат.

С трудом натягиваю авероль и, стараясь не сгибать колени, выхожу к ступеням. Меня ждут в «козлике».

Делаю два шага по ступеням и с грохотом падаю на

красноватый африканский глинозем.

Дружный хохот. В результате — локоть сильно поврежден.

Меня везут в санчасть.

Там военврач осматривает руку, смазывает меркурохромом.

Если в Советском Союзе смазывали раны зеленкой и йодом, то в английских колониях пользовали меркурохромом. Он отличался ярким красным цветом и отсутствием запаха. Этот антисептик, внедренный англичанами в 1919 году, был признан много лет спустя опасным из-за содержания ртути.

Доктор Птичкин, принявший уже дозу спиртоколы, намазал мне локоть меркурохромом, а потом, подмигивая, достал новинку — французский гипсовый бинт, который только что получил на складе.

— Необходимо обездвижить верхнюю конечность! — обмакнул бинт в воду и намотал мне на руку.

Вскоре гипс засох, и рука оказалась обездвиженной.

В таком виде я продолжал работать. Ездил на «козлике» в пустыню, сидел на КПП, торговался с Хаджаджем и даже ходил в летний кинотеатр.

На второй или третий день в локте появилась тупая боль. Она ползла все дальше по руке. Я начал постанывать. Поднялась температура.

Доктор Птичкин, занюхав спиртоколу египетским крекером, потрепал меня по голове — все будет хорошо, сам увидишь!

На коленях у него лежали воспоминания Жукова — недавно появившиеся, и он бормотал:

— Вот это полководец! Ну почему мы не дошли до Ла-манша? Показали бы вам, господа англичане!

На шестой или седьмой день в Асуане стояла жуткая жара, и я почувствовал, что загибаюсь. Действовать надо было немедленно. Пересчитал фунты: их было около сорока. Переоделся в гражданское и на попутке доехал до асуанского вокзала. Там фунтов за двенадцать купил билет первого класса до Каира. Ехать предстояло всю ночь.

Я мотался на нижней полке, скрежеща зубами. Пот лил градом.

Ту ночь я не забуду никогда — зловещую луну над Нилом и стук колес, а также бред, в котором представал то Аменхотепом, то Тутанхамоном.

Рано утром, приехав в Каир, взял такси и рванул в советский военный городок.

Вошел в полевой госпиталь и сказал просто:

— Подыхаю.

Дежурный врач быстро осмотрел меня, положил на

операционный стол и дал чего-то выпить.

Скальпелем взрезал гипс. Его глазам открылось удивительное зрелище: там, где был локоть, вздулся громадный гнойный пузырь размером с апельсин.

Тем же скальпелем он рубанул по пузырю: вылился стакан гноя.

Наступило мгновенное облегчение.

Врач впрыснул антибиотик, продезинфицировал рану, замотал обычным бинтом и сказал:

— Еще бы пару дней — и мог лишиться руки.

И велел недельку полежать.

Как был в состоянии эйфории, я вышел на улицу.

Сашу в Наср-сити я не застал, он был на канале.

Весь день я думал, как избавиться от Асуана и радиолокационных махалок. Наутро пошел в военный госпиталь и потребовал перевести меня в Каир — по причине высокого давления.

Ртутный столбик действительно зашкаливал — после всех приключений. А может, врач пожалел меня...

Полковнику Квасюку не оставалось ничего другого, как подписать приказ о моем переводе в Каир, в штаб ПВО.

Победа!

Я сел в вагон первого класса и на этот раз с приятным чувством поехал в Асуан, купив в привокзальном киоске пачку бульварных французских газет и журналов.

Во «Франс Диманш» прочел историю о бывшем офицере СС, который сделал операцию по смене пола и стал великолепной женщиной.

Было написано: бывший штандартенфюрер СС Хорст Н. стал дамой. Красивая блондинка была в «той жизни» жестоким арийским мачо, который расстреливал партизан. Теперь Хорст Н. испытывает многократные женские оргазмы. Помог ему профессор Абу-Сейф, каирский врач, владелец частной клиники в Гизе.

Обдумывая чудесное превращение бывшего эсэсовца, я забылся тяжелым сном.

Когда подъезжали к Луксору, пристал сосед по купе, советский полковник в штатском:

— Переводчик, слышь, пойдем в Долину царей!

Но я забился в угол на верхней полке и бормотал:

— Не пойду! Не заставите!

Потом жалел, что не пошел в Долину царей: увидел ее лишь много лет спустя.

В Сахари-сити я нагло ушел в санбат и там залег на десять

ней. Греясь на раскладушке в колониальном саду под бананами, читал «Тошноту» Сартра, экзистенциальные эссе Камю, и мне казалось, что жизнь прекрасна. В тот момент я забыл об опасности радиолокационного облучения.

А выписавшись, собрал вещички и уехал в Каир, осыпаемый ругательствами командного состава.

И СНОВА АСУАН

(12 марта 2010 г.)

Наш самолет прилетел из Каира на маленький пустынный аэродром. Я сразу почувствовал особую энергию этого места, знакомую по 71-му году. Асуан, наверное, лучшее место в долине Нила. Здесь живут смелые длинноногие нубийцы, презирающие покорных феллахов Дельты. Здесь самое яркое солнце и жив еще дух того, первобытного Египта.

Нашу группу привезли на пристань, где стоял лопастный пароход «Синухе». Кажется, так звали героя древнеегипетского эпоса. Синухе-египтянин. Который убежал от гнева фараона в Верхний Египет и вернулся домой после долгих и опасных странствий.

На берегу, перед посадкой на пароход, поговорил со старым грузчиком-нубийцем. Он помнил русских. Их было здесь так много в 60-е... Русские строители дружили с египтянами, пили с ними пиво, пели песни.

— Теперь — не те русские, какие-то шумные, надменные туристы. Мы не понимаем этих новых русских, — заключил грузчик.

В Асуане к нам приставили Мухаммада — пожилого беззубого гида. Я сказал «пожилого» — но ему, наверное, было лет сорок пять. Здесь люди рано стареют. Рассказывая о богах Древнего Египта, он смущенно прикрывал беззубый рот.

Когда Мухаммад узнал, что я был с русскими хабирами во время «войны на истощение», спросил:

— А ты не боишься, что тебя узнают?

У Мухаммада, как у советского человека, реакция была однозначной: «Не боишься, что тебя вспомнят спецслужбы?»

Эти слова заставили меня рассмеяться:

— Кому я нужен в свои шестьдесят лет и с немецким паспортом? Все, что было — история!

Он подумал и оскалился щербатым ртом:

— Действительно, история!

Но эта история жила в них, и они хорошо помнили о временах дружбы с СССР. В Каире я задал отставному египетскому военному вопрос: почему в 72-м выгнали хабиров?

Он стыдливо потупился.

Потом взял меня за руку и сказал:

— Садык, друг! Мы не могли тогда поступить иначе! Никто бы нам не поверил, что мы можем победить Израиль сами!

Я вежливо принял этот аргумент, хотя причина, ясно, была в другом.

Прямо с самолета в Асуане я сунулся в тэкс-фри шоп и выяснил, что двухдневный срок на покупку спиртного иностранцами здесь не действует. Я сразу затоварился: взял три полуторалитровые бутылки виски Famous Grouse.

Сидя в шезлонге на палубе парохода, я попивал виски, предварительно перелив в бутылку из-под минералки и подкрасив кока-колой. До Луксора этой алкогольной смеси должно было хватить, так я рассчитал.

Мы проплывали идиллические берега Нила — с пальмами, одинокими буйволами, ишаками, верблюдами. Вдали, на песчаной горе, одиноко возвышался мавзолей Ага-хана. Великий пейзаж, при виде которого в душе оживало чувство полузабытого, но близкого прошлого.

Над этим уголком земли, казалось, нависла тень Атлантиды. Согласно ряду эзотерических источников, за десять с лишним тысяч лет до нашей эры последние жрецы-атланты бежали сюда, на юг Египта, и принесли знания атлантической цивилизации. Они прибыли в Египет, чтобы сохранить наследие, из которого вышла западная цивилизация. Запад начался не в Греции и Риме, а здесь, на юге Египта.

Я подливал себе алкогольную смесь, но никто из немцев и арабов подвоха не замечал. Кроме подлого старика Шамса. Он-то знал повадки гяуров по многолетнему пребыванию в Германии.

Шамс подозрительно ходил вокруг меня, бросая косые взгляды на бутылку с миксом.

А я, расслабившись, пил виски с колой, курил и меланхолично взирал на зеленые берега Нила.

Наш пароход проплыл Эдфу, Комомбо. Посетили храм в Комомбо.

Босоногие малыши бежали по берегу, махали нам руками. Бесконечная лента Нила, по мутной поверхности которого бесшумно скользят фелюки и вдаль уходят пустынные холмы под ярко-синим небом. Это и есть вечность.

Так мы доплыли до Луксора и Долины царей.

Это, наверное, самый большой некрополь в мире. Здесь повсюду захоронения — и фараонов, и обычных людей. Каждый в Древнем Египте заботился о собственном бессмертии. В этом проявлялся индивидуализм. Ремесленники сами расписывали свои могилы. Сколько их, безымянно ушедших, лежит в песках? И есть ли что там, в загробном мире?

Допив бутылку виски, понял: «Чего причитать, чего вопрошать? Все само собой сладится. Все само решится».

ПРОФЕССОР ФУКЕ

(15 марта 2010 г.)

Третий день плавания по Нилу.

Мы в Луксоре.

Шамс невыносим. Водит нас на экскурсии, по магазинам и всюду нагло жрет — за счет хозяев. Пока немцы затовариваются в алебастровых и папирусных лавках, Шамс садится под навесом и поглощает шорбу, брынзу и нильскую рыбу.

Его мерзкая антисоветская и русофобская сущность вскрылась, когда он сказал мне:

— Плохие были у вас, русских, турбины! Из-за них чуть не встала Асуанская ГЭС. Пришлось в Германии закупать.

Это напомнило мне капитана Хильми.

«Ах ты гад!» — Я чуть не вмазал ему в слюнявые губы и пошел один в город — подальше от немецких попутчиков и Шамса.

Кого только не встретишь в храме Амона-Ра! Внимание привлек изящный полустарик в белом костюме, по виду европеец. В отличие от косноязычных и ленивых местных гидов он легко порхает в парусиновых туфлях, воркует по-французски, называет даты, улавливает связь времен.

Прибиваюсь к нему. За ним послушно следуют две пары богатеньких частных туристов из Франции.

— Можно вас послушать? Я русский журналист.

— Извольте, сударь! Меня зовут Ален. Фуке.

— Фуке? Как того самого?

— Да, как министра финансов Луи Четырнадцатого. Я с ним в далеком родстве.

Вместе с французами обхожу храм Амона-Ра. Фуке объясняет, почему один из двух гранитных обелисков, стоящих перед храмом, был вывезен в XIX веке и установлен на площади Согласия в Париже. Рассказывает о поклонении кошкам в Древнем Египте. Когда кошка умирала, ее хозяин в знак траура сбивал брови. А кошек мумифицировали.

Он все рассказывал, а мне становилось не по себе: информацию о Древнем Египте можно воспринимать лишь малыми дозами.

Профессор археологии Фуке — большой оригинал. На пару с другом-геем Дидье он купил деревянный парусник и большую часть года живет на нем. Эта разновидность корабля, известная очень давно, называется «дахабия». Он принимает на паруснике

постояльцев — состоятельных туристов, которым показывает памятники Древнего Египта.

Что влечет его в Луксор, где он проводит долгие зимние вечера на своей дахабии? Наверное, особая магия Египта, которая привлекает и меня, и многих других.

Вместе с Дидье он возлежит на шелковых подушках и потягивает кальян, глядя на проходящие суда. Накурившись, они созерцают звезды.

Утром друзья садятся в лэндровер и едут на правый берег Нила — в пустыню, на раскопки. По пути в Долину царей они видят привычный нильский пейзаж: пальмы, глинобитные домики и поля, где в арыках стоят по колено в воде покорные феллахи. Вода кишит паразитами, которые проникают в голые крестьянские икры и вызывают опасную болезнь — бильгарциоз. Последствия печальны, возможны слепота и паралич. На возвышениях стоят охранники с мушкетами и зорко следят за порядком. Деревенский староста — омда — разрешает им стрелять на поражение.

Забудьте аграрную реформу Насера! Забудьте борьбу с феодализмом! От Нижнего царства до нового Египта — сплошное бесправие.

За колоссами Мемнона дорога разделяется: левая ведет в Долину царей, правая — в Долину цариц. Фараоны выбрали это выжженное безлюдное место для вечного уединения.

Ален и Дидье проезжают мимо: их манят маленькие захоронения на склонах гор, где рыли себе могилы ремесленники и другие незнатные люди.

Ален Фуке прижимает к груди рюкзак с нехитрым археологическим инструментарием — лопаточками, щеточками, ломом, скальным молотком. И еще: он давно использует небольшое однорогое кайло с хорошо оттянутым клювом для проходческих работ в карстовых пещерах левого берега. Но это — его профсекрет.

Накопавшись вдоволь, они будут писать полевые отчеты. Они не осрамятся. Тайны Древнего Египта откроются им.

Бог Гор, бог Тот, бог Птах. Но эффектней всех бог-шакал Анубис, покровитель умерших и некрополей. Он будет часто являться им во сне, требуя прекратить раскопки.

КАИР МИСТИЧЕСКИЙ

(июнь 71-го)

Бежав из Асуана, я снова очутился в Каире. Разложил нехитрые пожитки в огромной пустой квартире в Наср-сити, 6. Пошел гулять в Гелиополис.

Ощущение, будто вернулся в цивилизацию.

В книжном магазинчике купил странную книжечку Люка Дитриха — «Счастье печальных людей». Что-то затронуло душу. Позднее узнал, что этот французский писатель-маргинал примкнул к группе Гурджиева, и тот искалечил его психику. Дитрих умер молодым и безвестным.

В Каире у меня все чаще возникает трудно объяснимое беспокойство. Устойчивая психика советского студента заметно меняется: как будто духи старого и нового Египта назойливо стучатся в черепушку.

Тревожная ночь в Наср-сити, 6.

Дует, завывая, ветер с пустыни. Песчинки проникают сквозь ставни и рамы, скрипят на зубах. У военного переводчика назревает религиозное состояние. Хочется молиться.

Скажите, ночные призраки! Скажите, ангелы-хранители, души атлантов и первых схимников пустыни! Почто мы суетимся в северных широтах? Не лучше ли раствориться здесь, в дельте Нила, и возрождаться в бесчисленных поколениях, в течение тысячелетий? Здесь не так страшно умирать, здесь можно безмятежно размножаться и стареть.

Неделю спустя купил у букинистов в Гелиополисе потрепанную книжку о Данте и его духовном видении. Когда прочел, стал истово креститься. Потом зарыдал-заплакал, глядя на пламенеющее небо над пустыней.

Как сказал Рембо, поклонения богам больше нет. Оно ушло, оставив нас наедине с собой. Но там, в египетской пустыне, я слышал отголоски ушедшей веры.

Эхо эха.

Значит, эта вибрация все же была!

МУКАТТАМ

(июнь 71-го — февраль 72-го)

Гора Мукаттам — могучая известняковая структура, из которой столетиями вырубали каменные глыбы для строительных работ. Мукаттам навис над Каиром, а на его стесанной макушке установлены антенны, системы дальней связи. Это — лучшая точка для военных локаторов и радаров. А также для наблюдателей каирской жизни с высоты птичьего полета.

На этой самой горе Мукаттам после приезда из Асуана я провел многие месяцы — в объединенном штабе ПВО.

Флешбэк: лето 71-го.

На горе Мукаттам машут лопастями гигантские советские РЛС. К горе прилеплена большая белая казарма — для русских солдат. Они живут как робинзоны: ходят строевым шагом, обслуживают радары, взгромоздившиеся на верхней площадке. В город их не пускают.

Общее настроение: когда же дембель?

Главное желание — продемонстрировать неподчинение сержантам и офицерам.

Об этом мне говорит солдатик Слава, когда мы курим «Килубатру» у парашюта над Каиром. Он хочет одного — вернуться в Питер и оттянуться по полной. Там его ждет девчонка, ждут фарцовщики, ждут приключения. Бизнес-план уже созрел в его молодой советской башке.

Он не знает, что ему еще ждать долгих 20 лет, пока в России разрешат свободную торговлю. А до той поры — он может сесть в тюрьму за десять долларов в кармане.

Эти солдатики — герои. Они ухитряются приводить блядей в расположение части, сквозь оцепление и блокпосты.

Подходит рядовой Коврижкин.

— Ребята, ну умора! Вчера мы с Петькой на РЛС поспорили — кто бабу приведет. Мы продали солярку — на три фунта, и рыжий Ахмет — живет с семьей на кладбище, что в старом городе, — привел нам местную — Фатиму. Лахудра, конечно, изрядная, немолодая, толстая, но для солдата все сойдет. Мы с Петькой провели ее в расположение дивизии — сквозь три ряда колючей проволоки (одна из них — под напряжением), сквозь всех арабских и советских часовых, и заперли на станции. Там ее хлопцы тягали два часа. Она пыталась вырваться, кричала, что хватит. Но наши ребята крепко ее держали. Пока не получили свое. Жара, конечно, свирепая, кондишена нема, но подвиг

совершили.

Зенитная самоходная установка «Шилка», вот где это, кажется, было. А может, и самоходный ракетный комплекс «Стрела». Я в них толком тогда не разбирался. «Шилка» и «Стрела». Арабы называли их «Шилла» и «Стрелла». Звучало красивее, чем по-русски.

Как-то командир залез в самоходку и охренел: там сидела пышная дама в черном и хлопала себя по ляжкам. Его глаза разъехались: отодрать шлюху, разнести кабину вдребезг или доложить куда надо?

Как настоящий советский офицер, он предпочел ничего не делать. Выскочил на песок, вытер взмокшие ладони и показал кулак рядовому Коврижину.

По субботам, когда стемнеет, у советской казармы на Мукаттаме устанавливают проектор и крутят советское кино. В этот вечер — фильм «Офицеры», в бесчетный раз.

Солдаты сидят, курят, переживают. В них просыпается любовь к родине, подавленная казарменной жизнью.

Один говорит мне:

— А как бы со Светличной познакомиться? Вот эта баба — идеал, люблю ее бледно-голубые глаза.

Я не понимаю:

— А разве она играет в этом фильме?

— Да нет, я так.

Флешбэк: июль 71-го, невыносимая жара.

Гора Мукаттам, штаб-квартира ПВО Египта. Комната отдыха офицеров.

Шумит старый кондиционер. Гонит все тот же горячий воздух. Гулко падают капли охлаждаемой воды. Всю жару убрать невозможно. Но, подставив лицо потоку воздуха, можно освежиться и простудиться.

Из транзистора доносится мурлыкающий Кэт Стивенс: *My Lady d'Arbanville*.

Снаружи доносится приятный запах жареных овощей: солдатенщик готовит обед офицерам. Он делает это на походном примусе, во дворе. Затем раскладывает под навесом лепешки, рис, подливу, овощи, мясо. Это не для них, тощих феллахов. Это для офицеров. Только будут ли эти раскормленные увальни защищать свою фараоновскую родину?

Фараоны лежат в песках, думают: «Кто мы, где мы и что наши кости, и что наша мумифицированная плоть? Почто нас выкинули на свалку истории?»

Под песками — земная кора, ее глубина — от пяти до тридцати километров, под ней — мантия, внешнее и внутреннее

ядро, а снаружи — гора Мукаддам. А по ней бегают
микроскопические создания — люди.

Кто под кем?

МЫСЛИ О ПОБЕГЕ

(август 71-го)

И снова советская бригада ПВО, гора Мукаттам.

Выхожу с дымящейся «Килубатрой» на площадку: как смыться на Запад?

Ослепительное солнце. Цитадель Саладина. Одинокий гриф завис над Каиром.

Как смыться?

Смыться из Советского Союза хотелось многим, в том числе и мне. Однако смыться из Египта 71-го было не так-то просто. Направо — Суэцкий канал, а там израильтяне. Налево — Ливия, где к власти пришел Каддафи. Внизу — Судан, где правит диктатор Нимейри. Наверху — Средиземное море и советские военные корабли. Можно было бы забраться в британское посольство в Каире, попросить убежища. Но кому нужен несчастный советский переводчик?

Поэтому, накопив пятьсот долларов, легче было бы купить место в трюме сухогруза, идущего из Александрии в Грецию или Турцию. Конечно, шанс нарваться на жуликов и тут огромен. Однако в случае удачи... залезу в трюм в Александрии, а вылезу в Марселе. И буду работать на Радио «Свобода» в Мюнхене, лая по ночам на оставленную родину. Продамся американским империалистам, уподоблюсь власовцам, бандеровцам и прочему эмигрантскому отребью.

Как увлекательна судьба предателя!

Впрочем, предательство зрело в бесчисленных умах. Расчленение империи готовилось уже тогда. Дух национализма цвел пышным цветом.

Переводчики-хохлы дразнили москвичей:

— Мы в Киеве читаем больше вас американской литературы. Гарольда Роббинса, например. Never love a stranger...

В них уже проглядывала племенная спесь.

Таджики и узбеки вообще были непроницаемы и жили по собственным законам. Копили золотишко, чтобы вложиться в теневой бизнес Средней Азии.

Дух стяжательства торжествовал: хабиры откладывали сертификаты на «Волги» и слышать не хотели об идеалах социализма.

Но мог ли я, наивный, предполагать, что к 91-му году предательством будет охвачен весь Советский Союз? Что никто не заступится за бедную ослабевшую сверхдержаву.

В результате — кто-то удрал за кордон, кто-то занялся бизнесом и преуспел. А кто-то спивается на подмосковной даче, решает кроссворды и плачет по исчезнувшей империи.

Так что это значит — измена? Распад сознания? А может, это основной инстинкт, более сильный, чем преданность? Так предавали родину варвары, переходившие на сторону Рима. Оставляю эту тему историкам. Но уже тогда, в брежневские времена, любимой фразочкой стало: «Любите Родину, мать вашу!» А за этим следовал оглушительный гогот.

Во времена застоя на первых рубежах распада была советская армия. Нигде не воровали так, как в гарнизонах и бригадах. А кульминацией стала тотальная распродажа армейского имущества в Западной группе войск, на территории Восточной Германии. Там в начале 90-х была запущена на полный оборот практика, уже опробованная в Египте.

ВО ВЛАСТИ СОВЕТСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРЕКРАСНОМ (август 71-го)

Гора Мукатта, штаб-квартира ПВО.

Старший переводчик Андрей С. выходит со мной к парапету.

Стоим в египетских полевых гимнастерках, курим.

Под нами расстилается Каир в мареве смога и пустынной пыли. Напротив, у цитадели Саладина, как всегда, кучкуются группы туристов. За ними — старый город, сюда съезжается на переполненных автобусах рабочий люд. Каир — разросшийся муравейник третьего мира. Иллюстрация марксистского тезиса о том, что здесь — будущее мировой революции.

Андрей настроен лирически. Сжимая под мышкой роман «Лорд Джим» Джозефа Конрада в мягкой «пингвиновской» обложке, он произносит:

— Хороший писатель Конрад, его готовят к изданию в Москве. Реакционные редактора противятся, но надо, давно пора приобщать нас к хорошим образцам.

— А ты не видел «Смерть в Венеции»? — продолжил он. — Нет? О, это шикарный фильм. Висконти поставил по новелле Томаса Манна. Там тема гомосексуализма — пока еще у нас запретная, но верь, и это табу падет.

Переходим на тему патриотизма и будущего нашей страны.

— Да, много ошибок совершили, — говорит Андрей, — но партия все это понимает и перестраивается — тогда я услышал впервые слово «перестройка». — У нас ведь потенциал — неисчерпаемый. Народ — талантливый. Мы победили немецкий фашизм — такой могучей армии у сил империализма не будет больше никогда.

Позднее я услышал мнение специалистов: прекрасно организованная немецкая армия поставила перед собой невыполнимую задачу — покорить Европу от Атлантики до Урала, имея перед собой неисчерпаемый людской ресурс на Востоке и столь же превосходящий технически — на Западе. Русские завалили немцев телами (соотношение пять к одному), а американцы — техникой (тоже пять к одному) — гонялись на самолете даже за одиночными немецкими пехотинцами. И вся эта дурная и бессмысленная Вторая мировая была лишь прологом новой — холодной, когда Россия и США, истинные претенденты на мировое господство, скрестили мечи.

Андрей подводит черту под нашей беседой:

— Социализм доказал свои преимущества. Победа в Великой войне подтвердила это. Но старые подходы надо менять, тогда мы победим и в мировом масштабе.

Я нехотя поддакиваю, но скептицизм гложет душу.

Эти советские оценки... Но каковы, блин, оценки! Их ничто не поколеблет. Их только, блин, можно размыть потоками времени.

При этом меня не перестают удивлять его толстые ляжки и сильнейшая черная растительность на щеках и шее. Что за генотип? И откуда этот советский патриотизм? Не выношу космос, футбол и научную фантастику. Еще я терпеть не могу советских патриотов и диссидентов, а также пресловутый Серебряный век, который считаю имитацией французского символизма. Уже тогда рок-н-ролл казался мне устаревшим, а джаз и вовсе дедушкиной музыкой. После революции Битлов я жил в других ритмах.

Но советские представления о прекрасном обязывают: в Каире я начинаю так называемое литературное самообразование. Читаю на английском и французском «джентльменский набор» — скучнейшие романы Солженицына, однообразную «Камера обскура» Набокова, многословный «Лорд Джим» Конрада и предельно путанный «Шум и ярость» Фолкнера. Но также — блистательную «Тошноту» Сартра, величественное «Падение» Камю. Долго вчитывался в «Улисс» Джойса на французском: считается, что перевод Валери Ларбо лучше оригинала. До сих пор считаю этот текст самым гениальным провалом в истории литературы. Невозможное чтиво — филологический кунштштюк.

По устоявшимся советским и российским понятиям того времени, надо было постоянно заниматься самообразованием. В духе Горького: «Любите книгу!» Сейчас я много книг в доме не держу: из-за аллергии на пыль и внутреннего отторжения многословной писанины. Слово — слишком драгоценный дар, чтобы выплескивать его ведрами.

А тогда — тогда я читал бесконечные книги в громадной пустой квартире на девятом этаже, в Наср-сити, 6. За окнами — пустыня, уходящая к небу, и быстро опускающиеся сумерки. Строчки плывут перед глазами. А они все нагромождают фразы. Скучно, господа!

В момент захода солнца понял: важен только момент. Только момент, только состояние: «Сидели, свертывали цыгарки», «рвануло над пятым бастионом», «обдала теплая волна». Was noch?

Пометил в тетради: «Ситуации. Зима. Америка. Германия.

Говно. О соцреализме. Обо всем как есть. По темам. Разобраться».

Одна из назревающих осенью 71-го социокультурных тем — видеомэгнитофоны. Я прочитал в «Нувель Обсерватор» о предстоящей технической революции: готовится массовое внедрение чуда техники — видеомэгнитофонов.

Сегодня это кажется смешным, тогда же звучало фантастично.

О своем недоверии мне рассказал переводчик Руслан Гамидов. Азербайджанец, сын покойного генерала МВД.

Я угостил его сигаретой «Ротманс»: мы сидели на терраске кафе в Наср-сити, 3: мимо проходили сисястые хабирские жены. Трахнуть одну из них он как азербайджанец почитал за честь. Но меня такая возможность пугала.

Я говорю трагически:

— Руслан, готовится информационная революция. Запускается производство видеомэгнитофонов. Ты сможешь смотреть и записывать кино у себя дома.

Руслан выслушал, мрачно сказал:

— Много знаешь. Много пиздишь. А сердце у тебя жесткое, нераскрытое. Ты не знаешь, что такое трагедия. Когда отец погиб на спецзадании, я почувствовал себя таким покинутым! А ты — о каких-то видео. Любить надо людей.

Ну что ж, я понял, что беседу надо заканчивать.

По пути домой купил у продавца постер — Рокуэлл Уэлш в купальнике. В гелиопольском кинотеатре «Норманди» я видел ее в фильме, где она облила насильника бензином и подожгла.

Постер повесил над дверью. Ничего, хороший постер. Она там улыбалась белоснежными зубами, раздувая накачанную грудь.

ВИВА АС-САДАТ!

(дата неразборчива)

Еще я вспоминаю: площадку на Мукаттаме, сгущающиеся сумерки над Каиром, посвистывание и треск транзистора, который настраивается на каирскую волну.

Голос Садата. Мягкий, басовитый, банальный:

— Ана ракиб фи-ттайара, будаххину-шишиша уа буфаккир фи мауду' ассалям (я сижу в самолете, курю трубку и думаю о проблеме мира).

На улицах Каира потягивают кальяны безмятежные бауабы в галабиях, поддакивают, одобряют. Уважение к раису у них в крови. Портреты Садата — повсюду: с шишкой на лбу. Считается, что этот человек — политический оборотень. Но разве в политике таких не большинство?

Летом 42-го неизвестный никому лейтенант Анвар Садат по личной инициативе направился с миссией к Роммелю. Худой смуглый египтянин с еле заметной черной шишкой на лбу. В планшетке лежало предложение — объединить усилия против англичан, создать прогерманское правительство в Египте.

Обходными тропами он пробирался в район боев под Эль-Аламейном.

На выезде из Александрии его остановили британские патрули, за шкуру доставили в контрразведку. Допросы продолжались долго. Садат сказал всё: англичане его отпустили в обмен на подписку. Он стал внештатным информатором и долго потом просыпался в холодном поту, боясь, что его разоблачат.

Для легенды — его разжаловали, посадили в тюрьму, разрешили бежать. В 45-м он был восстановлен в армии по амнистии.

Он долго слыл соратником Насера: ходил ласковый и неприметный, клялся в дружбе Советскому Союзу. В Москве были очень рады, когда он стал президентом.

Потом пришло известие, что Садат обезвредил всех друзей Советского Союза: в армии, МВД и парламенте. Стал говорить о дружбе с Америкой, о «политике открытых дверей».

Доверчивый египетский народ со всем этим был согласен: все так же сидели на улицах аксакалы, дымили кальянами, одобрительно кивали.

После подписания Кэмп-Дэвидского договора с Израилем Садат начал пить. Вернее, стал пить больше. Его любимым напитком была водка. Он свято верил, что она не оставляет

запах.

Приходил утром на совещания с остекленевшими глазами, застегнутым на все пуговицы, в маршальском кителе, в двенадцать уезжал на обед и снова лез в холодильник. Однако темная шишка на его лбу росла — свидетельство исправных молитв на коврике.

Жена — полуангличанка Джихан, для домашних Джигги, — смотрела с изумлением на эти новые привычки. По вечерам с бокалом водки Садат садился в кинозале и, подобно Сталину, смотрел голливудскую классику — Фреда Астера, «Унесенные ветром» и т. д. Неизменный кальян дымился у его ног.

Стадион Наср-сити, 6, октября 81-го. Парад. Садат сидит на трибуне в причудливом маршальском мундире, с жезлом в руке. Вокруг руководство страны.

Из крытого грузовика выскакивает кучка солдат, их ведет лейтенант Исламбули. Они бегут к трибуне, стреляют из «калашниковых», бросают гранаты. Садат почему-то встает — навстречу пулям. И падает, держась за шею. Остальные прячутся под скамейки. Истекающего кровью Садата по требованию жены доставили не в госпиталь, а на виллу, где он через час скончался.

Стоп-кадр.

Хрен с ним, с Садатом. Его история подтверждает одно: человек — игрушка обстоятельств и спецслужб; массы — быдло; навязать им можно все — от коммунизма до капитализма — и в Египте, и в России, и в Штатах. Даже героизм фанатиков не в силах это изменить. Мы все — Садаты.

АТРИБУТЫ 71-го

И все-таки планета вертелась! Материальное было неунничтожимо. Престижная покупка — «Жилетт»: станок, меняющий угол лезвия. При этом само лезвие оставалось классическим. А в совке используют старые станки, времен Второй мировой войны. Продается «Олд спайс»: афтер-шейв и одеколон. Запах сейчас кажется отвратительным. А тогда — супер. Не то что «Шипр» или «Лаванда» в Союзе.

Часы «Сейко» и «Ориент» конкурировали в премиум-сегменте. «Ориент» имел более экзотическую форму — сейчас такие не производят. Продавцы помещали часы в аквариумах с рыбками и выставляли в витрине на виду у изумленных пешеходов. За эти «Сейки» ребята готовы были продать родину.

71-й: на улицах появляются джинсы-клеш и башмаки-бульжники. Нам, переводчикам, новая мода активно не нравится. Мы остаемся в 60-х.

Однако золото — вот точка притяжения для командировочных. Мы всё узнали про караты. В Советском Союзе в ходу были четырнадцать каратов — 585-я, кажется, проба. Низкая по содержанию чистого золота.

В Египте хабиры смекнули, что брать надо восемнадцать каратов. Желательно — изделия швейцарской и итальянской работы. Все стали большими специалистами. Ходили по лавкам, разглядывали изделия в лупу, пробовали на зуб, спорили с продавцом. Дыбля — колечко, хатим — перстень, сильсиля — цепочка и т. д.

Знание языка не спасало от надувательств. Часто какое-то звено в цепочке оказывалось медным или перстень начинал облезать после первой недели.

Наколовшись пару раз на базаре Хан-халили, где впаривали что угодно, мы с Сашей повадились ходить к ювелиру Шушани. Это был седовласый армянин, его лавка находилась на улице 23 июля, которую по старинке именовали Фуад.

Когда в кармане было фунтов двадцать-тридцать, мы заходили к Шушани, заказывали кофе и принимались разглядывать товар. При этом имитировали британцев, которые в туземных лавках ведут себя надменно, разглядывают украшения чуть ли не под микроскопом, выказывают пренебрежение к продавцу и торгуются до упора.

В золотые украшения египтяне охотно вставляли александрит и агат — полудрагоценные камни, которые почему-то пользовались спросом в Союзе. Куда лучше была бирюза —

файруз. Но тут следовало быть внимательным. Настоящая бирюза — в прожилках, бугристая, живая, а они вставляли искусственную бирюзу — однотонный пластик.

На уровень ниже золота котировалось серебро — фадда. Но украшения из него были красивее — традиционная арабская чеканка и черненное серебро вместе с бирюзой смотрелись отлично. Это добро покупалось чуть ли не килограммами.

Среди хабилов особым успехом пользовался египетский гипюр — безвкусная кружевная синтетика, которая отлетала с ходу в советских комках. Считалось хорошим тоном везти ее в рулонах и дарить отрезы на свадьбу. Бойкие арабские продавцы отмеряли гипюр метрами, подмигивая дородным хабиловским женам.

Особым предметом спроса были пиджаки из кожи и замши — гильд и шамуа. Хотя и местного производства, они отличались неплохим качеством. Стоили двадцать-двадцать пять фунтов и в совке считались почти недостижимой роскошью, на уровне дубленки. Сейчас в супермаркетах Европы даже турки не обращают на такую продукцию внимания. Воистину, советские люди жили во власти особых представлений о прекрасном!

Если упакованный чувак в начале 70-х имел джинсы «Левис», кожаную куртку, часы «Сейко» и перстень с агатом, он мог рассчитывать на благосклонность девушек и уважение товарищей. А если у него к тому же был самсонитовый «дипломат», непререкаемый авторитет носителю был обеспечен. На самом деле советская страна была самой ритуальной из всех стран мира, где статус определялся количеством импортной одежды и аксессуаров.

И уж практически недостижимыми считались культовые атрибуты западной техники: магнитофоны «Грюндик», транзисторы «Сони», проигрыватели «Филипс». Их могли себе позволить только дипломаты. Бедным хабилам оставалось исходить слюной.

Верхом прогресса была скандинавская порнуха. Эти журнальчики, затертые и слипшиеся, продавались на развалах у дремлющих продавцов. Они просили за них целое состояние, пять или шесть фунтов. Но хабиры платили! И листали дома дрожащими пальцами.

А в остальном — цензура в киосках Каира свирепствовала: все бюсты на глянцевых журналах замазывались черной краской.

ЗВУКИ ВРЕМЕНИ

Каир, 71-й. Дух 60-х еще жив. Хорош магазин пластинок «Колумбия» на улице Сулейман-паши. На полках — главные хиты того времени. В «Колумбии» можно долго слушать пластинки на большом проигрывателе, в наушниках.

Денег было мало, а пластинки стоили безумно дорого. Как и весь импорт в Египте. Но я копил, чтобы собрать небольшую коллекцию и крутить девушкам в Москве. Поэтому все чаще ездил в «Совэкспортфильм» и брал посольский виски по номиналу, чтобы перепродать арабам.

Однажды, продав очередную бутылку виски из посольства, купил сорокапятку Роллинг Стоунз — Dandelion, и — сколько-то там световых лет от дома.

Задумался — какой проигрыватель купить в Москве? Петя, техник РЛС, за бутылкой спиртоколы объяснил мне преимущества радиолы «Эстония» — первого советского аналога всяческим западным «Грюндикам». Он много говорил о стереозвучании и его влиянии на различные подкорки мозга.

Бедный Петя! Его гениальная техническая башка раскололась в марте 72-го на бетонной платформе Наср-сити, 3, когда он по пьяной неосторожности свалился с подножки трамвая на обочину. Но его совет — покупать «Эстонию» — я запомнил.

Время меняется. Музыка меняется. 70-е наползают, как бульдозер. Эпоха хиппи подходит к концу. Битлы распались, и все начинают слушать Элтона Джона.

На витрине «Колумбии» появляется тройной диск Харрисона All things must pass.

Мой друг Саша внимательно слушает транзистор:

— А Пол — молодец. Послушай, что написал!

На волнах каирского хит-парада звучит Маккартни: It's just another day.

Милая, хотя и слащавая мелодия. Особенно раздражают фразы о том, как она просыпается, поправляет чулочки, идет на работу и т. д. Не хватает чего-то драматического.

В Каире держится дух космополитизма: девчонки ходят в мини-юбках. Никаких платков или тем более хиджабов — это для крестьянок. На улице Сулейман-паши — кинотеатры с заморскими названиями «Метро» и «Радио». В них идут Clute с Джейн Фондой, MASH, а также Pussicat, I love you и Castle of Fu Manchu.

В центре сохраняется что-то от прекрасной эры короля Фарука и британского протектората: большие европейские дома,

итальянские кондитерские, колониальный стиль жизни.

В 2010-м от этого ничего не осталось. Появились «Макдоналдсы», толпы оголтелого народу, все женщины — в платках. Сплошная африканщина и азиатчина. Над городом повисли эстакады. От безработных и малолетних попрошаек прохода нет.

71-й. Раннее летнее утро. Я еду на «козлике» в штаб ПВО «Гюши».

Косой шофер Субхи подрезает таксистов.

Включаю транзистор.

Каир вещает на французском языке:

— У микрофона Мунир Маккар. *Au micro Mounir Makkar! Images et visages du theatre Francais d'aujourd'hui.*

Потом идут песни. Репертуар того времени: *Freedom* — Ричи Хевенс, *My Lady d'Arbanville* — Кэт Стивенс, глупейший *Walking in the sun*, Джеймс Браун — *It's a man's world*.

Труднее всего создать настоящую мелодию — для этого надо соприкоснуться с другой стихией. Мелодии не принадлежат никому — они носятся в бесконечном пространстве, слегка касаясь наших задубелых вый. Очень тонкая материя... А если нет мелодии — то пшик!

Прав был Жданов: главное — мелодия, уважаемые слушатели! Остальное — усилители вкуса. Вот почему вся эта атоническая какофония когда-нибудь сойдет на нет.

Сегодня задаюсь вопросом товарища Жданова: исчерпаны ли потенциалы мелодий? Ведь раньше было мало техники и много мелодий, а сейчас — много техники и мало мелодий. Почему все жанры умирают? Они падают и лежат на дороге. Они хрипят и тщатся привстать. Но их затаптывают равнодушные пешеходы. Такова печальная участь жанров в наше, да и не только наше, безжалостное время. Бедная поп-музыка, ты уже мертва!

В «Колумбию» меня влекли не только пластинки. Там работала юная Жаклин. Кажется, гречанка. Очень стильная девушка: короткая стрижка, миндалевидные карие глаза, пухлые губы, чуть вздернутый нос и довольно короткая юбка — для тогдашнего Каира. Она как будто прилетела из Лондона или Парижа. Наверняка посещала европейский лицей.

Наши беседы велись в основном на французском.

Вспоминаю годы спустя, как она заводила меня в кабинку для прослушивания, ставила пластинку, улыбалась прекрасными глазами и удалялась. Но когда ставила пластинку, почти всегда, как бы невзначай, задевала плечом.

Неотразимая Жаклин... И духи... Я спросил, что за аромат? Она сказала — *Caleche*.

Сижу в кабине у проигрывателя, в наушниках песня из мюзикла «Аквариус»: *Let the sun shine in*.

Вижу ее маленькую смуглую ногу, стянутую римскими сандалиями, ярко-красный педикюр. И прошу поставить новую пластинку.

Вот там-то, в кабине, ее рука задержалась на моей. Это было как удар тока. Я застыл. А она поставила пластинку Жоржа Мустиаки.

Сказала, что ей нравятся песни этого грека из Александрии, живущего теперь в Париже. Я с нарочитым вниманием слушал бляющий голос занудного Мустиаки, лишь бы она не уходила. Короче, я в нее влюбился.

Я ходил в «Колумбию» часто, каждую неделю — чтобы увидеть Жаклин. Запах *Caleche* и прикосновение ее руки преследовали меня в Каире. Остаются в памяти и много лет спустя.

Я помню тебя, Жаклин. Для комсомольца и советского востоковеда ты была желанна и недоступна. Если бы об этом увлечении узнали замполиты, или особисты в штабе, или чекисты в институте, меня ждала бы показательная порка.

На Ближнем Востоке есть лишь один способ провести время с девушкой — в автомобиле. Подхватить ее незаметно на углу и увезти — на пляж, за город, в тихий переулок. Там целоваться и ласкать. Так было и так есть в странах с жестким режимом нравственности. Встречаться на улице, вести в кафе или домой — исключено. Но у меня не было ни машины, ни реальных денег.

Я мог бы прийти к ней домой и пасть в ноги родителям — прошу руки! Но дальше что? Подать заявление в советское

консульство? Меня просто уничтожили бы. И что я мог дать ей как жених? Хотя они и мелкие буржуа, но у них наверняка есть десяток федданов земли в Дельте, пара доходных квартир, а может, и овощная лавка. А я советский нищий студент. Короче, брак был бы невозможен.

Я понимал, что нас разделяют миры. И внутренне смирился с тем, что законы жизни не изменить. Потом, уверен, ее выдали замуж за какого-нибудь кузена-мудака, она родила ему полдюжины маленьких греков или коптов, растолстела и забыла о поп-музыке.

МУЗЫКА И ГАШИШ

(октябрь 71-го)

В тот вечер мысли о прекрасной гречанке Жаклин из магазина «Колумбия» не давали мне покоя: я даже выпил, потом еще.

Перед глазами — изящные пальчики, задержавшиеся на моей руке.

И тихий голос:

— Je vous mets un autre disque, monsieur?

Чтобы отвлечься, вышел прогуляться в Гелиополис. Через плечо — привычная сумка, в которой болталась фляжка бренди «Дюжарден». Периодически прикладывался к ней, курил «Килубатру», а в кармане тридцать фунтов от последней полочки.

В мыслях о Жаклин прошел до конца улицы Аль-Ахрам. Вышел на площадь, где стоял большой коптский храм. За ним — углубился в другую улочку. Подошел к небольшому магазинчику, где продавали духовушки, пугачи и полувоенную утварь. Внимание привлек пистолет «Беретта», духовой, с длинным дулом, совсем как у агента 007. Он стоил пятнадцать, а может, и двадцать фунтов — громадные по тем временам деньги. К нему прилагались духовые пульки. Я так влюбился в этот пистолет, что вытащил скомканные фунты и купил его.

Обратный путь пролегал по улице Аль-Ахрам и вправо — в сторону площади Рокси. Там, под мавританскими колоннами, находился небольшой магазин пластинок. Виниловые диски висели в витрине — Айк и Тина Тернер, Шер, Джеймс Браун в комбинезоне.

Подпирая дверь в магазин, стоял здоровый детина в европейском костюме, курил сигарету. Он ласково пригласил меня войти.

Пластинки висели на ниточках по всему пространству. Ощущение было, как на празднике жизни.

Я открыл сумку и, доставая фляжку, показал хозяину (его звали Мухаммад) пистолет.

Мухаммад был восхищен: попросил зарядить и, прицелившись, пульнул в пачку сигарет на прилавке. Промажнулся, и это раззадорило его.

Мы начали соревноваться в меткости. В какой-то момент он сделал паузу и достал большую зеленоватую самокрутку толщиной почти с сигару.

Он закурил, пыхнул и предложил мне. Я, будучи под

градусом, жадно затянулся, потом еще раз, и до конца скурил самокрутку на пару с хозяином.

Странные токи разлились по телу. Я почувствовал дикое веселье и стал ржать, как жеребец. В унисон хохотал хозяин.

Он взял пистолет и выстрелил в висящую пластинку Шер. Она подпрыгнула, а в ней пропечаталась отметина.

Тогда стрелять по пластинкам стал я.

Действо продолжалось минут пятнадцать.

Расстреляв все пульки, мы остановились.

Я чувствовал себя в каком-то бреду: ноги подкашивались, стены ходили ходуном.

Забрав пистолет и сумку, почти на карачках выбрался на улицу и голоснул такси.

Вдоль трамвайных путей таксист довез меня до хабирского заповедника — Наср-сити, 6.

Не помню, как вылез и расплатился. Не помню, как поднялся к себе на девятый этаж. Не помню, что я там делал.

Запомнил лишь: потолок ходил кругом и опускался на меня.

Потом провал в сознании. Потом я услышал собственный крик ужаса. В одних трусах я стоял с обратной стороны балкона, а подо мной темнела пустыня.

Почему я не прыгнул — не знаю. Но близость смерти потрясла.

Осторожно перелез назад. Дошел до постели. Рухнул и забылся беспробудным сном.

На следующий день меня разбудил солдатик Субхи, который на извечном «козлике» повез меня в «Гюши», в дивизию ПВО. Темные очки скрывали мои оловянные глаза.

Потом долго бился над загадкой: а если бы свалился? Что я увидел бы? Быть может, попал бы в параллельный мир и ничего не изменилось бы? Или — встретил бы тотальное ничто? Труднее всего представить ничто.

А может, я воспарил бы грифом над пустыней и поплыл бы в бреющем полете над барханами и людишками?

До меня дошло: смерти действительно нет. Но смысл этой констатации — в другом. Всегда есть что-то, здесь и сейчас, и этим чем-то я всегда буду. Привязанную к этой жизни душу убить нельзя.

КАИР: СЛЕДЫ БЫЛОЙ РОСКОШИ

(октябрь 71-го)

На пересечении улиц Сулейман-паши и Фуада стоит переводчик-виияковец Шелястич. На молодом самодовольном лице — очки «Макнамара», здоровенный будильник «Ориент» болтается на запястье. Он вставляет в уголок рта сигарету «Ротманс», неторопливо достает зажигалку «Ронсон», пускает длинную струю пламени, ловко подпаливает сигарету. Со вкусом затягивается, выпускает кольцо дыма, поправляет авторучку «Паркер» в нагрудном кармане.

Он вышел из кинотеатра «Радио», где посмотрел The Castle of Fu Manchu.

Советует заглянуть в «Колумбию» и купить пластинку Doors.

Шелястич, как и большинство виияковцев, жаждал карьеры и выгодного брака. Его мечта сбылась: по приезде из Каира он женился на внучке маршала Голикова, кажется, и поселился в маршальском доме на улице Грановского. Там он ходил в бархатном халате по анфиладе комнат, где висели голландские картины и немецкие гобелены, а в углу стоял магнитофон «Грюндик», на котором он слушал любимую группу «АББА»?). Шелястич знал, что загранкомандировка ему обеспечена, а в перспективе — должность атташе в одной из теплых стран.

Дальнейшая его судьба мне неизвестна.

В кинотеатре «Каср аль-Нил» мы со Шелястичем смотрим «Стреляйте в пианиста» Трюффо. Прихлебывая бренди из плоской фляжки. Ничего особенного я в этом фильме не увидел, никогда не любил Трюффо. Выходим на площадь, где улица Сулейман-паши (ныне Талаат Харб) переходит в улицу Каср аль-Нил. Тут же любимое Насером и местной буржуазией итальянское кафе «Гроппи».

В наступающих сумерках дома вокруг кинотеатра — темнокаменные, в европейском стиле. Выглядят впечатляюще. В них разыгрывались драмы растленных буржуа-космополитов в золотые годы британского протектората. Один из них — дом Якобяна. Говорят, там бушевали необычайные страсти. Сношались представители коптской и армянской буржуазии, загнивали на корню городские элиты времен короля Фарука. Позднее на эту тему был написан роман Аля аль-Асуани «Дом Якобяна».

Захмелев от бренди, курим у памятника Павлику Морозову. Так хабиры прозвали человечка в европейском костюме и феске

на белокаменном постаменте. На самом деле это Талаат Харб — отец-основатель банка «Миср». А жаль! Раньше на этом месте стоял Сулейман-паша Французский в форме зуава, знаменитый полководец эпохи Мухаммада Али.

Этот французский офицер Жозеф Антельм Сев, прибывший в Египет с армией Наполеона, принял ислам и наплодил детей — будущих египетских аристократов. Среди великих гяуров Египта были еще Клот-бей, французский хирург при Мухаммаде Али, и многие другие.

Насеровская революция 1953 года и последующая египетизация вымели из Каира все западные и феодальные названия. Нет больше улицы Сулейман-паши, нет проспекта короля Фуада, нет улицы инженера Вилкокса в Замалике, как нет Auberger des Pyramides и многих других звучных имен Каира космополитического. Провалившаяся вестернизация, блин!

Их всех вымели, всех зачистили — армян, греков, итальянцев, евреев... Остатки местной буржуазии перебрались в Гелиополис, и теперь центр Каира заполнили темнокожие выходцы из Дельты, размывшие старый буржуазный уклад. Бороться с ними бесполезно: они кланчат, воруют, валяются по углам.

Городские власти пытаются держать эту людскую массу под контролем: на площади Тахрир всех подозрительных прохожих сажают в «обезьянник» — полицейский бронированный фургон. Их там — как сельдей в бочке: сквозь решетку видны смуглые курносые лица. Как часто я видел в Египте такие мутные с бельмами глаза — последствия бильгарциоза. В них — обреченность отверженных. Это тоже — Египет.

ЕГИПЕТСКИЕ МОМЕНТЫ-71

Адюльтер

Десять утра. Всех увезли на Канал. Лейтенант Опрышко сказался больным, не поехал.

Час спустя. Опрышко двухметровыми прыжками взбегаёт на третий этаж Наср-сити, 6. Его никто не видит. Тихонечко стучит в квартиру майора Кошкина. Приоткрывает дверь жена майора — в бязевом халате и бигуди. Они идут в спальню. Он быстро стягивает авероль, прыгает на даму. Короткий и угарный секс. Потом лейтенант достаёт пузырек хамсаташар, выпивает с дамой. Натягивает авероль, выходит на площадку и по неосторожности громко хлопает дверью.

Его видят соседки по площадке — тоже хабирские жены. Доносят в профком. Следует быстрый и справедливый суд.

Майора с женой — в Союз, лейтенанта — на Канал, без права приезжать в Каир.

Русские спецы

Сертификаты. С желтой полосой. Можно накопить за год на «Запорожец». А можно — на «Волгу». Если сесть на режим тотальной экономии. Как эти специалисты в Наср-сити...

Они варили суп на пятерых. Высыпали в громадный чан суповые пакетики, привезенную из России крупу, консервы. Потом сделали кипяtilьник: две бритвы, спички, замотали нитками, вставили в розетку. Суп закипел почти мгновенно. От напряжения загудела электропроводка во всем доме. Через пять минут вырубился свет в квартале. А они сидели в темноте, хлебали суп из чана алюминиевыми ложками и радовались жизни.

Вспомнились «Косцы» Бунина:

«Приглядевшись, я с ужасом увидел, что то, что ели они, были страшные своим дурманом грибы-мухоморы. А они только засмеялись:

— Ничего, они сладкие, чистая курятина!»

Потом спецы закуривают и начинают мечтать о родине.

В трениках ложатся спать.

Сон их безмятежен.

Каир, 71-й. Переводчик Климочкин оделся под иностранца: галстук, темные очки.

Выпив два стакана бренди, с сигарой проник в казино отеля «Хилтон», начал играть на рулетке. Поставил на чет. Все, что было. Сто сорок фунтов. Зарплату за два месяца. Прикурил новую сигару от «Ронсона», качнулся и оперся о столик.

Колесо закрутилось. И перед глазами тоже закрутилось. Вышел чет, сумма магически удвоилась.

Он поставил еще. Опять выиграл. Это было началом конца.

Что потом? Ночь. Бляди. Такси.

Заявился в Наср-сити с карманами, распухшими от фунтов.

Заявил товарищам:

— Ай да Климочкин, ай да молодец!

Спьяну все им рассказал.

Последовали донос и товарищеский суд.

Ух и всыпали ему по пятое число! Он улетел первым служебным рейсом.

Спустя время, служа в туркменской Янгадже, уже невыездным, он со слезами вспоминал Каир, «Хилтон» и сладость короткой свободы.

Оболенский

Меня с особистом Хорькиным посылают на поиски какой-то детали для кинопроектора — для показов на Мукаттаме.

Ищем по всем каирским адресам, находим: контора типа Film Studio в переулке рядом с улицей Сулейман-паши, на пятом этаже. И надпись на медном щитке: Vladimir Obolensky.

Он встречается нас с достоинством — старик лет под восемьдесят, высокий, подтянутый, с белоснежными усиками. Совсем не удивлен, что мы говорим по-русски.

Мы стоим в простых египетских аверолях, без знаков различия. Мой плюгавый спутник-особист вертится. Ему неловко.

Оболенский царственным жестом приглашает нас в кабинет. Мы садимся в кресла. На стенах фотографии — молодой Оболенский в форме офицера Деникинской армии, его боевые товарищи, семья.

Оболенский торгуется, хочет получить втулку подешевле.

Оболенский легко уступает: зачем спорить с соотечественниками?

Он здесь с 20-х годов, давно прижился. Дети уехали в Канаду,

собираются все вместе раз в году. От него веет каким-то аристократическим снисхождением, что очень ранит нашу советскую душу.

Выходим на улицу, Хорькин закуривает:

— Вражье отродье! Нашел где окопаться. Сообщу об этом Оболенском куда надо.

Хамсаташар и другие напитки

Отменное бухалово — хамсаташар. Это египетское бренди опалает кадык и быстро течет по жилам. Не представляет опасности для жизни. А со спиртом надо быть осторожнее.

Мой знакомый капитан Сережкин обслуживал эскадрилью «МиГов» на аэродроме «Каиро-Вест». Они с товарищами любили заправляться спиртом непонятного происхождения, который доставали в немеряных количествах. Когда же наступало время трезветь, садились в кабину самолета, надевали кислородную маску и за несколько минут прочищали мозги.

Однако в тот вечер что-то не заладилось. Приволокли спирт, вмазали по стакану, второму, легли подремать. И не проснулись. Никто даже не разбирался, что это был за спирт. Их поместили в цинковые гробы и первым же рейсом отправили на родину.

Похоронили с почестями на военном участке кладбища. Рота пальнула в воздух, взлетели вороны над Николо-хованским, и сослуживцы отправились всем автобусом обмывать смерть героев.

Фантазия

Побывка — фантазия. Это магическое для египтян слово — «фантазия».

Солдат сидит на камне, курит и говорит задумчиво:

— Мистер, у меня завтра фантазия!

А что это значит? А то, что он поедет домой и будет всю неделю лежать в постели с женой. В перерывах макая лепешку в тахину и запивая чаем. Пожевывая травку-стимулятор гыр-гыр.

Демографы подсчитали, что за время пятилетней «войны на истощение» и бесчисленных солдатских фантазий население Египта увеличилось на несколько миллионов.

ЕГИПЕТ: ОБРЫВКИ КАДРОВ

(Каир, март-71)

Гелиополис, пансион «Дахаби». Ночная охота за крысой. Чуть не достал ее шваброй в ванной. Она сидела на бойлере, глядя на меня бешеными красными глазками. Это был момент: кто — кого. В результате она — меня.

(Асуан, апрель-71)

Командный пункт ПВО, планшет во всю стену. Пока солдатики ведут фломастерами желтые трассы «Фантомов», офицеры курят. Тихо комментируют полеты, как футбольный матч.

Внезапная паника: израильские самолеты ускоряются и идут к Асуану. Неужто разбомбят высотную плотину?

Желтые пунктиры бегут по планшету — к югу, потом резко сворачивают к Красному морю.

Пронесло!

Народ рукоплещет.

Все идут курить.

(Асуан, май-71)

КПП в Асуане. Мухи достают. Зовут денщика. Из портативной брызгалки, похожей на огнемёт, он начинает распылять пахнущую сладковатым бензином жидкость. Мухи падают.

Переводчик Рязанцев смотрит на свою «Сейку»: операция по травле мух продолжалась три минуты.

Через полчаса мух опять полно. Надо снова звать денщика.

(Асуан, май-71)

Египетская часть, Сахари-сити. Арабские солдаты спят, обмотав головы полотенцами, выставив босые пятки.

Раздается тонкий писк нубийского комара. Один комар, второй, третий. Спящие ни одной пяткой не пошевелият.

Вопрос: у них что, дубовые пятки, что ли?

Вижу их курносые лица, и еще — слышу их хриплые голоса: полковник Дессуки, лейтенант Баркуки. Не могу больше слушать их безумный, бесконечный разговор о положительном влиянии травки гыр-гыр на потенцию.

Выхожу из КПП: рассвет, песчинки хамсина в лицо и заунывный вой муэдзина.

За барханом можно и помочиться. Лишь бы на змею не наступить. Они тут о каких-то змеях-пятиминутках говорят.

(Каир, июнь-71)

Вилла Насера, Гелиополис. Одинокая женщина что-то кладет в багажник. Рядом стоят два мощных охранника. Одинокий гриф в бреющем полете над Каиром.

Насер умер полгода назад. Неужто здесь витает его беспокойный дух?

(Асуан, аптека, 71-й)

Старый аптекарь-грек:

— Будь осторожен в Египте, сынок! Не пей воду из Нила, не ешь рыбу из Нила. И, главное, не ходи по местным блядям — шармутам. Получишь триппер, сынок. Tu auras la chaude-pisse, mon fils.

(их шаг — не наш шаг!)

Египетские военные. Как они странно по-английски подбегают, подпрыгивают и отдают честь! Не то что наши — печатают прусским шагом. Прусский шаг — лучший в мире. Остальное — несерьезно.

(аэродром «Каиро-Вест», осень 71-го)

Этой ночью спецрейсом из Москвы доставили последнюю модификацию МиГ-21. Самолет стоит, завернутый в маскировочные чехлы, направив нос в сторону Израиля.

— Теперь мы им покажем! — потирает руки египетский генерал.

Пузатые советские советники не могут скрыть радости. Им кажется, что война за Ближний Восток выиграна.

(странное дело)

Осень 71-го, ночной Каир. Мы с Сашей миновали проспект Фуада, вышли на площадь Оперы. По пути опрокинули несколько склянок хамсаташар. В кинотеатре «Опера», потом сгоревшем, смотрим фильм The Strange Affair с Майклом Йорком. Странная история. Про полицейского и проститутку в Лондоне 60-х.

После сеанса выходим на площадь Оперы, затягиваемся «Ротмансом».

До Саши доходит: The Strange Affair — это не странное дело, а дело Стрейнджа.

Я с ним категорически не согласен. Мы долго спорили, но, заглянув в Интернет сорок лет спустя, я выяснил, что он был прав.

ПОЛКОВНИК БАРДИЗИ И ИСХОД ХАБИРОВ (ноябрь 71-го)

Ветры перемен все сильнее дуют над Египтом. Антисоветские настроения в Египте крепчают. Хабиры поговаривают, что за ними следят, что ненавистный Бардизи собирает компромат и готов выложить его в любой момент.

Полковник Бардизи... Его имя нагоняло ужас на русских хабиров. В египетской военной контрразведке он отвечал за безопасность иностранных специалистов. А также контролировал их поведение. У него были сотни внештатных осведомителей в египетских войсках. Думаю, каждый солдатик-шофер докладывал службе Бардизи о спекуляциях хабиров и блядстве их жен.

Бардизи был незримо с нами.

Рассказывая о посещениях недозволенных мест — кабаков, кабаре и казино, переводчики оглядывались:

— Потихе, тут могут быть люди Бардизи!

Ходили слухи о тайных допросах в резиденции Бардизи, о шантаже и пытках.

Сам Бардизи выглядел дружелюбно, наведывался с инспекциями в корпуса Наср-сити, смотрел сладострастно на полные тела хабириш, источавших мускусные ароматы.

Поговаривали, что он позволял себе визиты в их квартиры, когда мужья уезжали на Суэцкий канал. Он ласкал волосатой лапой их белые тела, шептал ласковые слова, делал подарки. Подарком могло быть отселение соседей, перевод на другую квартиру и реже — флакончик египетских духов.

После смерти Насера полковник Бардизи быстро почувствовал антисоветский настрой Садата и усилил работу среди военспецов. Стучать стали больше, пьяных хабиров задерживали чаще, о теневых сделках советских людей стало известно начальству. На этой волне египетское офицерство перестало скрывать презрение к хабирам и начало открыто проявлять симпатию к Западу.

Военная каста, восходящая к мамлюкам, стала новой аристократией Египта. У многих были виллы, федданы земли в Дельте, они носили дорогие часы, отдавали детей в европейские лицеи. Пузатые, невоспитанные, жадные хабиры вызывали у них презрение, официальная коммунистическая идеология отталкивала.

Бардизи считал себя потоком знаменитого мамлюка Осман-бея аль-Бардизи, сражавшегося с Наполеоном и турками.

К антисоветчикам относили и генерала Мубарака, который тогда командовал ВВС.

Их, презиравших советскую скудость, было куда больше, чем друзей СССР. И когда Садат созрел до решения выгнать хабиров, на стол ему положили оперативные донесения Бардизи. Штабеля доносов, где полоскалось хабирское белье.

Речь шла о крупной международной игре, и судьба этих несчастных мало кого интересовала. В июне 72-го было принято решение — выслать.

Паковали чемоданы в траурной обстановке. Многие смахивали слезу: не успели накопить на «Запорожец».

Прощание с Египтом было похоже на бегство.

Бардизи ходил довольный вдоль корпусов Наср-сити, помахивал плетеным стеклом: в его сверкающих солнечных очках отражались силуэты грузящихся хабиров. Богатство и притягательная сила Запада одержали верх над призрачной идеей арабского социализма и дружбы с СССР.

АЛЕКСАНДРИЯ — ЭЛЬ-АЛАМЕЙН

(17 марта 2010-го)

17 марта 2010-го. Мы с немцами едем в Александрию и Эль-Аламейн. Проезжаем Вади-Натрун. Полицейские щелкают фотоаппаратами, подливают себе «Егермайстер».

На всем пути из Каира в Александрию стоят двух-трехметровые башни — шишкообразные, с многочисленными бойницами. Сотни таких башен — вдоль дороги, в полях и рощах.

В 71-м я не обращал на них внимания, но теперь спрашиваю:

— Что это?

Старик Шамс неохотно отвечает:

— Голубятни. Феллахи выращивают голубей и жарят в кипящем масле. Но особенно они любят воробьев, которых ловят сетками в полях. Их косточки аппетитно хрустят на зубах.

Немцы не понимают, о чем мы балакаем на египетском диалекте, продолжают пить «Егермайстер».

Флешбэк: март 71-го, этот же маршрут.

Мы едем на «козлике» в Александрию проверять нефтеналивные установки.

Мой спутник — Александр Иванович, немолодой инженер из Одессы.

Едем по пустынной дороге. Вокруг барханы. Пустыня завораживает.

Помечаю в тетрадке: цистерна — сихрадж, множественное число — сахаридж.

В Александрии мы обходим эти цистерны, Александр Иванович объясняется на пальцах с египтянами, делает на цистернах пометки мелом:

— Вот это — для снабжения советских частей, а это — ваше!

Как обычно — теневая бухгалтерия.

Кюрю поодаль, переводить не хочу.

В Александрии попадаем на советский военный корабль, эсминец «Сторожевой».

Раздеваюсь прямо на пристани и плюхаюсь в Средиземное море — хоть разок искупаться на память.

Нас ведут на корабль и там кормят флотским обедом.

Матросы провожают грустным взглядом, когда мы уходим в город. Они не могут сойти на берег. Но факт есть факт — Советы в Средиземном море!

Заходим с Александром Ивановичем в парк, где лежат эллинистические скульптуры — микс из древнеегипетского и

греческого стилей. Делаю пару фоток. Ничего интересного. Только в голове вертятся слова «сихрадж-сахаридж».

Александрия пуста в этот период «войны на истощение». Туристов нет, кинотеатры крутят фильмы в полупустых залах. Посмотрел какой-то дурацкий военный фильм «Тора-тора-тора»: арабы все время ржали при звуке истерических японских фраз. Особенно их смешил лающий голос адмирала Ямамото.

Потом прошелся по улицам. Я и тогда, и сейчас считаю Александрию менее интересным городом, чем Каир, каким-то эллинистическим, неарабским. Город стоит на косе, как Петербург, что ли. Не знаю, что можно сказать об Александрии, кроме того, что здесь родился Насер, а король Фарук закатывал отменные оргии в своей резиденции «Мунтаза».

Александрия-2010: монстр на отмели, отделен камышами от дельты, высятся жуткие небоскребы, как утюги над песчаной полоской у моря, того гляди обрушатся.

Проехали по набережной: арабской кухни не видно вообще, повсюду американский фаст-фуд. Что алкоголя нет нигде, понятно. Но то, что даже лавки с фулем и таамией запрятаны в боковые улочки, трудно объяснить. От былой роскоши остался лишь парк короля Фарука, где в роще примостилась симпатичная гостиница «Хелнан Филастын». А в целом впечатление тяжелое — упадок средиземноморской цивилизации, и вместо нее непонятно что, как и зачем. Перекошенный и переполненный. Неужели это ты, Египет?

В Александрии запомнился лишь Археологический музей. Экскурсию вел молодой профессор-археолог, явный копт. Он шел впереди нас, гордый потомок фараонов. Форма головы, осанка были другими, чем у нынешних египтян.

Перейдя в раздел исламской культуры, он сказал:

— И это тоже культура, конечно же...

За этим «конечно» скрывалось большое «но». Он понимал превосходство древнеегипетской цивилизации над слишком общедоступным исламом.

Подумалось: «Сколько получает профессор археологии в Александрийском университете? Наверное, сущие копейки, но он служит своим, полузабытым древнеегипетским богам... Он сохраняет память предков в бушующем исламском море».

ЭЛЬ-АЛАМЕЙН

(18 марта 2010-го)

Дорога Александрия — Эль-Аламейн идет вдоль Средиземноморского побережья. Бесконечные ряды кондоминиумов и таунхаузов: на десятки километров — сплошные застройки и ни единого деревца. Новая буржуазия вкладывается в недвижимость. Все побережье — как Рублевка.

И вся эта кирпично-глинобитная масса устремилась к Эль-Аламейну, где военный музей и отличный немецкий воинский мемориал. О нем местные власти искренне заботятся.

Арабы, и мусульмане вообще, любят немцев, но они не любят англичан и американцев. Евреи — особая тема.

Военный музей Эль-Аламейна. Техника 42-го года. Британские, немецкие, итальянские танки и бронемашины. Есть даже танкетки индийской сборки.

Сел за руль немецкой бронемашины.

На ней я и въехал в 1942 год.

Раскаленный воздух пустыни обжиг дыхание.

ИЗ ДНЕВНИКА РЯДОВОГО ШУЛЬЦЕ (июль 42-го)

Наш мотопехотный батальон застрял на подступах к Эль-Аламейну. Как непохоже это на чудесные арабские сказки: в них оазисы с пальмами, где усталых путников ждут покорные верблюды, навьюченные ослики и услужливые погонщики. А у нас вокруг — бесконечная пустыня, барханы и огненный ветер. Лишь сумерки приносят облегчение: мухи успокаиваются, можно лечь на теплую броню и созерцать небосвод. Темная ночь, бездонное небо... Созвездие Большой Медведицы. Сигарета Juno дымится во рту. Германия далеко. А с утра все по новой. Во что я влип, простой немецкий солдат?

Хуже всего — песчаные бури. Хамсин дует не переставая, температура воздуха доходит до шестидесяти градусов. Дальше двух-трех метров ничего не видно. Задует ветер, и боевые действия тут же стихают. От песка нет спасения даже в палатке. Он на зубах, в глазах, в моторах. Второй враг — солнце. К полудню боевые действия прекращаются из-за жары. Мы замеряли: температура в полдень доходит до семидесяти пяти градусов. К металлу невозможно прикоснуться, выстиранная одежда, положенная для просушки на танк, обугливается. На броне мы жарим порошковый омлет.

Наша пища никуда не годится. Хлеб, мясные консервы, сардины в масле и сушеные овощи. Редко — лимон. И так — изо дня в день, из недели в неделю. Мечтаем получить немного свежего мяса, овощей или фруктов. Арабы продают за бессовестную цену пару луковиц или дыню.

Все самое лучшее осталось в тылу — в Бенгази и Триполи. Вода, женщины, прохлада. У итальянцев техника хуже, а снабжение лучше: передовые части обеспечены мобильными борделями, в тылу оборудованы настоящие публичные дома. А нас начальство для релаксации заставляет играть в волейбол.

Один солдат заказал по радио звуки плещущейся воды. Его просьба была выполнена. Поставили сразу после «Лили Марлен». Туалетов нет: мы научились, как арабы, ходить с банкой воды в пустыню.

Питьевая вода: мы добываем ее с трудом из маленьких скважин, которые часами копаем. Это неприятная на вкус, солоноватая вода. Мы заливаем ее в проржавевшие канистры. Пьем в теплом виде. Когда нет воды, умываемся бензином.

Наши организмы сдают. Почти у всех хронический понос.

Иногда хочется сдохнуть. Когда до семидесяти раз в день садишься на корточки, помрачается рассудок. Но более всего со словами «Африка» и «пустыня» у нас ассоциируются мухи. Сотни, тысячи, миллионы мух. Они пожирают нас... Их можно прибить пятьсот, тысячу... но этот ад никогда не кончится. Без мухобойки солдат здесь просто безоружен.

Лежим. Все в шортах. С мухобойкой в руке. Дыхание пустыни. Ощущение мухи, которая ползет по твоей ноге. Мухобойка шлепает по ленивой арабской мухе. Садится новая. Этому нет конца!

И, наконец, техника. Она дохнет в пустыне. Танки выходят из строя: пыль и песок забивают моторы, холмы и барханы ломают гусеницы. За месяц в нашей танке мы сменили три мотора. Грузовики не в лучшем состоянии. То, что мы продолжаем двигаться вперед, заслуга наших водителей и ремонтников. Они совершают чудеса в этой безнадежной ситуации.

А англичане? Сытые англичане сидят в уютных оазисах, им доставляют свежие фрукты, они ходят в город пить пиво и гуляют с девушками.

Одно хорошо: полевая почта поступает исправно. «Юнкерсы» летают сюда с Крита. И местные арабы — они очень милые, любят немцев, мы чувствуем это всегда. В Бенгази я покупал сандалии. Случайно взял два бабуша на левую ногу. Заметил лишь позднее. Так вот, когда я пару месяцев спустя снова попал в Бенгази, араб вспомнил меня и поменял сандалии...

...На этом месте историю рядового Шульце прервал руководитель нашей группы Шамс.

Он сел рядом на скамейке, закурил «Килубатру» и громко закашлялся.

Я сказал ему, что здесь все пропитано германским духом, что Садат пробирался сюда в 42-м, что он был на связи с немцами.

— Ты врешь! — вскрикнул Шамс. — Садат хороший, он истинный мусульманин, он восстановил страну после насеровской разрухи.

— Этот яхраб бейту исламист, он набил себе шишку на лбу, подлый Садат! Авантюрист и оборотень.

Под конец я сказал ему все, что думал:

— Это вы, сволочи-фундаменталисты, сожгли Auberger des Pyramides, а теперь все рветесь в Европу!

Шамс зашелся, стал багровым, начал задыхаться и палкой с железным набалдашником чуть не заехал мне по башке.

Нас еле разняли. Я понял, что надо что-то делать. Хотя до конца поездки оставалось несколько дней, необходимо было принять волевое решение.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В «ДАХАБИ»

(20 марта 2010-го)

Я больше не мог находиться в одной компании с Шамсом. Не мог слышать реплик самодовольных немецких полицейских.

Прошло почти две недели, как я в Египте, но я почти ничего не узнал «про это» — про кризис нравов в современном Египте. Я должен был продолжить полевое исследование, глубже погрузиться в тему. И даже приподнять завесу тайны над самой интимной сферой. Кто-то скажет, что это невозможно. Но мне казалось, что в Каире возможно все.

Хрен с ним, с антропологом Гюнтером, но я пока ничего не выяснил для самого себя.

Ласковое утреннее солнце поднялось над Наср-сити, позолотило стены блочных домов. Заглянуло и в мое окно двенадцатого этажа комплекса «Сити-Старс», где я лежал в постели и обдумывал ситуацию.

В то утро я принял решение остаться. Собрал вещички, спустился на рецепцию, передал записку Шамсу. Написал ему: мол, уважаемый Шамс, обстоятельства складываются таким образом, что я задержусь в Каире. Ни о чем не беспокойтесь и не пытайтесь меня искать.

Вытащил из бумажника тысячу евро и обменял на рецепции отеля. Этой пачки замусоленных фунтов должно хватить на пару недель жизни в Каире.

Вышел из «Сити-Старс».

На улице былолюдно, чирикали воробьи, веселые дядьки жарили шаурму.

Я остановил такси и сказал коротко:

— Рокси.

Если бы я сказал: «Улица Аль-Ахрам», он бы меня не понял: молодые шоферы сегодня уже не знают улиц своей столицы. Через полчаса я был на площади Рокси, в той самой части Гелиополиса, которую запомнил по февралю 71-го.

Включив внутренний компас, пошел по прежнему маршруту. Завернул в первый переулок, затем второй и оказался у пансиона «Дахаби». На доме не было вывески, его перекрасили, и я не сразу узнал место. У двери сидел грузный бауаб, как две капли воды похожий на того самого, из 71-го. Его звали Абу Мухаммад.

— Иззейяк, яа шейх? (Как дела, старче?)

Он ответил.

Завязалась беседа.

— Квартиры здесь сдаются?

Он мгновенно отреагировал на просьбу:

— Квартиру на сутки, для отдыха, и чтобы убирались?

Бауаб быстро позвонил маклеру. Тот связался по мобильнику с владельцем квартиры.

Они без труда договорились по телефону: в Каире маклер обычно получает комиссию, а бауаб — бакшиш.

За тридцать баксов в день мне сдали апартаменты. И бауаб, позвякивая ключами, повел меня в дом.

Вы верите в совпадения? Это была та же квартира, что и в 71-м. Довольно темная и большая, на первом этаже. Мебель практически не менялась.

Разложил вещи. На столик положил диктофон, лэптоп, блокнот, карандаши. Закурил сигариллу, плеснул в бокал виски. Можно ли воссоздать ситуацию? Можно ли повернуть время вспять?

Мне показалось, что на бордюре старого столика накорябано: «ИК — хабир руси». Инициалы моего тогдашнего соседа Игоря. И приписка: «Рух ник уммак» — «трах твою мать!»

Интересно, посетит ли меня ночью ночная шалунья — гелиопольская крыса? Сколько поколений их сменилось за без малого сорок лет? Наверное, больше крысиных поколений, чем людских — за всю историю человечества.

Сел за столик, попытался зафиксировать ощущение.

Набросал посвящение гелиопольской крысе:

«О мерзкое создание, когда ты шевелишь хвостом и чистишь усики на письменном столе, ночная тишь и благодать над этим тихим уголком Каира, Каира, где город солнца — Гелиополис. Но солнца нет, луна над городом. И ты в ее луче. Вещунья. Крыса. Лорелея».

Вышел на улицу и выпил несколько стаканов сверхсладкого чая — суккар зияда — для повышения тонуса. Башка прочистилась, память посвежела.

На обратном пути набрал пакет апельсинов «навелинас» и сожрал все.

ПЕРВАЯ ПТАШКА

(21 марта 2010-го)

Когда возвращался в номер, бауаб как бы невзначай пропел:

— Утро доброе, о смелый чужеземец! Скоро, скоро слетятся пташки.

А потом сказал напрямую:

— Мистер, нужна сейчас служанка? Лязим хадима?

Я улыбнулся, и он принял это за знак согласия.

Ждать пришлось недолго, вскоре пришла она — насурмленная, немолодая, в длинном черном платье.

Мы в квартире. Служанка Фатима расставляет стаканы для виски. Она отвечает за комфорт гостя вплоть до прибытия «настоящей девушки». Готовит опочивальню для любовных утех.

Равномерно работает кондиционер. На столике — виски, бокалы. Заправлен кальян.

Не растягивая время, я приступил к полемому допросу.

Она спокойно отвечает.

— А сколько стоит секс с тобой?

— Пятьдесят фунтов, — отвечает сорокалетняя женщина, приглушая кондиционер.

Это десять долларов.

Фатима одета, как и положено женщине из бедного квартала, в черную галабию.

Она работает служанкой два года, с тех пор как умер муж. Четверо детей. Гордится тем, что может платить за школу.

Она мне объясняет шепотом, как этот бизнес функционирует. Известие о том, что очередная квартира в центре сдается на день или неделю, распространяется среди сутенеров — хаулей. Проститутки слетаются как мухи. Они здесь перемещаются от одной квартиры к другой в течение всего дня. Иногда заказ приходит в пять утра. Последний обход совершается вечером, а ночью заступает более крутая смена.

Социальный уровень этих дам самый разный. Обычно — низкий. Красавице Аише (она пришла днем) двадцать лет, она из бедной семьи в пригороде Эмбаба — оплоте воинствующих исламистов. Пышная прическа, толстый слой косметики, окутана духами: она не очень похожа на девушку из бедного квартала. В отличие от Фатимы, которая не умеет читать и писать, Аиша окончила среднюю школу. Говорит, что искала офисную работу, но здесь за пару дней можно заработать больше, чем секретаршей за месяц.

После ухода Аиши еще долго висело удушливое амбре египетских духов. Я закурил очередную сигариллу.

Написал о встрече.

Интервью меня не полностью устроило. Я не до конца понял, как работает эта система.

Решил поговорить с настоящей бандершей.

СЕКС-ТУРИЗМ В КАИРЕ

Она сидит, пересчитывает фунты. Ум Фарис — третья каирская бандерша: ей под пятьдесят, живет в престижном районе Мухандисин. Чтобы соседи не заподозрили чего, косит под местную неграмотную тетку. Носит черный платок.

Язык народный:

— Завтра вы получите двух девочек, иншалла. За меблированную квартиру придется доплатить. Да облегчит нам Аллах эту задачу!

В Каире начинается туристический сезон, растет спрос на меблированные квартиры со служанкой в придачу. Она, то есть служанка, придет к вам в любой час дня и ночи. Любого стиля, габарита и возраста. Это время, когда халигин — гости из стран Персидского залива — наводняют город в поисках прохлады и развлечений.

Около миллиона таких туристов, в основном саудовцев, приезжает в Каир каждый год. Их число постоянно растет. Немало и кувейтцев — около ста тысяч.

Один из престижных променадов Каира — улица Арабской лиги — полон халигин. Они прогуливаются с женами и детьми, оставляя за собой шлейф дорогих ароматов: французскими духами мужчины поливаются прямо из флакона. В парках развлечений их отпрыски катаются на скутерах, девочки в разноцветных платках визжат при столкновении с ребятами. Пока отцы пьют кофе и курят сигарету за сигаретой, матери ведут бесконечный разговор о шопинге.

Позднее, разместив семью в большой квартире у телевизора, типичный представитель халигин уйдет с друзьями на улицу Пирамид, где они будут сидеть всю ночь в ночных клубах, осыпая долларами танцовщиц.

Их главная забава — секс. Египетские власти закрывают глаза на этот бизнес, он дает стране туристов и валюту. Официально секс-туризма в стране нет.

Однако если вы выйдете на улицу Каср аль-Нил в центре Каира, к вам будут приставать сутенеры и предлагать «мадам». По вечерам в ресторанах над Нилом, за стойками баров сидят соблазнительно одетые одинокие красотки. Вопрос — как всюду и всегда — в цене. Особенно ценятся стройные сомалийки.

Доходит до того, что к визитерам из Эр-Рияда, Джидды и Кувейта, одетым в белоснежные дишдаша, подходят уже в аэропорту и предлагают специально меблированные апартаменты. В тайном бизнесе задействовано столько лиц, что

можно говорить о настоящем министерстве добрых услуг.

Есть и такие дамы, что ради приличия заключают временные контракты на брак с иностранными гостями. В Египте он известен как зауаг аль-урфи и заключается без свидетелей. Позже его без проблем можно расторгнуть. Большинство египетских правоведов осуждают зауаг аль-урфи. Но жизнь есть жизнь.

Гости из Залива приезжают в Египет не только за шармутами, но и за женами: особенно большой спрос на девушек из Эльмансуры, где в свое время квартировали солдаты Наполеона. Среди них попадаются белокожие и светловолосые.

Местные старухи играют здесь роль свах. Они показывают приезжим фотографии и при желании устраивают встречу с глазу на глаз. Если сделка заключена, жених может увезти невесту в Залив хоть на следующее утро.

Пригород Гиза у подножия Пирамид также известен тем, что многие здешние девушки выходят замуж за халигин. Особенно знаменита деревня Хавамдия. В песне поется: «О вы, девушки из Хавамдии: в цветных платках и белых галабиях. Ваши черные глаза очаровали иноземцев: когда они видят вас, то ложатся штабелями у ваших ног».

Справедливости ради надо сказать, что гостей из Персидского залива в Египте не очень любят. Их вызывающие манеры и сексуальная распушенность оскорбляют египтян. На лавках часто можно увидеть надпись: «Мы не обслуживаем саудовцев».

«ЗАУАГ АЛЬ-УРФИ»

Мое внимание привлек «зауаг аль-урфи». Мне показалась, что в этом контракте есть срединная точка человечности, которая позволяет женщине сохранить достоинство, а ребенку — иметь номинального отца.

Еще в Средние века купцы на Ближнем Востоке заключали временный брак «для удовольствия» — мутаа. Путешествующий жил с женщиной короткое время, а потом мулла произносил три раза: «Талака-талака-талака (разведена-разведена-разведена)». На этом брак заканчивался. Такое сожительство считалось предпочтительнее проституции.

В Египте же нынче в ходу «зауаг аль-урфи».

Это как бы половинчатый, гражданский брак. Он не требует большой огласки и также легко расторгается. Достаточно сходить в мэрию и подписать бумажки. А со временем порвать их. Официально таких «зауаг аль-урфи» в Египте заключено около полумиллиона, на самом деле — больше.

Нормальный брак — громадная затея. Необходимо иметь квартиру, одна только свадьба обходится в десяток тысяч долларов, на нее копят годами. А тут — короткая процедура — и все в порядке.

Мне рассказали про одну такую женитьбу.

Ее звали Азиза. Полная египтянка тридцати двух лет, глаза чрезмерно насурмлены, на голове бирюзовый шелковый платок. По европейским меркам некрасивая и толстая. Но на Востоке любят пышность плоти.

История Азизы типична. Она ходила пить чай в полицейский клуб. В Египте полицейские получают небольшую зарплату, и, чтобы их подкормить, правительство создало клубы, где можно практически бесплатно пить чай и кофе, смотреть телевизор. Они проводят там часы, куря кальян и комментируя футбол.

За чашкой чая Азиза познакомилась с Ахмедом — лысоватым низкорослым майором лет пятидесяти. Они общались за столиком два месяца, пока он не предложил ей «зауаг аль-урфи». Азиза согласилась: очень не хотелось оставаться одной.

Ахмед жил в общежитии, его жена и дети — в Александрии, он посылал туда все деньги.

Короче, Ахмед перебрался к Азизе, стал жить с ней как муж. По-русски выражаясь, на халяву. Он очень любил кровати и был разборчив в еде. Лежал в постели, курил, смотрел футбол.

Через полгода Азиза забеременела. Узнав об этом, Ахмед изменился, стал реже приходить, а вскоре исчез. Сказали, он

перевелся в Александрию.

Когда Азиза рожала, в больницу пришла лишь ее мать.

С тех пор прошло три года: маленький Хасан растет, но у него нет отца, как записать ребенка в паспортном столе?

Азизу теперь зовут Ум Хасан — мать Хасана.

Она подала в суд — редкость для Египта — чтобы провести анализ ДНК. По местному закону, если отец три раза не явится на тест, его отцовство будет признано.

Пессимисты не верят в справедливость закона, в то время как оптимисты уповают на прогресс и справедливость...

Гелиополис, шесть вечера. Я вижу ее силуэт в кафе. Она сидит, пьет чай, ее грузное тело налегло на столик. Подумалось: «А кто бы взял ее в жены — просто так? Теперь у нее хотя бы есть ребенок». Женщина зависима, а некрасивая женщина — вдвойне. А разве не те же проблемы одиноких матерей видим мы в России?

ДОМОГАТЕЛЬНОСТЬ ПО-ЕГИПЕТСКИ

Каир, наши дни. Учитель истории, 30-летний грустный египтянин в очках, стоит у перехода на площади Тахрир. Навстречу идут японские туристы — они покинули Египетский музей и направляются в сторону центральной улицы Каср аль-Нил. Японцы идут ровными рядами, увешанные фотоаппаратами и в одинаковых панاماх. Учитель-египтянин мгновенно запал на молодую японку — лет восемнадцати. В темных очках и мини-юбке, она держала алебастровую статуэтку Тутанхамона и грациозно подпрыгивала в кроссовках «Найки».

Ее воздушный образ потряс учителя — он был робкий мечтатель и холостяк в придачу.

Когда японка сравнялась с кромкой тротуара, где стоял мечтатель, он обнял ее и поцеловал в губы. Она не сопротивлялась, лишь белая панاما слетела с головы.

Японка стояла неподвижно. А со всех сторон раздались свист и крики. Разгневанные египтяне скрутили нарушителя правил нравственности и быстро передали шурте — полиции.

Через неделю состоялся суд.

Японка сказала:

— Это мой первый приезд в Каир, и он запечатлелся поцелуем. На родине меня никто не целовал.

К ее мнению не прислушались. А учителя приговорили к восьми годам. Теперь он трудится в каменоломнях под Асуаном, там, где рабы тесали блоки для статуй Аменхотепа.

ПЕРВЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ ПО ТЕМЕ (пансион «Дахаби», 22 марта 2010 г.)

Я сижу за столиком в пансионе «Дахаби» и пытаюсь занести первые наблюдения в ноутбук. Делать обобщения очень трудно.

Насколько архаичен секс в арабо-мусульманском мире? Что пишут русские блоггерши, побывавшие в Хургаде?

Загадочны сексуальные привычки народов мира.

Прекрасны и наивны народные представления египтян о сексе: прославляется мифическая травка гыр-гыр. После приема оной мужчина неистощим в любви, а женщина прячется под рифмующееся слово сарир (кровать). Отмечены также возбуждающие свойства кока-колы, фуля (бобов) и прочих продуктов. Девушки должны обязательно выходить замуж: «Альбанат лязим татагауз». Сожительство без женитьбы это харам — грех.

Но есть и другая сторона, которую не афишируют. Разнузданная половая жизнь гостей Каира. К их услугам не только местные, но и африканские девчонки. Эфиопки и сомалийки.

Они приходят в бары на Замалике поздно вечером. Изящные и стройные в отличие от египтянок. Но и у них — тагмиль. Женское обрезание. Оно очень распространено в Африке. Пожилые египтяне тагмиль хвалят — это хорошо, чтобы не было лишней похоти. По их понятиям, похоть является привилегией мужчины.

Веселая жизнь для мужчин была в Египте всегда. Флобер прибыл в Египет осенью 1849 года. Вместе с другом Максимом Дюканом он искал развлечений.

Дюкан одним из первых делал фотографии Египта, и оба познавали тайны Востока.

Флоберу еще не исполнилось двадцать восемь лет. И для двух молодых холостяков услада чувств была главным интересом. Они посещали танцовщиц и куртизанок при первой же возможности.

В путешествии друзей сопровождал драгоман (толмач) Джузеппе.

Они наняли корабль на Ниле.

В городе Сива друзья посетили шатер куртизанки Кучук Ханем. Здесь было полно жриц любви. Они извивались в сладострастном танце и окуривали гостей благовониями.

Дюкан сразу уединился с Кучук Ханем. Флобер пришел на ее ложе позднее.

Примечательно, что все арабские дамы, а также музыканты пили ракию.

Флобер запомнил, что во время секса с Кучук Ханем ее кольцо врезалось ему в зубы.

Они заснули обнявшись. Во время сна куртизанка похрапывала и покашливала.

Флобер пишет, что это была незабываемая ночь, подарившая ему пять сеансов любви. Минуты первозданной радости, которой он не испытывал в борделях Европы.

Глубокой ночью Флобер вышел на улицу. Над ним ярко сияли звезды. Вокруг все было темно, из шатра Кучук-ханем доносились звуки музыкальных инструментов и женское пение.

Таким Флобер запомнил Египет эротический.

А МОЖЕТ — ЖЕНИТЬСЯ И ПРИНЯТЬ ИСЛАМ?

(25 марта 2010-го)

На пятый день пребывания в пансионе «Дахаби» я подумал: почему бы не остаться здесь навсегда? Почему бы не жениться? Может быть, принять ислам? И закончить дни здесь, в Каире. Заснуть вечным сном на старом мусульманском кладбище.

Жениться на египтянке лет тридцати, с ребенком...

Сидишь, пьешь чай на коврике.

А ребяенок Магды (ее зовут Магда), маленький черноглазый Гамаль, подбежит, дернет за рукав, спросит:

— Баба, йа баба, иззей ас-саха? (папа, папа, как здоровье?)

И на сердце станет теплей. Они здесь больше уважают родителей, чем в Европе.

Конечно, придется подкидывать денюжат родственникам из Дельты. Зато будет весело в большой семье.

Она, конечно, с тагмилем, и страсти от нее ждать не придется. А может, это и лишнее? Зато будет отдаваться в любое время суток, подчиняясь прихоти мужа и господина.

На обед сварганит добротный фуль, овощное рагу. И будешь есть руками, такая лепешку в тахину, пожевывая травку гыр-гыр. А мальчик Гамаль будет держать опахало над твоей лысой головой.

Поужинав, выйду на улицу в просторной белой галабии. Бауаб и все соседи будут дружными возгласами приветствовать меня. Ведь я — богатый чужестранец. Мое немецкое социальное пособие — пятьсот евро в месяц — кажется им фантастическим.

Усядусь в кофейне на углу, закажу шишу (кальян) и кофе «масбут». Хозяин раскурит трубку, поставит кофе. Я начну дымить кальяном, беседуя с другими шейхами.

Мы — самая продвинутая часть Гелиополиса. Никаких искусств и философии. Разговоры — все больше о ценах на бобы и дыни, а также о «войне на истощение» 67-73-го годов...

Время течет незаметно. Обсуждаем прохожих, девушек, проезжающие машины...

И бездумное курение шиши на улице становится одним из главных жизненных занятий.

Под вечер прибегает маленький Гамаль и дергает меня за рукав галабии:

— Йа бую, йа бую, папа, папа, пора домой!

Я возвращаюсь, мы располагаемся на ночь по-арабски: не на кроватях, а на больших тюфяках. В спальнях комнатах.

Снова повторяю ритуал любви: глажу ее плотное, хорошо откормленное, гладко выбритое тело и завершаю ритуал безо всякого внимания к женщине, безо всякого ее участия, как и полагается на мусульманском Востоке. Зато мужское удовольствие полное. А эрекция нестигаема.

Потом она уходит на омовение. Я поворачиваюсь на бок и храплю.

Ставни закрыты. Темно. Даже крысу не увижу, если появится.

И в этом саркофаге я думаю прожить всю оставшуюся жизнь.

В Европе мой выбор, вероятно, сочтут духовным самоубийством. Меня осудят и вскоре забудут. Но я останусь непреклонен.

Я обрету вторую жизнь здесь, в Гелиополисе.

Секрет прост: здесь, в безвременье Востока, нет страха смерти, здесь нет чувства вины, здесь все подчинено воле Аллаха. И здесь отказ от самости и своенравия сладок и приятен.

Единственная нагрузка — общение с родственниками Магды. Их очень много, и когда мы собираемся по праздникам, приходится тереться щеками, чмокаться и обниматься, говорить бесчисленные «йа вахишни (соскучился)». Но это можно стерпеть.

Когда моя душа улетит синеньким дымком на небо, мое бренное тело похоронят по исламскому обычаю: завернут в саван и отнесут на руках на старое кладбище, где я, конечно же, купил себе участок. Похороны пройдут быстро, а потом жена и родственники будут по праздникам приезжать на эту могилу и здесь отмечать мою память сладостями и фруктами.

Такая история случилась со многими европейцами. Точно так же остались жить в Каире солдаты Бонапарта, нацистские военные преступники, заблудшие хиппи и многие другие гяуры. Они приняли ислам и слились с местной общиной.

О СМЯГЧЕНИИ ЗЛЫХ СЕРДЕЦ

Даже в преклонном возрасте этот седовласый, атлетического сложения немец совершал ежедневные многочасовые прогулки по Каиру. Соседи знали его под именем Тарик Хусейн Фарид. Он выходил из второразрядного отеля «Каср аль-мадина» в шумном центре города и шел в направлении мечети Аль-Азхар, где в середине 60-х принял ислам. Дальнейший маршрут вел его к кондитерской «Гроппи» на углу улицы Каср аль-Нил, где он покупал пирожные и шоколадные конфеты для соседских детей, которые звали его дядя Тарик.

Он был страстный фотолюбитель, всегда носил с собой камеру и снимал бытовые сцены. Но никогда не давал себя фотографировать. И неспроста: ведь его настоящее имя — Ариберт Фердинанд Хайм. Он, офицер СС, служил врачом в самых страшных концлагерях, где получил прозвище Доктор Смерть. Он проводил бесчеловечные эксперименты над заключенными, при упоминании о которых леденеет кровь. До начала 60-х он работал врачом в Баден-Бадене, пока его не разоблачили как военного преступника. Он вынужден был бежать.

Ему удалось перебраться на Ближний Восток. Путь его был долог — через Францию, Испанию, Тунис и Ливию — в Египет.

Здесь-то, в Каире, и произошла странная трансформация его сознания. Что-то произошло в душе жесткого и надменного человека. Он подружился с местным человеком, выучил арабский, принял ислам и стал читать Коран.

Он жил одиноко в скромной квартире на седьмом этаже, где часто отключался кондиционер, куда ходил старый трескучий лифт. На стенах он развесил фотографии родных и флажки хоккейной команды, за которую играл в Германии. А душой он все сильнее чувствовал, что настоящая жизнь — здесь.

Доктор Хайм, он же дядя Тарик, близко сдружился с семьей Махмуда, владельца отеля «Каср аль-Мадина». Сын Махмуда, Хусейн, сохранил оставшийся после смерти дяди Тарика портфель с документами и фотографиями.

Утирая слезы, Хусейн говорит:

— Он был мне как отец, он давал мне книжки и много со мной читал.

Это дядя Тарик купил Хусейну ракетки и установил теннисную сетку на крыше отеля. Там до захода солнца он играл с египетской детворой.

В начале 90-х у доктора Хайма обнаружили опухоль, и он вскоре умер. В его завещании значилось — отдать тело для

медицинских целей. Однако мусульманские обычаи предполагают быстрое погребение и запрещают вскрытие.

Махмуд хотел похоронить чужеземца в семейном склепе, на старом кладбище. Он приехал в больницу за умершим, подкупил санитаров, но, когда они выносили покойника, уже на выходе, их остановили.

Наверное, кто-то стукнул в охранку — Мухабарат. Информация легла на стол генерала Бардизи. Того самого Бардизи, что занимался иностранцами в Египте с начала 60-х годов. Бардизи почесал в затылке: «Что делать с этим немцем»? И принял решение: «Уж раз он прибыл безымянным, то и уйдет безымянным. Иначе будет международный скандал».

Тарика Хусейна Фарида похоронили в общей могиле. Его тело и могилу впоследствии не удалось обнаружить: на кладбищах для бедных в Каире могилы перекапываются через несколько лет.

Нет тела, нет останков, нет ДНК, нет могилы. Абсолютная анонимность. Но есть глубина неба и горячий ветер пустыни. Есть сияние солнца и вкус кофе «масбут». Есть чувство вечной и неизменной жизни — здесь и сейчас.

Есть и другие жизни. Другие направления. Одни идут к Аллаху, другие от него. Египетский актер Омар Шариф отказался от теплого каирского междусобойчика и живет холостяком в парижском пансионе. Проникшись западным индивидуализмом, он самозабвенно играет в бридж, завтракает в одиночестве и совершает пешие прогулки по Парижу. Он констатирует с печалью: «Запад подарил мне славу, но он же подарил и одиночество».

Такая же метаморфоза происходит со многими эмигрантами-мусульманами. Злобный перс Амир в Вене, сириец Сабри в Мюнхене, распущенные турецкие девахи в Гамбурге — я видел много подобных. Их рвение к самореализации и свободе велико, очень велико. Их индивидуализм даже сильнее, чем у немцев. Это подлинные манкурты Востока.

Но есть и другие эмигранты-мусульмане. Которые не выдерживают западной жизни и с удвоенной силой возвращаются в русло ислама. Это они толкуются у мечетей в Берлине и Лондоне, это они бросаются на борьбу с ненавистным Западом, который их кормит. Такая вот ломка сознания мусульман в Европе.

А разве европейцы — христиане? Когда-то — да, теперь — унылые и печальные агностики, которые не знают, что ждет их за великой разделяющей чертой.

ГОРОД РАЗВРАТА

Каир слыл городом разврата при солдатах Бонапарта, при мамлюках, при британском протекторате и особенно — в годы Второй мировой. Здесь были размещены десятки тысяч солдат со всей Британской империи. Англичане, австралийцы, новозеландцы, а также поляки, французы и прочие шатались по городу, приставали к женщинам, а по ночам устраивали форменные дебоши.

Количество убийств, изнасилований, пьяных драк и хулиганства было столь велико, что британские военные патрули не успевали ездить на вызовы, равно как и египетские стражи порядка.

Особенно дурную славу приобрели глухие переулки по периметру Каира, куда, по мудрому решению британских оккупационных сил, перенесли бордели и увеселительные заведения. Там творилось невообразимое. Группы интернациональных шармут развлекали «Томми» самыми экзотическими способами. Особенно привилось скотоложество: путаны совокуплялись на сцене с животными, в том числе с ослами.

«Томми» напивались в этих лупанариях, валялись пьяными на улице, откуда их развозили по казармам предприимчивые таксисты.

Многие из солдат находили последний приют в песках у пирамид. Армейские штабисты не знали, что делать со сгинувшими бесследно на окраинах Каира. Обычно писали: «Погиб в бою», иногда: «Погиб при исполнении служебного задания».

Сквозь толщу лет вижу дымящиеся от разврата кварталы у подножия Пирамид: на плоских крышах притонов охранники в галабиях молятся, обратившись лицом в сторону Мекки, а в светящихся окошках мелькают силуэты поношенных шармут. На улице лежат вповалку пьяные «Томми». А над всем этим безобразием витают злые демоны Древнего Египта.

Прошло много лет. Эротическая жизнь Каира ушла в подполье, лишилась космополитического блеска и размаха. Бордели переместились в неприметные виллы с неизменным студентом богословия, подрабатывающим смотрилой. И гости вынуждены довольствоваться остатками былой свободы. А также проявлять бдительность. Ведь исламисты на улицах Каира не шутят.

МАДАМ КУЭЙИС

(декабрь 71-го)

Небезопасен секс в таком городе. Если не знаешь местных традиций. Но молодость и советская беспечность берут свое. К тому же меня одолели мысли о красавице Жаклин из магазина «Колумбия». Я надеялся, что низкопробные радости отвлекут и взбодрят.

В тот вечер, уже сильно подшофе, я вышел в центр Каира. Через плечо — сумка, в ней болталась литровка виски из советского посольства, к которой я регулярно прикладывался. Прошел улицу Фуада. Эффект виски возрастал, а с ним — желание египетского интима.

И тут — толстый, косоглазый, небритый тип.

Подошел ко мне у площади Оперы, спросил:

— Мистер, хочешь мадам?

Я кивнул в ответ.

Он посадил меня в такси, повторяя:

— Мадам гуд, куэйис, факи-факи куэйис, куллю куэйис (все будет хорошо).

Проехали европейские улицы центрального Каира и углубились в предместья. Машин стало меньше, больше ишаков. Вокруг — полуразрушенные глинобитные дома.

Таксист завез меня в какой-то закоулок, остановил машину и сказал:

— Иди за мной, только тихо!

Улица была не освещенной. Мы прокрались, как тени, к дверному проему. По лестнице без перил поднялись на самый верх.

Таксист приоткрыл дверь и толкнул меня в темное пустое помещение.

Стало не по себе: я ожидал увидеть веселую компанию пляшущих под восточную музыку девочек. А тут — пустая комната, куда проникал лишь свет луны. Из обстановки — тюфяк и стул.

Я сказал:

— Ну, мужик, хватит, я пойду.

Но он вцепился в мою руку:

— Мистер, подожди, мадам сейчас будет. Мадам гуд, куэйис!

Когда я развернулся, чтобы уходить, послышались шаги в подъезде.

Косоглазый тип запел:

— Мадам, мадам! Сейчас придет мадам и будет факи-факи! А ты, мистер, дай мне задаток — пять фунтов.

Шаги все ближе. Мой провожатый зажег свечку. Тени, отбрасываемые от нас по стене, были ужасны.

И вот возникла она — большая, смуглая. Громадные груди распирали деревенскую галабию, на лице — платок, но главное не это. На каждом плече у нее сидело по ребенку, третий — болтался за спиной. В ней было нечто горделивое (как у женщин Дельты) и нечто надломленное (как у обитательниц трущоб третьего мира). Я понял, что это жена косоглазого.

Я начал пятиться вдоль стены и вниз.

— Куда ты, мистер?

Но кайф как рукой сняло. Живо представил совокупление — в грязной комнате на циновке, муж и дети за стенкой и ждут, когда мамка принесет им — в подоле бесчестия — десять фунтов.

Я прогромыхал по лестнице, а он цепляется:

— Ну мистер, ну вот же мадам, ну дай хотя бы пять фунтов!

Вот и улица. Швырнул косоглазому пару фунтов и побежал к трассе, где мелькали огоньки ночных машин. За углом удалось найти другое такси, на котором я рванул дальше, в поисках новых приключений.

Угрюмый водитель на просьбу: «Вези к девочкам — банат» — ответил: «Все будет о'кей!»

Однако вместо того, чтобы ехать к центру, мы удалялись от него. Глинобитные домики превратились в сарай, фонари пропали. Мы выехали за город.

На мой вопрос, где же девочки, он ответил:

— Скоро. Скоро ты увидишь девочек — банат. Девочек, мадам, всяких — больших и маленьких, любого размера.

И зловеще рассмеялся.

Мы ехали по пустынной дороге. Тревожно билось сердце. Мутило от алкоголя.

Машина замедлила ход: впереди кучковалась группа мужчин.

Фары осветили их. Странные типы — в пиджаках поверх галабий, в сандалиях и фесках. Поразил оскал щербатых ртов и зазывающие жесты: «Сюда, сюда!» Вспомнил рассказы о несчастных «Томми», которых во время войны завозили за город «к девочкам», душили и закапывали.

Сказал шоферу:

— Стоп, езжай назад!

Он продолжал двигаться вперед, упрямо бормоча:

— Скоро будет мадам. Мадам один, мадам два, мадам три...

Я прижал к его голове бутылку виски и рывкнул:

— Еще минута, и я прибью тебя!

Не доезжая пары метров до этих типов, он выругался, развернул машину и помчался в город.

Бродяги удивленно смотрели нам вслед. Я заставил шофера доехать до Наср-сити, 6, и там, отдав последние пять фунтов, поковылял к себе.

У подъезда, обняв автомат Калашникова, спал египетский солдатик. Я разбудил его, и мы выкурили по «Килубатре», глядя на звездное небо.

Потом я поднялся в квартиру с видом на пустыню и допил виски.

Темная ночь. Бездонное небо.

Позднее знакомый египетский офицер сказал мне:

— Харамия, преступники. Это шпана, подонки, отморозки. Они безжалостны. Они завозили за город и закапывали в песок десятки британских солдат. Их заманивали к девкам и добивали на выезде из Каира.

Лежат где-то рядом кости бедных «Томми»... И эта мысль о смерти безымянной в песке у пирамид поразила меня.

Теперь я думаю — а чем лучше лежать в нашем болотистом, промерзшем грунте? Кому нужны наши останки? Прах к праху. А душу не удержать!

Под впечатлением этого момента я записал историю о молоденьком британском лейтенанте Хобсоне.

ИСТОРИЯ ЛЕЙТЕНАНТА ХОБСОНА

(февраль 42-го)

Эта история начинается ближе к вечеру, когда неспешное зимнее солнце заходит за пирамиды и розовеют пальмовые стволы в офицерском клубе Гезиры...

Бармен Саид подает лейтенанту Хобсону третий джин с тоником.

Лейтенант обмакивает в стакан губы и кончик носа:

— Хорошо!

Лейтенант Берстон поддакивает:

— Отличный джин! Однако, сдается, они его здесь сами производят.

Лейтенант Хобсон живет в Каире уже два месяца, с тех пор, как его перевели ординарцем в генштаб британских войск в Египте. Работа — в Гарден-сити, в самом центре города. А квартируется на вилле в Замалике.

Хобсон — светлорусый, с небольшими рыжеватыми усиками, пухлые губы, зеленые глаза. Но, подобно заправскому колонизатору, ходит с кожаным плетеным стеклом, постегивает себя по гетрам. А иногда может шутя хлестнуть неповоротливого бауаба.

Его друг лейтенант Берстон приехал в Каир из Александрии, где служит в действующей армии. Они окончили одно военное училище, но протекция у Хобсона оказалась выше. Он попал штабистом в Каир, а Берстон — на передовую.

Сегодня они уже наплавались в бассейне, пообедали в итальянском ресторанчике. Хотя почти все итальянские заведения в Египте закрыли, это еще работало.

Они также покатались на лошадях в Гарден-сити, съездили на скачки в Алмазу.

В Европе февраль — зима. А здесь — цветы, запах трав и крепкого кофе.

Здесь Хобсон может забыть угрюмый горняцкий поселок на севере Англии, смог, туман и дождь, и особенно — проклятую карточную систему.

После четырех порций джин-тоника Хобсон предлагает прошвырнуться по Каиру:

— Можно пройтись по Замалику, там есть кафе на улице Вилкокса: отличные девчонки, молодые гречанки, говорят по-английски и менее запуганы, чем их мусульманские ровесницы.

В военной форме они выходят из ворот клуба.

Охранник отдает им честь.

Лейтенант достает фляжку, делает глоток, передает другу:

— Погода восхитительная, не то что в Европе — бр-р...

В баре «Феникс» шумно и весело, много офицеров, солдат и местных девушек. Но хочется чего-то большего.

Хобсон тянет товарища в знаменитый дом Якобяна — там самая известная тусовка золотой молодежи.

Берстон сомневается:

— Послушайте, Хобсон, может, останемся здесь и не пойдем в этот ваш Якобян-хаус... Я знаю, там пісе сотрапу — армянки, гречанки и даже мамаша, которая пристаёт ко всем. Но я бы...

И все-таки они доходят до перекрестка улиц Каср аль-Нил и Сулейман-паши, к дому Якобяна. На старинном громоздком лифте поднимаются на третий этаж и входят в большую буржуазную квартиру.

Здесь все по-восточному аляповато, но это не арабское жильё: здесь живут армянские торговцы.

На софе сидит Мона Якобян: нога на ногу, курит сигарету, вставленную в мундштук.

Приходят гости: поджарый Али, единственный араб-мусульманин среди гостей, пара коптов, но все больше армяне и греки. А также развязные надушенные девушки.

Это декадентский Египет времен короля Фарука. Здесь практикуют групповой секс и смотрят порнофильмы... А война, страдания несчастных феллахов на Ниле, скрежещащие зубами революционеры-националисты, фанатичные братья-мусульмане — все это прожигателей жизни не волнует. Они проводят время в пьянстве и бесконечных разговорах.

Через пару часов Хобсон совсем пьян. Красавица Мона тащит его к себе в комнату на пару слов.

Тут является мамаша Якобян. И Мона дает знак расходиться.

Они выходят на улицу Каср аль-Нил.

Звездное небо над Каиром — куда теперь?

Выпив по глотку из фляжки, решают идти в заведение мадам Бахии. Это в златном районе Каира, ближе к пирамидам. Там много дешевых борделей, в клубах гуляют всю ночь британские солдаты, а на сцене показывают секс-шоу.

И вот они в районе Пирамид. На крылечках сидят помятые шармути и заывают солдат.

Одна из них подбегает к Берстону, срывает фуражку и тащит в комнату. Смущенный лейтенант не может вырваться из цепких рук. На помощь приходит Хобсон. Он стегает девицу стеком и кричит что-то на местном арабском. Она покорно отдает фуражку.

Шатаясь, они входят в лупанарий.

— Откуда у тебя столько денег? — икает Берстон.

— А мы, — машет рукой Хобсон, — мы тут все достаем на черном рынке. Меняем сигареты, чулки и шоколад. И денег хватает, даже остается. Скажу тебе — Каир — это рай. Тут девушки, любые услуги, турецкие бани, выпивка и многое другое. Я живу в Замалике на вилле. Единственный минус — мой дурак-начальник, полковник Роулинг, но это можно стерпеть.

Свист и крики нарастают. Омар, смуглый крестьянин в галабие, выводит на сцену осла. Пританцовывая, на сцену выходит пышнотелая Самира. Говорят, она из племени язычников-огнепоклонников, и законы здешней морали ее не касаются. Самира снимает галабию и становится на четвереньки. Осла подводят к ней.

Солдаты свистят, хлопают в ладоши. Пьяный солдат залезает на сцену, пытается помочь ослу. Его стаскивают.

Хобсон шепчет:

— Мне пора, хочу найти хорошую каирскую шлюху. Пойдешь со мной?

— Нет, я останусь.

Хобсон выходит. Темная ночь. Луна бросает свет на обшарпанные бардачки, на пьяных британских солдат. Он курит, ждет такси, смотрит на большую бледную луну.

Наконец подъезжает залатанный старый «Форд». В нем — кривой небритый водитель.

— Знаешь, где тут заведение поприличнее?

Шофер кивает.

Едут долго. Дорога не освещена, и кажется, что хибары никогда не кончатся.

Их путешествие заканчивается за Каиром. Домов нет, только пустыня.

Шофер выключает мотор, свистит. Из придорожного кустарника выходят подозрительные типы.

Хобсон не понимает в чем дело. Он даже не сопротивляется, когда его бьют дубинкой по голове и волокут в пустыню. Там у него выгребают все из карманов и, еще живого, зарывают.

МЕРТВЫЙ ГОРОД

(Каир, 26 марта 2010 г.)

«Иногда я поднимаюсь на террасу моего дома в коптском квартале, чтобы увидеть первые лучи солнца: они озаряют долину Гелиополиса и склоны Мукаттама, под которым располагается Мертвый город. Это прекрасное зрелище, когда заря понемногу окрашивает купола мечетей и изящные арки могил последних трех халифов, а также султанов, которые правили Египтом с 1000 года».

Так писал Жерар де Нерваль, путешествуя по Египту в 1843 году.

Мертвый город — старое мусульманское кладбище на северной окраине Каира. В 71-м я каждый день проезжал мимо, по пути на Мукаттам, и слышал про него. Что это — безумное, страшное место, где на могилах роется городская беднота, где рыщут бездомные собаки и витает дух усопших. Так ни разу и не решился заехать. А сегодня, когда ехал на такси из Замалика в Гелиополис, предложил шоферу срезать дорогу через Мертвый город.

Это место меня удивило — спокойным, почти ухоженным видом. После страшных хибар в бедных каирских кварталах Мертвый город выглядел вполне прилично. Настоящие аллеи, семейные участки, огороженные каменными заборами... Внутри стоят нормальные арабские дома, в них — гробницы. Во двориках — часовни, башенки для духов. Есть даже настоящие мечети и мавзолеи.

По пятницам родственники приходят на могилы и устраивают пикники.

Хоронят здесь давно — со времен фатимидских халифов.

Не менее шести соток занимает густо заросший участок Даулята Эфенди Мостафы Рияд Паши — богатого негоцианта эпохи хедива Исмаила. Его покой охраняет детина с мушкетом.

Столетиями в Мертвом городе хоронили зажиточных египтян. Однако в последние годы здесь поселились десятки, если не сотни тысяч — бездомных. И выгнать их невозможно. Они сушат на надгробиях белье и сооружают голубятни — себе и соседям на прокорм. Повсюду ходят курицы, деды в галабиях сидят на корточках и пьют кофе.

Заглянул в один дворик: кривая старуха в тюрбане курила кальян, возлежа на погребальной плите. Подмигнула мне единственным глазом.

Сунулся в другой: подростки гоняли шары на новеньком суконном столе, настоящем. Помахали мне киями.

На перекрестке торговец продавал арбузы. Я вылез из машины, взял один и спросил сколько стоит. Он заломил астрономическую цену — около десяти долларов.

Я выругался:

— Яхраб бейтак! Кус уммак! (разграбь твой дом, мать твою так!) Я же — хабир русий. Мы за тебя, блин, проливали кровь. А ты...

Шофер пришел ко мне на помощь, обозвал торговца бандитом и бросил арбуз на землю. Арбуз раскололся, и цвет его мне не понравился.

Мальчишки с любопытством наблюдали: почему пожилой иностранец ругается на местной мове?

А мне было весело.

Мы покинули Мертвый город. Я был приятно удивлен, как здесь спокойно и семейственно. Ухоженные надгробия, играют дети, курят кальяны старики. Извечный египетский оптимизм. И синее небо, где зависли грифы.

Даже здесь жизнь не так страшна, как в наших российских спальных районах, где загажены подъезды, курит во дворах шпана и разносятся пьяные крики. Откуда в России чувство безысходности? Наверное, дело не в бедности, а в климате и психологии.

ЧЬЯ ВЕРА СИЛЬНЕЕ?

(Вади-Натрун, 27 марта 2010 г.)

Побывал в христианском местечке Вади-Натрун, в монастыре Дейр эс-Сурьяни. Коптские монахи в чепчиках. Прихожане оставляют обувь перед церковью. Почти никто не крестится. Женщины подвывают и улюлюкают по-арабски. Молятся лицом к Востоку.

Это монастыри III–IV веков, на пять веков старше Клуни и древнейших европейских аббатств. Здесь можно увидеть истинное восточное христианство, без сложных ритуалов и церковной иерархии. Без напыщенных проповедей и буржуазных подарков на Рождество. Таким оно было, пока европеец не вошел в церковь в сапогах.

Египетские христиане смиреннее и проще. Они не задают лишних вопросов.

Лишь посетив старые коптские монастыри в Вади-Натруне, можно понять изначальное христианство. Это добрая восточная религия. Чуть ближе к ним — православные, намного дальше — католики, и совсем далеко от изначальной идеи христианства — протестанты. Отдаление от первоначального духа — укрепление люциферического начала, звериного индивидуализма западного образца. Протестантизм американского же разлива — де-факто возврат к Ветхому завету. Это они и сами не скрывают.

Первоначальное христианство, каким оно предстает в Вади-Натруне, внешне очень похоже на ислам. Те же округлые шапочки храмов, та же обувь, оставленная у входа, простые беленые стены и восточные рулады женщин. Почти нет икон. Говорят, они сохранили обрезание.

Недавно смотрел фильм Мела Гибсона о страстях Христовых. В фильме говорили на арамейском. Зная арабский, понимал почти все. Поразил гортанный ближневосточный акцент. Это — другое христианство. В нем звучит чисто бедуинская патетика: это мироощущение возможно там, где скалы, звезды и блеянье одинокого барашка. Мы забыли, что христианство, как и ислам, вышло из пустыни, из Востока.

На арамейском (языке Христа) Бог — звучит почти как Аллах, и проповеди — почти как в Коране. Семитский дух и певучая велеречивость. И Иерусалим — ближневосточный город. Европа христианская — это не Палестина Христа. Готические соборы — идея нордическая, структурная, лишь прикрываемая ближневосточным флером. Но кое-что осталось и в европейском

варианте. В христианских церквях поют псалмы, если вслушаться — совсем как муэдзины. Аллилуйя — почти как Ля илейха илля лла.

Кто это сказал? По-моему, Эрнст Юнгер: «Христос был палестинцем». И понимайте его так — буквально! Он был брошенный всеми палестинец, говорил на арамейском, почти арабском диалекте и имел в виду совсем не то, что позже изобразили Ватикан и протестанты. Пророк Иса полатился за свою интифаду.

А ислам? Пронзительно поет муэдзин на рассвете. Мечеть распахнута в четыре утра. И входят в нее те, кто спозаранку идет на работу. Можно ли представить такое в Европе? Факты — упрямая вещь. Затемно, в четыре утра, в Каире они устремляются в мечети, становятся на колени и бьются лбами о пол в утренней молитве.

И в полдень — протяжный вопль муэдзина. И снова — расстилают коврики и молятся. Мечеть еще пользуется доверием. И муллы тоже. А почему? Быть может, сохранили связь с народом, не омертвели сердцем?

Западное человечество идет к закономерному финалу и превращается в сообщество усталых и обреченных одиночек. Но если отречься от мертвящего эгоизма и потребительства, то можно войти в большую умму мусульман и обрести бесстрашие перед лицом смерти.

То, что писал Мухаммад, конечно, нонсенс с точки зрения обыденного разума, но если копнуть поглубже, это супер-откровение, это автоматическое письмо. Чтобы так творить и писать, надо открыться потоку подсознания.

Халед Мохи эд-Дин (марксист, соратник Насера) сказал мне в начале 70-х:

— Читай больше о Мухаммаде. Прочти Максима Родинсона о Мухаммаде. Это был великий сюрреалист, великий вдохновитель. Но его плохо поняли. История Мухаммада более свидетельствует о присутствии Бога среди нас, чем какая-либо другая... но его потомки... пришли к неверным выводам.

А что сказал об исламе Эмманюэль Тодд? Что исламская система семейной спайки ведет к рабству. Их «большая эндогамная семья» не дает развиваться личности. Она уничтожает индивидуальность. И губит женщину.

Может быть, ислам слишком человечен и традиционен, потому и медлит с «прогрессом»?

Говорят, в исламских странах плохое отношение к женщинам. Не знаю. Вопрос спорный. Не менее важно — отношение к старикам и детям. С этим у них все в порядке. Посмотрите на

отношение к детям и старикам в России. И в исламской Чечне.

Как бы они жили без веры, простые египтяне? Такая бедность, такая беспросветность. А они не душат друг друга и даже проявляют доброту сердца. Это — их ислам. Обиженных и угнетенных. Он очищает раздраженные сердца.

Они искренне полагают, что и другие должны перейти в их веру.

В каирском такси шофер, услышав, что я говорю по-арабски, спросил:

— Ты мусульманин?

— Нет, христианин.

— О, я надеюсь, ты обретишь истинную веру!

Но где-то в глубине моей души шевелился скепсис. Там жил маленький советский пионер, который не верил в религиозную пропаганду, в непорочное зачатие и черный камень Каабы. Он верил в пролетарский интернационализм, в жизнь «сейчас и здесь» и в темное, безбрежное пространство космоса. Переубедить этого пионера было очень трудно.

Рядом с пионером в душе советского хабира жил маленький картезианец. Он тоже сомневался. Не мог понять, что такое жизнь, что есть воплощение и развоплощение людей. Откуда берется «я», непонятно откуда взявшаяся точка зрения, и куда уходит? Он склонялся к мысли, что эта индивидуальность, эта точка наблюдения (назовем ее душой) прилеплена к физическому телу, а затем возвращается в свой резервуар. Такую же мысль высказал и Гитлер, кажется, Шпееру, сидя в берлинском бункере, готовясь к самоубийству.

Печальные мысли приходят в Европе. А Ближний Восток вселяет оптимизм! Теплый ветер, солнце.

Хочется сказать:

— Верую, потому что абсурдно и иррационально! Господи, спаси, сохрани и помилуй!

И мы продолжаем полет в пространстве, в звездной пыли, называемой жизнь.

О МНОГОЖЕНСТВЕ

(пансион «Дахаби», 28 марта 2010 г.)

71-й год, Наср-сити, вечер.

Русские офицеры прикалываются к Махмуду, пожилому владельцу кафе, где вечерами они пьют «Стеллу»:

— Махмуд, а сколько у тебя жен?

— Три, — невозмутимо отвечает Махмуд.

— А как ты их всех можешь удовлетворить?

Махмуд целует себе руки, маленький, пузатый:

— Всех жен удовлетворяю, слава Аллаху! В шестьдесят еще стоит. Как всегда помогают травка гыр-гыр, кока-кола, гибна бейда (брынза), фуль судани (арахис), вера в Аллаха и... кое-что еще.

Русские хабиры смеялись, а мне было не смешно. Почему бы и нет?

Что думал Мухаммад, когда вводил институт многоженства? Он думал об одиноких женщинах, о детях-сиротах, о нерастроченной энергии самцов.

Халед Мохи эд-Дин сказал мне когда-то:

— Запомни, дружок. Ислам был изначально религией освобождения, в том числе сексуального. Они хотели каждой женщине дать мужа, отсюда многоженство. Однако это было неправильно понято. Ислам — религия равенства и сексуального раскрепощения — превратился со временем в архаичную структуру, подавляющую секс.

В основе многоженства — идея свободной конкуренции: за секс надо сражаться! Нищему не достается женщина, он будет прозябать и мастурбировать. А человек удачливый сможет содержать нескольких жен и воспитывать многих детей.

Сдается, для России эта система актуальна: если ты пьяница и бездельник, нечего рожать детей, отягощенных генетически и материально. А если ты мужик нормальный, имей хоть двух-трех жен. Когда первая жена стареет, на подмогу приходит молодая. Это непростой психологический баланс: мужчина должен соблюдать принцип справедливости — не обижать вниманием ни одну из жен и детей.

В Каире я наблюдал, как дружно играют в саду дети от разных жен. Это было трогательно. Мама сидели за вязаньем и весело болтали. Дети строили большую башню из кубиков. А отец умильно глядел на них с балкона.

История Ахмада и Хасана — она могла случиться и в X, и в

XX веке.

История Ахмада и Хасана, двух красивых, сильных мальчиков. От разных жен. Купец Аль-хишмани любил их беззаветно. Когда они выросли, пошли на войну. В бою Ахмад прикрыл грудью Хасана. Оба погибли.

Аль-хишмани сказал:

— Аллах так любил их, что призвал к себе обоих. И матери их ходят теперь вдвоем на могилу братьев.

У арабов — общество мужчин. Женщина, родившая мальчика, повышает свой статус и становится матерью воина: Ум Фарис, Ум Мухаммад, Ум Хосни. Все жены, родившие мальчиков, в почете.

На основе исламского права и исторической практики правоведы определили условия, при которых возможно заключение нового, повторного, брака.

К ним относятся:

— бесплодие или неспособность первой супруги к деторождению;

— условия военного или послевоенного времени, когда число незамужних женщин и вдов превосходит число мужчин;

— физиологические особенности мужчины (сексуальная гиперактивность при условии достаточного материального обеспечения двух или нескольких семей).

Иначе создается почва для прелюбодеяния, которое есть великий грех перед Богом и семьей.

Все три условия для России сейчас актуальны. Российские реалии можно приравнять к военным. Мужчин в истонном смысле мало — значителен процент пьяниц и импотентов. Немногие здоровые и имущие должны взять под свою опеку больше женщин. На практике так оно и выходит. Надо только узаконить это.

О чем говорят такие традиции? Уважайте право мужчины на секс, уважайте право женщины на семью. Делайте все, но в разумных пределах. Лучше узаконить многоженство, чем жить в разврате.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

(пансион «Дахаби», 1 апреля 2010 г.)

Я никудышный антрополог, но кое-что вижу. Выскажу это свое видение уважаемому профессору Гюнтеру в Мюнхене.

Когда мы говорим о русских и арабах, американцах и турках, речь идет не о разных менталитетах, а о разных физиологических типах. Их биохимический состав определяет их мышление.

Тела западной девушки и русской — лишь формально идентичны. Тело западной девушки меня не возбуждает. Физиологический состав западного человека вообще другой. Вкус голландского помидора никогда не будет вкусом помидора кубанского.

Если китайцы считают, что белые по чисто физиологическим причинам не способны достичь истинного просветления, то что считаем мы? Почему мы принимаем за машин американцев? И наоборот. Они принимают за машин нас и удивляются, что русские матери тоже плачут.

Люди — мыслеформы, которые постоянно меняются. Меняется мысль, меняется состав крови, меняется смысл каждого в отдельности и всей семьи. Эти процессы носят не только антропологический, но и биохимический характер, и лишь частично поддаются контролю правящих элит.

Пожилые китайцы, отведавшие виагры, не вернутся к толченым пенисам тигров. А ведь когда-то лучшим средством от эректильной дисфункции считалось именно это. Плюс толченые пенисы морских котиков.

Почему китайцы кажутся мне мертвыми? Только потому, что они принадлежат к другой цивилизации? Или процесс омертвения зашел у них дальше? А персы или негры мертвыми мне не кажутся.

И все же насколько теплее народы Ближнего Востока. Говорят, у них много ужаса, у них грязные подъезды и разбитые мостовые, у них не убирают мусор на улицах, бегают бездомные псы и пристают нищие. Это все правда, но там же — великая любовь к старикам и детям, чувство сострадания к родственникам и соплеменникам. У них живые пронизательные глаза, а на Западе стеклянные, отрешенные очи смотрят сквозь тебя так, что взвыть хочется.

ЗАЛОЖНИКИ СИТУАЦИЙ

(пансион «Дахаби», 4 апреля 2010 г.)

Уважаемый профессор Гюнтер! Мне кажется, что люди — заложники не только антропологических кластеров. Они также заложники идеологий, времени, ситуаций и собственных фантазий.

Не подтвержденные наукой факты, которые стоит проверить:

— среди англичан больше геев — то ли в силу генетического сдвига, то ли вследствие воспитания мальчиков в закрытых учебных заведениях;

— китайцы находятся в 15-м, самом низком воплощении среди людей, эзотерики утверждают, что нынешних китайцев не стоит путать с китайцами, что жили три тысячи лет назад;

— евреи-ашкенази — самые умные среди ныне живущих людей, это объясняют особенностями естественного отбора в зоне оседлости, то есть в районе польско-белорусской границы;

— у янки — широкие бедра — вследствие потребления маиса и пасленовых культур;

— у русских больной монгольский ген, отвечающий за реакцию на алкоголь, быстрое опьянение и слабая психика; может быть, обращение в ислам и запрет на алкоголь помогли бы спасти русский народ?

— у негров член длиннее; может быть, это объясняется близостью к матери-природе? И наоборот, маленькие члены китайцев — продукт эволюции?

— у хохлов, так они сами говорят, есть особый витамин Ю, который объясняет их легендарную живучесть; говорит ли это о пользе сала?

Подобные вопросы можно задавать до бесконечности.

ЯЗЫК И НРАВЫ

(пансион «Дахаби», 7 апреля 2010 г.)

— Уахишни йа уахишни! (соскучилась!) — голосит кто-то из репродуктора.

— Хабибии-хабибии (любимый), — отвечает другой голос.

Я любил арабский язык. Есть в нем патетика, что ли. Недаром на нем наговорен Коран — он весь в устном, велеречивом звучании. Да и уличная египетская мова — любопытна, похожа на украинскую. На ней хорошо шутить и говорить о девках, хотя серьезные вещи выражать невозможно.

При встрече египтяне уморительно трутся щеками, приговаривая:

— Уахишни йа уахишни! (о, как я соскучился!)

Когда видишь свежевыбритого, необходимо сказать:

— На-иман (ты свеженький).

В ответ:

— На-амта Алла (тебя освежил Аллах).

Если он чихнул, ты говоришь:

— Алла ярхамак (да смилостивится над тобой Аллах).

Но — не «Ярхамак Алла» (это об усопшем).

Они обязательно полощут рот после обеда. И пальцами за деснами шныряют, и мылом промывают. Утерлись, помолились и пошли. Чистоплотный народ египтяне!

Простые солдаты — берут консервную банку с водой и айда в пустыню — совершать туалет. При отсутствии воды сгодится песок. Я никогда не ощущал запаха пота или несвежего белья от здешнего простого народа.

Изречения — банальны и смешны: «Девушки должны выходить замуж (аль-банат лязим татагауз)». Стереотип: самые красивые девушки в Дельте, в Эль-Мансуре. Там квартировали солдаты Наполеона.

Иностранцы — все без исключения хауаги (чурки). На рынке про меня: «Чего хочет этот хауага?» Я грозно топаю на него. Он пятаится: «Мистер хороший, мистер не хауага!»

Продавец апельсинов расписывает преимущества женского обрезания:

— Тагмиль — вещь необходимая! (Хага лязим.)

Он поцеловал себе обе руки:

— Это здорово! У нее будет меньше похоти! А ты пристройшься к ней поудобнее и имеешь в свое удовольствие!

Что можно возразить?

ЕЩЕ МОМЕНТЫ

Сочи, конец апреля 1986 года, цэковский санаторий им. Фрунзе.

Я сопровождаю как переводчик старого египетского коммуниста Хамади.

Он вдыхает запах кавказских магнолий:

— Скажи Агарышеву, референту ЦК, пускай дадут мне работу, я друг вашей страны. Хочу сидеть на даче в Сочи и переводить марксистскую литературу на арабский язык. Буду стараться. А то семью в Каире невозможно содержать.

Неожиданно он хлестнул меня веточкой по причинному месту:

— Как твой Горбачев, еще стоит?

Я сжался, ничего не ответил. Египетское хамство. Еле сдержался, чтобы не дать ему в морду.

Утром был Чернобыль.

За завтраком под села хмурая переводчица с английского и спросила:

— Вы ничего не слышали? Радиоактивное облако идет на Сочи.

Хамади весело рассмеялся.

Египтяне как дети, разве можно на них обижаться?

Каир, март 2010-го. По городу нас водит гид Самир — ухоженный сорокалетний копт в европейском костюме с галстуком. Я говорю «копт», потому что увидел у него на запястье наколотый крестик. В остальном он такой же египтянин, как и все, — ласковый, любящий тереться щечкой и чрезвычайно услужливый.

Когда всю группу немецких туристов загнали в мечеть на Цитадели, я побрезговал, так как вспомнил, что туда надо идти босиком вслед за сотнями людей. Мы с Самиром остались снаружи, закурили на лавочке.

Я спросил Самира, не видел ли он знаменитый в эпоху Насера египетский фильм «Цитадель героев»? Он засмеялся смехом-колокольчиком, погладил меня по руке:

— Вы же знаете вкусы Насера, он любил военно-патриотические фильмы. И этот вот фильм — «Цитадель героев» — занимал особое место в его фильмотеке.

Да, подумал я, — совсем как «Взятие Берлина» на полке Сталина. Или «Освобождение» для Брежнева. Это была эпоха героических постановок. Что примечательно, сегодня гламур совершенно вытеснил и в Египте, и в России военно-

патриотическую тему. Одна неправда вытеснила другую.

Интересная тема для культуролога.

Российская культура сегодня максимально приближена к египетской: понимайте это буквально.

КУДА ИДЕТ ЕГИПЕТ?

(пансион «Дахаби», 8 апреля 2010 г.)

Да никуда он не идет! Что в 2010-м, что в 1971-м, что в 1942-м. Та же мелкобуржуазная пошлость.

Буржуазия на Замалике. Закормленный мальчик в Каире. Мама потчевала его пирожными с кока-колой и причитала... Ах, мой бедненький жирненький Гамаль!

Сволочи! Прожрали дельту Нила. Нету на вас джанджавидов!

Жалкие египетские интеллигенты. Болтуны никчемные, пустобрехи, проводят жизнь в кафе и непрерывных бла-бла-бла. Несчастные феллахи копаются в арыках. А эти, блин, сидят и травят баланду. Вырождение некогда великого Египта.

Воистину, народы достойны своей участи. Ни нам, ни им не вырваться из антропологических клещей.

Что поделаешь? Они такие вот, беспечные, но они по-своему счастливы и умирают спокойно, мир их праху! К тому же их наплодилось очень много. Средиземное море губят миазмы сверхпопуляций: Александрии, Алжира, Стамбула и Афин.

Колониальный блеск в центре Каира потух. Некогда великолепная улица имени Сулеймана-паши Французского (ныне Талаат Харб) — утоптана миллионами бедных шлепанцев. Знаменитое в прошлом кафе «Гроппи» — полупустая кондитерская, где продают банальные пирожные.

Никакого буржуазного шика.

Ничего не осталось от блистательного Каира 40-50-х.

Не осталось и патриотов. Я помню египетских левых. Таких как Халед Мохи эд-Дин. Сейчас их нет. Нормальное критическое мышление исчезает повсеместно — на Ближнем Востоке, в России и Европе. Наступила эпоха торжествующей пошлости и суеверий.

Мир идет в сторону исламизма, консьюмеризма и полной утраты исторической памяти.

Умны ли египтяне? Сложный вопрос. Они очень милы, некоторые представители элиты даже неглупы. Но на уровне массовых представлений господствует потрясающая упрощенность мысли — типа «купи-продай» и «иншалла».

Что показательно, египетские фильмы недалеко ушли от жизни.

Диалоги и психология персонажей поражают идиотизмом, впрочем, весьма близким к реальности:

— Ну когда я выйду замуж, мама?

— Подожди, Мона, мы еще не скопили достаточно денег!

- А ведь я скоро окончу университет и что тогда?
- А ты ходишь за ручку с Гамалем?
- Да, мы ходим за ручку с Гамалем.
- Смотри, не опозорь меня, дочка!

Меня иногда охватывало отчаяние: мне казалось, что в этой стране ничего никогда не изменится, чиновники будут брать взятки, интеллигенция будет рассуждать о благозвучных глупостях, а бесправные низы за чашкой чая шутить на тему замужества. Неизменным бытием Египет очень похож на Россию.

Вывод: египетский уклад, как и русский, построен на неравенстве, коллективизме и светлой вере в завтрашний день.

То, что произошло в Каире год спустя, в феврале 2011 года, казалось, опровергло эти выводы. Бунт горожан, внезапный и свирепый, смел фараона Мубарака. Но что потом? Я вспомнил: такие бунты случались в Египте регулярно, и после них все возвращалось на круги своя. А разве не то же самое происходило в России после каждой революции? Большая разница в одном: сегодня Россия умирает от нехватки людей, Египет — от их избытка. Какой вид смерти вы предпочитаете?

ПРОЩАНИЕ С ГЕЛИОПОЛИСОМ

(8 апреля 2010 г.)

Устал от писанины, вышел из пансиона «Дахаби». Бауаб привычно вытянулся в стойку, отдал честь. Угостил его сигаретой и углубился в улочки Гелиополиса. Хотелось посмотреть, что стало с кинотеатрами, где мы, советские переводчики, проводили долгие вечера в 71-м.

Кино — особая традиция Каира: в 40-е здесь появились десятки кинотеатров, как крытых, так и под открытым небом. Сперва — для британских военных, потом — для египетского среднего класса. Среди них — «Норманди» и «Палас» в Гелиополисе, «Метро» и «Радио» на улице Сулейман-паши. В открытых кинотеатрах было привольно — зрители сидели на скамейках, курили, пили турецкий кофе «масбут», бедуинский чай, пиво «Стелла». Услужливые разносчики приносили орешки — фуль судани.

Показывали обычно два фильма в один сеанс, и за четыре часа сидения под теплым небом можно было крепко налакаться бренди.

Мы чаще всего смотрели кино в Гелиополисе. До центра надо было добираться на такси — за полтора фунта. Автобусы и прочие транспортные средства были исключены — из-за давки и страха быть обворованным. Для сравнения: билет в кино стоил пятнадцать пиастров, хороший сэндвич с кофтой — пятнадцать пиастров, хамсаташар — пятнадцать пиастров. А до Гелиополиса из Наср-сити, 6 на трамвае билет стоил не более пяти пиастров.

В гелиопольских кинотеатрах «Палас» и «Норманди» мы посмотрели в пьяной эйфории всю массовую кинопродукцию 60-х. Но там показывали и приличные фильмы: «Сатирикон» Феллини, «Забриски Пойнт» Антониони.

39 лет спустя я не узнал этих мест. Вот старый кинотеатр «Палас», заколоченный фанерой, в самом конце улицы Аль-Ахрам.

Мы с Сашей смотрели здесь «Бассейн» в 71-м — под открытым небом.

Между рядов пробежали лотошники, вопя: «Семито-чипс».

Мурлыкала реклама стирального порошка «Рапсо», Ален Делон хлестал Роми Шнайдер, а Морис Роне захлебывался в бассейне.

Запрокинув голову, мы поглощали из фляжки бренди «Дюжарден». Затягивались «Килубатрой», запивали фантой.

В сортире было не протолкнуться: у стенки стояли рядами

местные молодые люди и неистово мастурбировали. По-арабски — взбивали мыло. Так впечатлила их задница Роми Шнайдер.

Апрель 2010-го. Мы ведем репортаж с улиц Гелиополиса. Камера направляется вправо, влево... Мы слышим неровные приближающиеся шаги. Тень строителя Гелиополиса, бельгийского барона Дэмпена витает где-то рядом. Повторяю: мы слышим эти звуки. Они все ближе. Хочется засунуть голову под мышку.

Вы слышите?

Прекратите перепевочки, черпайте из бездны, не воскрешайте фантомы прошлого!

Это говорю вам я, стареющий советский переводчик.

Напротив заколоченного кинотеатра «Палас» — академия Генштаба в мавританском стиле. У стены спит в обнимку с «калашниковым» египетский солдатик.

Ушел последний трамвай на Наср-сити с остановки «Муаллимин».

Иду назад — к перекрестку улицы Аль-Ахрам и площади Рокси, туда, где собирались вечерами советские переводчики. Хвастались «Ронсонами», «Ориентами» и «Паркерами». Все изменилось! Исчез Restaurant de Familles, где старый грек с трясущимися руками подавал тарелки со спагетти. Исчезли лавки, где торговали дисками.

Это уже не тот Гелиополис, по которому стайками шлелись русские хабиры, пили хамсаташар, разглядывали часы в витринах.

Сегодня здесь так же шумно. Но все другое.

Новая египетская публика. Средний класс. Девки с голыми пупками и в шелковых косынках.

Одинокий, по-прежнему пустой, стоит индийский замок барона Дэмпена. Почему так млели при виде его русские хабиры? Наверное, эклектическим стилем он напоминал им избушку на курьих ножках.

Бедняги, они тут были исторически недолго — какие-то три года — с 69-го по 71-й. Насер их позвал, Садат выгнал. И вернулись они в постылую советскую жизнь.

Короче, я так и не нашел того Каира. Это не тот Каир. Не тот Гелиополис.

Нечего искать! Нечего! Духи, тени русских хабиров испарились. Теперь здесь другая жизнь. В одну воду дважды не вступишь.

Пора уезжать из Египта.

Что я и сделал. Упаковал чемоданчик, тепло попрощался с баубабом и поехал в аэропорт.

Перед глазами в последний раз промелькнули белые виллы Гелиополиса, утыканные спутниковыми антеннами корпуса Насрсити.

ТЕРМАЛЬНЫЙ СИНДРОМ

Осенью 2010 года я писал в Карлсбаде концовку этой истории.

Остановился на окраине очаровательного парка Дворжака в отеле «Термаль» — угрюмом здании времен социализма, где на пятнадцатом этаже за своим маленьким «Макинтошем» уныло долбал по клавиатуре. Пальцы привыкли с юности к тяжелым металлическим клавишам машинки «Континенталь», а тут — вялые пластиковые пуговицы, которые прогибались под наработанными ударами железного века.

Я спускался периодически в столовую и там накладывал себе салаты, кнедлики и прочую хурду-бурду. Кормили по-чешски — жирно и безвкусно.

В хмурый ноябрьский сезон публика была неинтересной — все больше русские немцы. Раздавались возгласы «шайсе» и обсуждались цены на бензин.

Приехавшие из соседней Германии бывшие трактористы с женами пользовались дешевизной зимнего лечения.

Воспоминания о Каире давались натужно. Серая пелена стлалась над горами. Настроение было не очень творческое. Со времени той поездки в Египет прошло без малого сорок лет.

В «Термале» было десятка два арабов — из Египта, Ливана и Эмиратов. Среди них — много тучных юношей: они волокли свои двухсоткилограммовые туши, смотрели на мир грустными глазами и вздыхали. Это были последствия сверхсладкого чая суккар зияда, пирожных из «Гроппи», лепешек баляди, фуля и всего их бестолкового питания с засильем крахмально-углеводных соединений.

Были также пожилые ливанки и египтянки. Приехали лечить женские болезни, да и просто отдохнуть. Болтали по-арабски, переходили на французский. Им было скучно, мужчин по арабскому обычаю рядом не было. По вечерам арабки курили в холле сигареты, пили кофе, раскладывали карты.

Мне показалось, что среди арабских дам сидит Жаклин, с которой я прослушивал диски в магазине «Колумбия» на улице Сулейман-паши. Она, конечно, не узнала меня. Но я чувствовал, что это она. Или — почти она. Какая разница? Седая, раздобревшая, в очках, она вместе с другими египтянками своего возраста сидела в холле отеля «Термаль», курила сигарету за сигаретой и несла какую-то чушь на французском языке.

Ее судьба читалась как на ладони: вышла замуж по уговору родителей, родила двоих-троих детей, мужа не любила никогда,

сидела дома, пока муж вел малый бизнес, ходила по воскресеньям в коптский или греческий храм, летом выезжала с детьми в Александрию, пару раз была в Париже, читала детям популярную литературу на французском, выдала дочь замуж, похоронила мужа и вот теперь с подругами по зимней скидке приезжает в Чехию на воды.

Бедная Жаклин, ты ли это?

Меня так испугал ее новый облик, что я прятался, стоило ей появиться в холле «Термаля».

Однажды встречи избежать не удалось.

Я сидел в лечебном павильоне в ожидании грязевой процедуры, когда с талончиком явилась она. Нас разделяло два стула, но это расстояние было больше вечности.

К счастью, она меня не узнала. А может, это была не она?

Подошла ее подруга. Они стали обсуждать проблемы здоровья на французском языке.

Мужчины-арабы сидели в «Термале» безвылазно, проводили время в болтовне, в клубах дыма. В рассуждениях — где лучше обменять деньги. А при возможности — потрахаться на дармовщину. И где в Европе дешевле купить мобильник «Айфон». Ржали, курили, и это длилось часами.

«Тоска, тоска, тоска... Арабы не меняются в последние века», — подумал я. У них нет драйва, нет мобилизации воли и целеустремленности. Они все еще пребывают в спячке. Да, Насер и Ясир Арафат были просто гении. Это — их Ленины.

Проклятая неизменность бытия! Египет особенно показателен — царство бюрократии со времен фараонов, государство полицейских, ленивых интеллигентов и покорных низов.

Вспомнил арестованных бомжей на площади Тахрир, мрачные тюрьмы-калабуши, где быют палками по пяткам, насиluent и издеваются, кормят похлебкой с тараканами. А домашнее рабство женщин? Непрерывные роды, бесправные девочки, которым делают тагмиль. И — несмотря на ужас бытия — вечно сияющая улыбка феллахов — под сигарету и глоток горячего чая.

Что уж говорить про Россию! Здесь антропологический кластер еще жестче, еще безнадежней. И ничего изменить нельзя. Коррупция, бесправие, бедность.

Так что же делать?

Наверное, прислушаться к прописной истине: не верь, не бойся, не проси! Жить по своему закону. Не верить книгам и проповедникам. Верить собственному экзистенциальному чутью и опыту классовой борьбы. А если что-то и брать из книг, то перепроверять.

Доверие — главная проблема современности. Нас так долго и последовательно обманывали, что правда стала труднодоступной. Сегодня лживы почти все системы представлений. Все понятия — надуманны.

Мы должны действовать так, будто раньше ничего не было. Заново изобрести мир. Отсечь исторические и семейные кармы и грузы. Выбраться из-под завалов.

Наверное, в этом и была одна из главных идей христианства, а потом ислама — преобразиться, стать новым человеком.

ПРОЩАНИЕ С КАИРОМ

(февраль 72-го)

Каир начала 71-го был светлым, солнечным. А под конец командировки год спустя все было шквалистым, пасмурным и даже дождливым. И что вовсе необычно для Египта, затопило дорогу, которая вела из Наср-сити в «Гюши». Машины застряли по всей окружной дороге, стало размывать постройки на старом кладбище, где селилась беднота.

Друг Саша уехал 20 января 72-го, а я оставался в Каире еще месяц. Под порывами ветра бродил в переулках Гелиополиса, подолгу торчал у букинистов, купил Стайнера «Достоевский или Толстой». Думал, что ждет меня в Москве.

Перед отъездом из Каира купил египетские замшевые коричневые ботинки за два с половиной фунта, синие дешевые джинсы «Клонарис» за четыре или пять фунтов, джинсовую куртку, тоже «Клонарис», и почувствовал себя упакованным. Для информации: «Клонарис» — ливанская подделка американских джинсов, дешевка. Настоящие замшевые английские ботинки стоили в Каире двадцать фунтов, почти как «Сейко». Про настоящие «Левисы» и говорить не приходилось. Купил полдюжины белых трусов: в Москве продавались лишь семейные.

Но главным приобретением стал духовой пистолет, из которого я расстрелял пластинки в музыкальной лавке Гелиополиса. Пробовал стрелять по голубям на крыше Наср-сити — с сомнительным успехом: эти твари постоянно увертывались.

В феврале 72-го чуть не взорвался, сжигая перед отъездом в ванной западную прессу. По недосмотру обложил кипами газет здоровенный баллон с газом, которым нагревалась вода. Испугался, когда пламя взметнулось до потолка, убежал на балкон и там ждал взрыва, но обошлось. Вернулся: по всей квартире летали обгорелые обрывки газет. Баллон нагрелся, но выстоял.

На вылете, в каирском тэкс-фри шопе купил пластинки Ху, Хендрикса и «Роллинг Стоунз», спрятал в брючине духовой пистолет и нож с выпрыгивающим лезвием. Тогда это прокатывало!

ЕЩЕ О КАИРЕ

(последняя страничка из дневника 72-го)

Февраль. В Каире меняется погода. По ночам свистят ветра, правда, теплые. По утрам сыро: обильная роса и туман, который солнце разгоняет за час.

Днем пью чай на балконе, перед глазами — бескрайняя пустыня. В руках — западный журнал или книга.

Далеко к горизонту уходит зеленая полоса, стиснутая с двух сторон песками. Где-то за горизонтом она переходит в дельту и впадает вместе с Нилом в Средиземное море.

Ночью вижу все тот же яркий небосвод, яркость которого, однако, сильно преувеличена поэтами и путешественниками.

Мои покупательные способности — сорок фунтов, или около ста сертификатов в месяц. Это не так много, но и не так мало.

Перед отлетом проверил список подарков — родственникам и друзьям. Остался доволен.

Вот этот список.

Отцу — египетскую пижаму (от кожаного пиджака он отказался).

Матери — золотой набор с александритом, а также серебряный с бирюзой.

Бабушке — золотую монету на зубы.

Брату — недорогие швейцарские часы.

Девушкам — золотые сережки.

У засушенного крокодила, которого привез из Асуана, нашел в пасти гусеницу, решил с ним расстаться. Выбросил в пустыню с девятого этажа. От нечего делать пошел плавать.

В бассейне Гелиополиса зимой мало народу, вода чистая и прохладная. На лужайке сидят несколько стариков из местной аристократии, занимаются йогой. Худые дряблые тела. Закладывают ногу за голову, болтают чушь по-французски.

Я лениво понырял, потом полистал журнал. Без друзей-переводчиков здесь скучно.

С опаской думаю о проблемах, которые ждут меня в Москве.

Иду в кино.

В каждом кинотеатре есть партер — дешевые места, где плюют, горланят, кладут ноги на стулья. Балкон дороже и публика воспитанней. А еще лучше ложа, которую мы обычно занимали с Сашей. Пока пили бренди «Дюжарден», разносчики

приносили арахис (фуль судани). В паузах между фильмами идет занудная реклама стирального порошка «Рапсо».

У египтян все то же беззаботное настроение — с резкими перепадами от брани к лобзанию. Уже привык к местным аксакалам в галабиях, скрюченным калекам-нищим и спесивым усатым рожам в «Мерседесах».

Короче, мне надоело нилиться. Пора в Москву.

В МОСКВЕ

(февраль 72-го)

Когда я выходил из «Шереметьево», складной нож раскрылся у меня в замшевом ботинке и вонзился в ногу. Я еле сдержал стон и, хромая, вышел на улицу: там стоял мой друг Саша, в шубе до пят, растопыбив пальцы с золотым агатовым перстнем, дыша перегаром.

Саша за это время успел купить в «Березке» шубу из искусственного волка, которую мы окрестили лупосом, а также шапку из нерпы, потерять невесту Таню и познакомиться с Наташей.

Что касается духового пистолета, из которого я стрелял голубей в Гелиополисе и который благополучно перевез через границу, то его через пару месяцев стырил у меня сосед Нартай.

В Москве я получил немного сертификатов с желтой полосой. В «Березке» купил светлые нейлоновые брюки. В них хорошо было приседать.

На заработанные брежневские рубли купил радиолу «Эстония» — за четыреста двадцать рублей. Это была колоссальная цена — за самый лучший советский продукт. Стереосистема позволяла слушать диски, которых у меня было целых десять. Богатство! Ху, Хендрикс, Easy Rider, Саймон и Гарфункел, «Роллинг Стоунз».

Купил фотоаппарат «Зенит» и начал снимать жанровые сцены на улицах.

Меня понесло.

Я обклеил стены своей комнаты вырезками из западных журналов, слушал рок-музыку и спаивал девушек коктейлями убийственной силы.

На самой большой фотографии Хрущев комично сидел на корточках и грозил кому-то пальцем. Думаю, эта фотка была одной из причин моих дальнейших проблем.

Но обо всем по порядку.

МАРИНА

(март 72-го)

Тогда же, вернувшись из Египта, я повстречал Марину. Странное, короткое знакомство, нарушившее привычный ход жизни.

Я хотел стать дипломатом или журналистом-международником, а в результате оказался на обочине советской жизни.

Это было началом большой любви, наверное, самого сильного чувства, которое я испытал в те годы.

Чем она меня взяла? Открытой, раскрепощенной сексуальностью, сдержанной печалью и ощущением обреченности — своей личной и наших отношений. Она была не такая, как все до тех пор.

Вскоре выяснилось, чем именно она была не такая. Она была блядью, и, можно даже сказать, центральной проституткой. Явление тогда малоизученное.

Жила в Люберцах, в пятиэтажке, с пьющей матерью и отчимом-армянином, который совратил ее, когда ей было пятнадцать. По отчиму была и фамилия — Талалян.

Еще там была — дворовая компания, люберецкая шпана. И бесчисленные соития на полянах, в подворотнях, под платформами вокзалов.

Ей было восемнадцать, и она занималась «этим» три года.

Приезжала в Москву, поджидала иностранцев у интуристовских отелей. Что не мешало ей спать с фарцовщиками и членами той особой теневой тусовки, которая созревала в недрах углубляющегося брежневского маразма.

— Я кончала университет по минетам, — говорила она с неловкой улыбкой.

Рассказала, как в центре Москвы охотилась на итальянцев, французов, финнов.

— Но лучше всех бундеса, — затянулась она «Явой», — они больше всех платят.

Она то и дело произносила: «батник», «Левис», «самострок», «капуста».

А я внимал зачарованно. Это был другой, пугающий и манящий мир.

Она рассказала, как Жора-фарцовщик взял на хранение ее шмотки и продал их. Она осталась без запасов одежды. Пропало все богатство — две пары джинсов, три батника, кружевное белье

и итальянские сапожки. Хуже всего, однако, потеря косметики. Без мешочка с косметикой она чувствует себя неполноценной. Какой-то недоделанной.

В ту ночь она выпила две бутылки «Солнцедара», заводила одну и ту же пластинку раз пятьдесят и настойчиво повторяла, что так жить нельзя, что лучше умереть.

Все повторяла и повторяла:

— Так жить нельзя.

К сожалению, я не мог помочь ей деньгами. Я был студентом на предпоследнем курсе и почти все египетские накопления потратил на радиолу «Эстония».

Жизнь в совке была скудна. У меня была одна пара импортных чешских ботинок, я носил джинсы «Клонарис» из Египта, демисезонное венгерское пальто и шапку из лапок песка, которой было лет десять. Лучшим моим аксессуаром были часы «Сейко» за двадцать три египетских фунта с граненым кристаллическим стеклом. Марина стала приходить почти каждый день и удивляла новыми сексуальными фантазиями.

Выпив вермута, она заставляла ставить одну и ту же песню — «Миссис Робертсон» Саймона и Гарфункела. И когда эта песня звучала десятый или пятнадцатый раз подряд, мне начинало казаться, что я схожу с ума. Она же при словах «миссис Робертсон» впадала в транс и просила подлить вина.

Наш роман длился месяц, а может, два. Она была блядью, и что с того? Это не умаляло моего чувства.

Пару раз она намекала, что ей нужны деньги, что ее в очередной раз обворовали. Но я действительно ничего не мог ей дать.

В глубине души я понимал, что такая ситуация не может длиться долго. Что она никогда не уйдет с панели.

Потом ее забрали в милицию. Завели какое-то дело о центровых фарцовщиках и проститутках.

Тогда я не придавал этому значения. Но позже, став невыездным, подумал: «А вдруг причина в ней»? Может быть, она рассказала ментам что-то обо мне, и они направили информацию в наш Первый отдел. И тогда, получается, меня заложил не сокурсник, мстительный хохол Фесенко, а моя любимая Марина.

Мы продолжали встречаться.

Когда она выпивала второй коктейль, у нее начинался алкогольный бред.

Хотелось заткнуть уши и перенестись назад — в солнечный Каир. Иногда даже мелькала мысль: «Зачем я с ней связался?»

А за окном лежала слабоосвещенная Москва, редкие авто катились по Ленинградскому проспекту. Мы курили «Родопи»,

пили венгерский вермут. Сигареты «Марлборо» и виски «Джонни Уокер» оставались недоступной мечтой, равно как и прочие атрибуты «сладкой жизни».

Было в ней что-то домашнее, несмотря на распутность.

Помню, позвонил Марине в Люберцы. Это было в разгар романа. Удивился, что застал дома.

На вопрос: «Что делаешь?» ответила:

— Жарю маме котлеты.

Представил эту банальную сцену и чуть не прослезился.

Что-то должно было произойти.

И оно случилось.

В июне меня забрали на армейские сборы. Всех студентов привезли под Ковров во Владимирской области.

Жили в палатках, стреляли до одурения, ходили маршем в плохо намотанных портянках, жрали частичку в томатном соусе и им же блевали у столовой. Ночами в палатке пели Битлз и Саймона.

Самое интересное было то, что Марина писала мне. Я получил несколько писем полевой почтой. Она писала о любви, о том, что ждет меня, скучает и думает о нашем будущем.

Она писала наивным почерком семиклассницы о том, как проходят ее беспечные дни, и под конец: «Целую тебя, мой милый мальчик»!

Тогда впервые фальшь ее интонации резанула меня.

И голос — трусливый голос разума — поднялся из самой глубинной извилины левого мозгового полушария и, отстранив стонущее сердце, произнес:

— Ну что же ты делаешь, чудака? Ты же погибнешь. И твоя карьера полетит под откос. Ты не станешь дипломатом, ты не поедешь за границу: с волчьим билетом в кармане будешь обивать пороги провинциальных школ. А эта девка бросит тебя при первой возможности. Что ты есть супротив бундесов и прочей фирмы? Даже не можешь дать ей того же, что центральной фарцовщик Жора... Не можешь купить колготки и оплатить такси до Люберец...

И я принял трусливое решение: «Рву!»

Я вернулся из лагерей в конце июля 1972 года. Над Москвой висела дымовая завеса: горели Шатурские болота. Фотография, где вместе с друзьями Сашей и Сергеем я стою в задымленном Шебашевском тупике, до сих пор где-то лежит у меня.

Я встретил ее на Пушкинской площади. Она подлетела, веселая и разгоряченная (из кафе «Лира»), и попыталась чмокнуть меня.

Я, отстранив ее, произнес:

— Нам надо расстаться. На это есть причины.

Она поникла. Видимо, ожидала удара.

И сказала очень спокойно:

— Вот так всегда. Выходит, это судьба.

И попросила:

— Я у подруги живу, на Бронной. Ты проводи меня, мы там расстанемся.

Молча спустились по Малой Бронной, повернули направо и там, во дворе старого трехэтажного дома, обнялись в последний раз.

Над нами — ночное небо, темное, почти без звезд. Лето 72-го. Какая бездонная советская бездна!

Сидим на скамейке, держась за руки. Потом, не сговариваясь, встаем и расходимся.

Когда я шел назад к Пушкинской, чувствовал громадную грусть, но и великое облегчение: «Прощай, Марина!»

В последний раз увидел ее в сентябре того же года. Увидел из-за занавески черной «Волги», которая везла меня в аэропорт «Внуково». Я сопровождал видного арабского гостя, переводил ему в ЦК КПСС и Комитете солидарности с народами Азии и Африки. Мы говорили о славном будущем советского народа и о том, что наша страна — надежда всех трудящихся мира. Что если бы не война — мы уже были бы первыми и т. д.

Недалеко от «Внуково» — рощица берез, тронутых сентябрьской желтизной. А вдоль опушки, у обочины шоссе, шла она, и с ней за руку — невысокий юноша в джинсах и кепке, по виду — итальянец. Я сразу узнал Марину и без труда определил ситуацию: наверное, она нашла его в зале ожидания аэропорта и предложила свои услуги.

Торговались они, видимо, недолго, и вот — направились в рощицу.

Эх, Марина...

БОТКИНСКАЯ БОЛЬНИЦА

(апрель 73-го)

Боткинская больница, глухая ночь. Храп соседа по койке.
Что это? Почему я здесь?

Да-да, я заболел желтухой. Меня кладут с температурой под сорок, с пожелтевшими склерами, а я все думаю: «Где мой Египет? Как идет оформление?» Документы отправлены в «Десятку», жду приказа. Расчет таков: в июне сдаю последние выпускные экзамены и еду в Египет на два года лейтенантом, опять-таки военным переводчиком. Понятно, что основная группа советников разогнана, но все же в Египте остались русские хабиры — в ракетных, авиачастях. Они готовят страну к ближайшей войне с Израилем, и с ними — переводчики.

Думаю так: пробуду там два года, покайфую в Наср-сити, на повышенной зарплате, и, посвежевший, в двадцать пять лет вернусь в Москву: начну работать в МИДе или какой-нибудь другой конторе с загранвыездами, конечно же, вступлю в партию — и будет прекрасная, спокойная жизнь, которой нет конца, как нет конца брежневской эпохе, как не видно конца всей этой стабильности.

Придя в себя, набравши двушек, спустился к телефону-автомату, позвонил в Главпур, в «Десятку», где трубку взяла кадровичка Альбина Петровна.

Я почувствовал, что голос ее стал чужим.

Она отвечала равнодушно, даже раздраженно:

— Пока решения нет, пока не готово, ждите.

Решил ждать.

В больнице кормили кашей и безвкусными тефтелями.

Периодически больные вскрикивали:

— Луноход!

В палату вкатывался на колесах котел с баландой.

Через неделю я совсем изголодался. Когда мать принесла вареного цыпленка, я смолотил его почти с костями.

На тумбочке лежала книга Жана и Симоны Лакутю «Египет в движении», а также биография Насера пера Энтони Наттинга. Я все еще мнил себя перспективным арабистом и только что завершил написание дипломной работы о Насере, где, наверное, одним из первых в СССР ввел в обращение термин «харизматическая личность».

За две недели, что был в больнице, увидел много любопытных персонажей. В одной палате со мной лежал ханыга с

гигантским вздувшимся брюхом, моча не выходила. Соседи бились об заклад, что он скоро умрет.

Однако прошло два дня, и врачам удалось пробить его пузырь.

Он бесконечно мочился в утку. Ругался, рассказывал про жизнь на помойках и в подворотнях. А вскоре попросил выпить. Никто не верил, что он посмеет, пока знакомая пьянчужка не передала ему бутылку портвейна. Он даже предложил глотнуть товарищам по палате.

Был там рабочий с горчично-зеленым лицом. Сам он считал, что у него гепатит. Был весел и красочно рассказывал, как лихо трахался в 40-е, совсем еще подростком. По две-три бабы за ночь: стране не хватало мужской ласки. И как у него здорово стояло и т. д. и т. п.

Но кто-то шепнул, что не гепатит у него, а злокачественная опухоль. Это означало скорый путь к дымящейся трубе крематория — на задах больницы. Этот советский *sic transit* был самым мрачным из всех транзитов: в безрадостной стране, под хмурым небом, в тотальное небытие.

По радио без конца крутили песню Тухманова «Мой адрес — Советский Союз».

А на соседней койке появился кудрявый, смуглый, веселый — молодой иракский коммунист Али. Что у него там было, не помню. Но точно не гепатит.

Мы с ним пошли курить.

Он рассказал свою историю: всех его родственников в Ираке убили баасисты: кого выкинули из окна, кого сшибли машиной, кого просто поставили к стенке. Он скрывался от них в Курдистане, Сирии и теперь — в Советском Союзе.

Али все время созванивался с русскими девочками. Они приходили под окна больницы. Все как на подбор — красавицы, блондинки. Он часами говорил с ними по телефону. В глухом 73-м году Али был для них реальным женихом с перспективой смотаться за границу.

Мы много говорили о политике.

Али обвинял меня и руководство КПСС в том, что мы разваливаем страну, в том, что мы предаем идеалы коммунизма, не можем наладить жизнь, компрометируем коммунистов мира:

— Ну почему бы вам не организовать доставку кока-колы на дом? Ну почему бы не обеспечить нормальное снабжение в городах?

Что я мог ответить ретивому пацану? Что достаточно заглянуть в Краснопресненский райком, взглядеться в портреты Политбюро или прогуляться по коридорам военкоматов, дабы

почувствовать мертвящий партийный дух. Или взглянуть в глаза полковнику Мосоликову в ГУКе. Какая на хрен кока-кола!

НЕВЫЕЗДНОЙ

(апрель 73-го)

К концу второй недели кадровичка в Главпуре сказала мне со всей прямоотой:

— Прошу вас, не звоните так часто! Мы сообщим вам сами.

Сердце екнуло: я понял, что поездка в Египет зависла. Что я, вероятно, вообще никуда не поеду.

В начале мая я вышел из Боткинской на Беговую. Звенели трамваи, прояснялось небо после хмурой зимы, а указательные знаки моей судьбы разворачивались в другую сторону.

Когда я пришел в университет, мне в кадрах попросту сказали:

— Нужда в твоей поездке отпала.

— А что же мне делать? Ведь все ребята уже распределены.

— Мы этим займемся!

Через две недели мне сообщили, что я распределен в «Воентехиниздат». Это был шок, от которого я долго не мог оправиться. Вместо поездок за границу, вместо работы в МИДе, АПН, ТАССе или других престижных организациях меня ссылали в жуткую дыру. Находилась она где-то на Красносельской. Основной контингент издательства составляли невыездные офицеры-арабисты. Там, в дореволюционном купеческом доме, за забором с колючей проволокой и часовыми у дверей, они сидели в зарешеченных помещениях, переводили документацию на танки, самолеты, перископы и прочую технику, которая в гигантских объемах шла в арабские страны.

Это стало для меня началом совсем другой жизни.

Попытки узнать причину невыездного статуса ничего не дали. Но пожилая кадровичка с моего факультета дала понять, что было решение органов, что, очевидно, меня сочли неблагонадежным, что, может быть, была анонимка.

— Зависть бывает не только светлая, — загадочно сказала она.

Настала тусклая, беспросветная жизнь. Это состояние трудно описать. Ватное непроницаемое небо, переполненные автобусы и черная грязь на улицах. Вопиющее убожество магазинов, угрюмые лица, ритуалы советской задушевности, от которой корбило. Совок — мир навыворот, страшное подполье, в котором мы сбились в кучу — как крысы. Однако самое страшное, что из этой зоны нельзя сбежать. Мы все были невыездными.

Казалось, нереальная Москва 70-х никогда не кончится.

Черное небо над столицей. Хрустит снежок.

Я невыездной, получаю сто сорок рублей в месяц, меня не любят девушки... Этот мир безвыходен, он плотен и непроницаем, как само брежневское время. Оно не кончится никогда. Ничего не происходит.

Меня охватывает депрессия.

Что делать?

В библиотеке читаю эзотерическую литературу. Засыпаю, склонившись над раскрытой книгой Успенского. Просыпаюсь, иду в курилку: пытаюсь кадриться к аспиранткам. Ничего не получается.

Иду в магазин на углу, покупаю водку и напиваюсь.

С тех пор не выношу кислый, резкий привкус водки. До сих пор живо страшное чувство утреннего похмелья, изжоги. Когда я впервые хлебнул виски в Каире, это было открытие другого напитка: мягкий вкус солода, легкое опьянение, не переходящее в похмелье. Виски стало ассоциироваться со свободой.

После Египта все шло по наклонной плоскости. Часы «Ориент» я продал в 78-м, золотую цепочку с медальоном тоже. Невыездной и обнищавший, я не видел выхода.

Обуяла дистония. Особенно плохо я чувствовал себя в апреле, когда московских служащих выгоняли на первые субботники и весенние испарения колыхались над столицей.

Нас ведут на субботник. Ночь на овощной Краснопресненской базе. Майн либер херр Готт!

За границу поехал не скоро. Лишь в конце 80-го отцу удалось пробить мне недельную турпоездку в ГДР. Там, сидя в апартамент-хаузе на углу Фридрихштрассе и Унтер-ден-Линден, я увидел в окно сияющее небо над Западным Берлином. До этого Запада было каких-то пятьсот метров, но я не мог их пересечь. И точно знал, что никогда не смогу. Это было вдвойне мучительно.

По западногерманскому телеканалу бодро передавали последние новости, показывали какие-то фильмы с Софи Лорен, какие-то интервью со знаменитостями. А чувство отрезанности от цивилизации глодало душу. Чтобы компенсировать это, пошел в недорогой гэдээровский магазин и купил сувениры для москвичей: чайники со свистком, пластиковые чашки, свечи и прочую белиберду.

И, когда шел по ночному Восточному Берлину, вдыхая особый воздух советской зоны, насыщенный гарью торфяных каминов, чувствовал кожей, что здесь проходит мощная вольтова дуга холодной войны — столкновение двух мегасистем.

В самом конце Унтер-ден-Линден уже был восстановлен памятник Фридриху Великому, закопанный в конце войны. Это

событие описывалось как победа либералов в окружении Хонеккера. Но сама система казалась неизменной — и вечной.

А по-настоящему выездным я стал в мае 85-го, после прихода к власти Горбачева, когда чуть разжались стальные челюсти выездных отделов ГБ, когда я женился, у меня родилась дочка, и они решили, что я не сбегу, что не предам великий Советский Союз. И тогда я вылетел с дирекцией Института Африки в Гамбург и другие города Западной Германии.

Командировочные в размере семьдесят немецких марок показались мне фантастической суммой.

Однако я был уже не тот: со времени поездки в Египет прошло почти четырнадцать лет. 70-е годы, время после Египта, я запомнил как длинный, томительный, дурной сон.

В сорок лет, пользуясь хаосом и разбродом перестройки, я очутился на Западе. Уже в Германии я встречал египтян, которые, вырвавшись из своего, как им казалось, исламского гетто, вели себя развязанно, орали на всю улицу.

Тогда я подходил к ним и обращался на египетской мове:

— А ну-ка прикрой пасть, собака!

Они выкатывали в ужасе глаза: ведь это говорил им бюргер, человек скорее немецкой наружности. Откуда им было знать, что под темно-синим плащом-лодемом билось сердце советского переводчика, который норовил, как и некогда в Египте, поставить египтянина на место.

Лишь один раз я увидел эмигранта из Египта, который правильно смотрел на вещи.

95-й год. Этот египтянин стоял на рецепции маленького отеля во Франкфурте, в квартале «красных фонарей».

Он посмотрел на меня, разговорился, признал своим и дружески предупредил:

— Не теряй свою душу в Германии! Ведь ты же хабир русий, не то что эти отмороженные западники.

И, покачав головой, поправив очки, добавил:

— Распад Советского Союза — это величайшая катастрофа XX века. Зачем, зачем вы это сделали? Ведь вы подвели и бросили нас — народы Африки и Азии!

Крыть было нечем: я пожал ему руку и вышел на улицу.

САША — ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ

Весна 73-го, Сашу вызывают в 1-й отдел ИСАА при МГУ. Там сидит полковник КГБ Чудиков.

Он вежливо предлагает сесть и с ходу предлагает:

— А вы не хотели бы с нами сотрудничать?

Саша напрягается.

Но Чудиков обрисовывает ему перспективы:

— Вот вы отслужите сейчас два года в Египте или Ираке, а потом мы распределим вас в «Оборонэкспорт». Там и оклад хороший, и квартиру дадут.

Саша молчит. И это молчание принимается за согласие.

Полковник назначает ему очередную встречу и провожает до двери.

Саша вышел задумчивым, его пленили расписанные миражи.

Мы выпили по бутылке «Цимлянского розового» во двореике МГУ, и я вцепился ему в руку:

— Саша, милый, не иди служить в КГБ!

Зачем я так говорил? Наверное, еще действовало вложенное отцом паническое неприятие этой службы. Самое интересное, что под моим напором Саша отказался. Да, он согласился два года спустя, уже вернувшись из Египта. Но к тому времени мое влияние на него стало минимальным.

И надо сказать, органы отнеслись к нему по-отечески: много раз спасали во время запоев, закрывали глаза на выходки и вообще защищали от произвола армейского начальства в структурах, где Саша работал с 1976 года и до самой смерти.

Он сам рассказывал, как во время запоев и прогулов, особенно частых после развода в начале 80-х, его куратор звонил ему домой, приходил, умолял одуматься и не давал сойти с круга.

На самом деле Саше было совершенно наплевать, куда он пойдет служить — в КГБ, МВД, армию, партийный аппарат или куда-то еще. Советская система была лишь декорацией, к которой он не имел внутренней причастности. Его жизнь шла по инерции, и он ничего не хотел менять.

В 73-м году Саша женился в первый раз — на девушке Наташе (но это уже не та любовь, что к Тане). Родился сын. Саша прослужил два года в Египте, потом пошел работать в «Оборонэкспорт», где принимал арабских военных эмиссаров и заключал с ними контракты. Ничто не предвещало резких перекосов судьбы.

После июля 73-го я видел его редко.

Вспышки памяти:

Февраль 74-го, Саша приехал в отпуск из Египта. Нагруженные портвейном и водкой, мы едем по Киевской дороге в район Апрелевки, ищем дачу друга Сергея. Здесь нам предстоит «черный уик — энд».

Добрались затемно по сугробам, с трудом отпираем обледеневшие замки. Растопили печь, накрыли стол. И начали пить водку. Заедая ломтями полтавской колбасы. Под звуки песни Пола Маккартни Wild life. Animals in the Zoo.

Сквозь черные, запорошенные снегом ели светит луна. Где мы, в какой стране? Эта мелодия проигрывалась десятки раз, короткий зимний вечер прошел незаметно, а к десяти мы были совсем пьяны.

Саша пошел протоптывать дорожку в снегу. Босиком.

Он ходил вокруг дома, приговаривая:

— Дикая жизнь! Wild life. Animals in the Zoo!

Я стал затаскивать Сашу в дом.

Зываю к его разуму, а он в ответ шипит:

— Ну ты дойчовый какой, все хочешь разложить по полкам! А жизнь — она нереальна...

С большим трудом удалось уложить Сашу в кровать. Он бился в ознобе, что-то мычал, стонал. В норму его привела лишь очередная порция водки.

На занесенной снегом даче, когда я отпаивал окоченевшего Сашу, и состоялся этот разговор.

— Что с тобой, старик? Ты же сопьешься!

— А мне все пофигу. Я готов умереть.

— Но у тебя все в норме. Ты женат, вы ждете ребенка.

— Я не могу, все опостылело. И это чувство невозможно передать. Мне страшно.

Быть может, то был алкогольный бред, а может, экзистенциальный кризис, как в сартровской «Тошноте». Кто знает?

Мы грелись у печки на деревянной даче. Снег, черные стволы деревьев и мутная луна над головой.

Что есть наша жизнь? И есть ли перспектива?

Я намекнул Саше, что нынешнее безвременье закончится, что Брежнев когда-нибудь умрет.

— А если Брежнев умрет, что изменится? Ненавижу их всех, — бормотал Саша. — Бровастых полковников, прилизанных чекистов... Ненавижу министерских чиновников с портфелями. Мне все это остоебло.

Я видел, что он хотел быть вольным, как птица, и вместе с группой хиппи сидеть где-нибудь в Калифорнии или Марракеше, медитировать, курить гашиш и слушать Рави Шанкара. Он просто

ненавидел вот эту конкретную жизнь в СССР. С ежедневной лямкой обязательств, враньем и тяжестью постоянного похмелья.

Он ненавидел дух советской убогости. Но не только. Он не мог жить в мире, где больше не было девушки Тани, где нельзя было оставаться вечно молодым, искренним и пьяным. Мне показалось, он просто не любил вот эту жизнь. Ему не нравилось быть воплощенным на Земле. Ему хотелось жить в виртуале, астрале, называйте как угодно. И он упорно шел к цели.

САША — ЗАВЕРШЕНИЕ ИСТОРИИ

Багдад, 1982 год. Саша сидит в представительстве «Оборонэкспорта». Семья улетела на каникулы в Москву. Арабские визитеры ушли.

Саше скучно.

Он достает бутылку виски, наполняет стакан. Глаза наливаются кровью.

Он ставит диск «Пинк Флойд», слушает надрывное мяуканье гитар, выходит в соседнюю комнату.

Там сидит секретарша. Ирине двадцать три года, ее по благу направили с курсов МИДа в Багдад. Она симпатичная, модная, надушенная, а на пальчиках ног — великолепный алый педикюр.

Саша приглашает ее послушать «Пинк Флойд», наливает джин с тоником.

Ирина пьет, закуривает. Она современная чувиха.

Саша приглашает ее на танец и начинает целовать. Ирина отвечает на его ласки.

Они перемещаются на диван.

Ирина исполняет все его фантазии, и Саша теряет голову.

Он говорит:

— Развожусь с женой, женюсь на Ирине.

Звонит иракский генерал Керим. Сообщает радостную новость: Саддам закупает очередную партию советского оружия. Саша с папкой едет к генералу: обмен рукопожатиями, генерал дарит Саше «Ролекс». Часы высшего класса, но главное не это: Саша возвращается в Москву как победитель.

По приезде Саша немедленно развелся и поселился у родителей на Смоленской площади, в старой двухкомнатной квартире.

Выгнал сестру из своей бывшей детской комнаты, на видном месте поставил магнитофон «Шарп», привезенный из Кувейта. Это гигантская квадрифоническая установка, каких нет в Москве. Она светится огоньками, эффектно раскатывает звук по комнатке. Любимые композиции — «Пинк Флойд» и Род Стюарт.

Звучит песня Passion, закольцованный абсолютный ритм.

Саша ходит в красном бархатном халате, в феске, на шее много цепочек, на пальцах — золотые перстни. Он курит нон-стоп, пускает дым колечками и говорит о прекрасных сосках юных дам.

В его горящих глазах — категорическое неприятие внешнего мира, однако в поступках — доходящий до юродства конформизм.

Вскоре он сыграл свадьбу с Ириной и переехал к ней.

Наступает 83-й. У Саши все в относительном порядке. Организм еще держится, хотя запои случаются чаще и длятся все дольше. Ирина требует развода.

— Развод так развод, — бормочет Саша...

Он снова у родителей на Смоленке.

Запой учащаются.

Когда Саша не выходит на работу, ему звонит куратор из КГБ и уговаривает взяться за ум. Саша обещает. Но все бесполезно.

Потом — сплошная агония. Саша женился в третий раз: жена, милая русская женщина, родила ему двоих детей, но он мало занимался семьей.

В 90-е стал замначальника департамента, но это его не вдохновляло. Выходя из «Росвооружения», он плюхался в черный представительский лимузин, останавливал машину у киоска и загружал портфель банками «Навигатора» — крепленого голландского пива.

Дома наскоро ужинал с семьей, запирался в кабинете и до глубокой ночи сидел за компьютером, поглощая одну банку пива за другой и прикуривая сигарету от сигареты.

Он растолстел до ста тридцати килограммов, отпустил длинные волосы и вставил серьгу в ухо. Как его терпели на работе, не знаю.

Но за экраном компьютера он оставался молодым: мысль его была легкой и изящной, фантазия, как всегда, смелой. В виртуале он был не Саша, а ЗаМ.

ПОСЛЕДНИЕ ВСТРЕЧИ

В предпоследний раз мы увиделись в Праге, году в 99-м. Он приехал ко мне с женой, раздобревший и нездоровый. Когда он ходил по дому в халате, я увидел его красные, распухшие ноги — несомненный признак диабета. Его жена боялась, что Саша напьется, и умоляла следить за ним.

Я вывел его погулять в центр Праги.

Саша не был пьян, но обычная кружка пива ввела его в состояние повышенной восприимчивости.

Над одной из дверей на улице Скоржепка мерцала надпись For adults only. Мы вошли. Это было пип-шоу.

Вокруг сцены стояли кабины. Саша вошел, кинул монетку. Перед ним раскрылось окошко, в котором на крутящейся площадке извивалась в сладострастном танце молодая блондинка с маленькой грудью. Она подмигнула Саше. И в нем что-то затрепетало. Наверное, она напомнила ему девушку Таню.

Дальнейшее было нетрудно предугадать. Она приблизилась к его окошку и позволила гладить свою грудь сквозь специальное отверстие в стене. Саша все шептал: «Милая, хорошая...», без конца просовывал ей купюры, а она загадочно улыбалась.

Я уверен, что это была девчонка с Украины.

Очарование оборвалось внезапно. Девушка приблизила к нему лицо, которое вблизи не выглядело таким симпатичным, и прошептала:

— Отсосу за тридцать долларов.

Саша вздрогнул:

— Я же люблю тебя, а ты...

После этого он долго пребывал в шоке. Я не мог его остановить. Саша купил в уличных киосках двадцать или тридцать пузырьков зеленого цвета — отвратительный местный абсент. Рассовал пузырьки по карманам. И мы вернулись домой.

Я ушел работать в ночную смену и лишь потом узнал, что в ту ночь Саша смертельно напился. Доставал пузырьки из неведомых тайников и погружался в состояние тотального транса. Имя Тани не сходило с его губ.

Сашина жена не могла понять, откуда берутся емкости с абсентом. Она обыскала квартиру, но ничего не нашла. Но я-то знал студенческие замашки Саши: он мог прятать пузырьки в мусорных бачках, под раковиной, в ботинках и в еще более неожиданных местах.

К утру он опустошил все пузырьки, забылся тяжелым сном и сутки провалялся в постели.

Последние дни в Праге Саша тихо провел у телевизора: жена не пускала его в город.

Последний раз я видел Сашу на Арбате в 2001 году. Он вылез из служебного «Мерседеса», грузный, с большим кожаным портфелем, совсем не похожий на живого темноглазого юношу, которого я знал в Египте.

Мы зашли в кафе «Шоколадница». Саша сразу заказал литр пива.

Вспомнили Каир: ночные прогулки по Гелиополису, друзей-переводчиков, походы в кино...

После внезапной паузы он сказал:

— Знаешь, не надо про Каир...

Я понял, что то время и то состояние души не надо трогать.

После трех кружек он не вязал лыка. Я поволок его к стоянке, где за рулем невозмутимо ждал шофер. По пути Саша умудрился купить несколько банок джина «Синебрюхов» и выпил в машине.

Сашина жена позвонила мне в истерике — он не доехал до дома. Потом его обнаружили спящим в собственном подъезде.

Я понял, что лучше не встречаться, лучше не трогать память.

Саша умер 13 июня 2002-го. Он дождался смерти, с которой бесконечно заигрывал и в которую сам не верил полностью. Он всю ночь просидел за компьютером, к утру прилег и больше не проснулся.

Я прилетел из Праги на его похороны. С Сашей прощались в Бутовском крематории на окраине Москвы: он лежал в гробу как живой, с детской улыбкой на лице. Тут же стояли немногочисленные родственники, переминались подогнанные на автобусе сослуживцы. В самом конце аллеи, за крематорием, припарковались скромные «Жигули», рядом с ними курили четыре человека, среди них молодая женщина. Лишь потом до меня дошло, что это были его верные друзья по Зазеркалью — интернет-форуму, в котором он буквально дневал и ночевал в последние годы, отказавшись от неприятных обязательств по миру реальному. Несколько лет спустя после Сашиной смерти, собирая материал по нашей командировке в Египет, я набрел в Интернете на записи бесед, которые Саша под ником ЗаМ вел с ночными друзьями. Мне показалось, они открывают другую, мне ранее не известную сторону его души. Я привожу отрывки из этих чатов, которых, как я понял, уже нет в Интернете. Пусть сбудется твоя мечта о Зазеркалье, мой старый друг!

Дмитрий Добродеев

О СЕБЕ

Я родился 20 марта 1950 г. в Батуми, но уже с трех месяцев и всю остальную жизнь с перерывами — вплоть до эмиграции — жил в столице.

Читать я начал рано, года в четыре, и главными увлечениями в детстве были русские народные сказки и былины, а также легенды и мифы древней Греции. Советская детская литература практически обошла меня стороной. Библия в СССР была запрещена, а когда я открыл ее в 1973 году, было уже поздно. Поэтому в моих текстах изначально нет влияния Библии и советской литературы. Но есть влияние экзистенциалистов, которых я открыл, учась во французской спецшколе, в середине 60-х годов. А также русского дворового языка.

До 23 лет я не хотел становиться писателем. Жизнь казалась мне более интересной в действии и географическом разнообразии, поэтому я и поступил на арабское отделение Института восточных языков при МГУ. В начале 70-х я провел как переводчик незабываемый год в Египте, который произвел переворот в моем сознании. Солнце, свобода и масса интересных книг — я отразил это время в своем романе «Каирский синдром».

Однако в 73-м году жизнь обернулась ко мне своей теневой стороной. На меня поступил донос в КГБ, я стал невыездным, и меня направили работать в военную контору МО СССР, где, вместе с разжалованными офицерами, я должен был переводить техническую литературу на арабский язык.

От отчаяния и духовной деградации в этой безнадежной брежневской Москве меня спасла литература. Я понял, что только слово и поиск самого себя способны дать направление в жизни. У меня был хороший друг, Володя Малявин, сейчас известный российский синолог и профессор Тамканского университета на Тайване. Он тогда только что вернулся из Сингапура, где много общался с французскими левыми. В его квартирке в Шелапутинском переулке я участвовал в беседах и брал книги из его уникальной библиотеки: Ницше, Арто, Эзру Паунда, Г. Миллера. Володя часто цитировал своих французских леваков: «Главное — троица Селин — Батай — Жене». И, действительно, Л-Ф. Селин, которого я прочел тогда в оригинале, перевернул мое сознание. Я не очень любил поэзию вообще и русскую в частности, но меня потрясли стихотворения Гельдерлина, «Песни Мальдорора» Лотреамона и поэмы в прозе Рембо. Последнюю

точку в моем литературном самообразовании поставили рассказы Борхеса, после которого, как мне показалось, начался процесс деградации в западной литературе.

В Воентехиниздате, где я провел четыре года, а с 1978 г. и в Институте Африки АН СССР я вел дневник в школьных тетрадах, и постепенно мысли и наблюдения перерастали в новые формы. Они привели к созданию первых, как я сейчас вижу, неудачных повестей и рассказов. Первый прорыв произошел в сентябре 1982-го — марте 1983-го, когда я был на полгода откомандирован в Лейпцигский Университет. Тема моей командировки была «Экономическая экспансия монополий ФРГ в Северной Африке». Для написания этой идиотской работы я каждый день ходил в спецхран местной «Ленинки»(Deutsche Buecherei), но работа не двигалась (она так и не была написана). Я возвращался, одинокий и подавленный, в убогую комнатку аспирантского общежития на Герберштрассе, что рядом с главным вокзалом, и тупо смотрел на унылый восточногерманский город, укутанный торфяной мглой. Казалось, что Вторая мировая здесь не закончилась. Вот тогда-то и родились «Лейпцигские рассказы». Я писал их шариковой ручкой, автоматически, как во сне. Как будто бы кто-то водил моей рукой. Увозил в Москву в толстой линованной тетради.

Дальнейшие этапы моего жизненного пути — командировка в Будапешт (1987–1989), попытка найти работу в Вене (1989–1990) и эмиграция в Германию, где я стал работать на Радио «Свобода». С 1995 г. постоянно живу в Праге. Все эти годы я продолжал писать рассказы с упором на минималистский жанр «шорт-шорт», который теперь все чаще называется Flash Fiction — «блиц-проза».

В основе этого метода — контрапункт, монтаж в духе русского авангарда, смешение планов — высокого и низкого.

Из более крупных своих текстов я бы выделил повести «Возвращение в Союз» (финалист русского «Букера» —1987 г.), «Путешествие в Тунис», романы «Моменты Ру», «Большая Svoboda Ивана Д.» и «Каирский синдром».

Другие книги автора

«Архив» и другие истории

Возвращение в Союз

Путешествие в Тунис

Моменты Ру

Большая Svoboda Ивана Д.

Другие авторы издательства

АБРАМОВ, АМУРСКИЙ, БАВИЛЬСКИЙ, БАЛЛА,
БАТШЕВ, БЕЛКА БРАУН, БОВ (БОБОВНИКОФФ), БОКОВ,
ВОЛЫНСКИЙ, ВСЕВОЛОДОВ, ВОИНОВ, ГАЛЬЕГО,
ГАНОПОЛЬСКАЯ, ГЕОРГИЕВСКАЯ, ГУДАВА, ДАНИЛОВ,
ДОБРОДЕЕВ, ДРАГОМОЩЕНКО, ЗАГРЕБА, ИВАНЧЕНКО,
ИОХВИДОВИЧ, ИЛИЧЕВСКИЙ, КОВАЛЕВА, КОНДРОТАС, КОРТИ,
КРЕЙН, КУЗЬМЕНКОВ, КУРЧАТКИН, ЛЕМБЕРСКИЙ, МАРТЫНОВ,
МЕКЛИНА, МИЛЬШТЕЙН, МУСАЯН, НАЗАРОВ, ОГАРКОВА,
ОГЛОБЛИНА, ПЕТРОВ, ПЫРЕГОВ, РАЗУМОВСКИЙ, РОДИОНОВ,
РЫБАКОВ, САНДЛЕР, СЕЛИН, СЛЕПУХИН, ТЕРНОВСКИЙ,
УСЫСКИН, ФОХТ, ХУРГИН, ЦЕЙТЛИН, ЧАНЦЕВ, ШЕСТКОВ,
ЭПШТЕЙН, ЭРБАР, ЮРЬЕВ, ЮРЬЕНЕН...

Адреса книжной витрины

<http://tinyurl.com/bmoux1>

<http://tinyurl.com/c8a6eq>

<http://www.lulu.com/spotlight/FrancTireurUSA>

Адрес издательства

franctireurusa@gmail.com

Издательский совет

Дмитрий Бавильский (Россия)

Николай Боков (Франция)

Александр Кабаков (Россия)

Марина Ками (США)

Марио Корти (Италия)

Элен Менегальдо (Франция)

Андрей Назаров (Дания)

Михаил Эпштейн (США)

Сергей Юрьенен (США)

Franc-Tireur
USA